

ПИСЬМА ОСТРОВСКОГО К ЖЕНЕ М. В. ОСТРОВСКОЙ

Статья Л. М. Лотман

Публикация Б. Н. Капелюш, М. И. Маловой и Г. Г. Поляковой

Публикуемые письма Александра Николаевича Островского охватывают длительный период жизни драматурга и Марии Васильевны, его второй жены. Первое из писем датируется 12 мая 1864 г. Это самое раннее из известных писем Островского к Марии Васильевне. В феврале 1864 г. Островский обзился с молодой артисткой московского театра Васильевой 2-й (ей было девятнадцать лет), и отъезд драматурга в отцовское имение Щельково Костромской губ. на лето был первой его разлукой с нею. Последнее письмо, которым завершается публикация, послано 19 мая 1886 г. из Москвы в Щельково, где отдыхала Мария Васильевна. После этого письма — 25 мая 1886 г. больной писатель еще раз писал жене (XVI, № 1140). 28 мая он выехал в Щельково, где через четыре дня скончался. Таким образом, публикуемые письма отражают жизнь Островского на протяжении более двадцати лет. В полном объеме они печатаются впервые¹.

Данная публикация пополняет корпус эпистолярного наследия драматурга, представленный в Полном собрании его сочинений (XIV—XVI), 219 текстами.

Письма Островского к жене хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (ф. 218, оп. 3, № 11—12). Сюда они были переданы из семейного архива потомков драматурга его внучкой Марией Михайловной Шателен, дочерью Марии Александровны Островской и академика Михаила Андреевича Шателена. В распоряжение М. М. Шателен эта часть семейного архива поступила после смерти ее дяди, Сергея Александровича Островского, не только хранившего, но, очевидно, и намеревавшегося издать письма отца к матери, о чем свидетельствуют сделанные им выписки.

Отлучаясь из Москвы в Щельково (если Мария Васильевна оставалась в Москве), уезжая в Петербург, путешествуя по Волге, по Кавказу, а также во время пребывания Марии Васильевны с дочерью в Крыму, Островский вел с нею аккуратную систематическую переписку. Обычно он писал ей через два дня на третий.

При всей их лаконичности, письма Островского к жене очень содержательны. Он сообщает ей о всех главных происшествиях своей жизни, занятиях, встречах с людьми, которые могут представлять для нее интерес, о своем времяпрепровождении и самочувствии. В зрелом возрасте Островский особенно аккуратно вел свою корреспонденцию. Постоянные болезни обоих супругов, заставлявшие их тревожиться друг за друга, и усиление нервозности и требовательности Марии Васильевны побуждали перегруженного работой и непосильными разнообразными заботами Островского всегда находить время и силы для семейной переписки. Стиль и содержание писем Островского с годами менялись. Сообщения становились обстоятельнее, заметно, что Мария Васильевна все более и более вникала в дела мужа; вместе с тем настроения тревоги и грусти, а подчас и раздражение больного и утомленного человека все более дают себя знать в его письмах.

В переписке Островского и М. В. Островской отразились как особенности личности супругов и характер отношений, установившихся между ними, так и семейные события, труды и занятия драматурга, которые обеспечивали материальное благополучие и спокойствие семьи. Островский постоянно стремился заверить жену, что дела идут неплохо, что на ближайшее время семья будет существовать безбедно. Следует отметить, что этой заботой о детях и доме были в равной мере заняты и драматург, и Мария Васильевна.

Островский познакомился с начинающей актрисой Васильевой 2-й, будучи не только знаменитым, но и маститым писателем. К 1864 г. он являлся уже автором двадцати пьес, подавляющее большинство которых с успехом исполнялось на сцене Малого театра, где во второстепенных ролях выступала Васильева 2-я. В частности, она играла роль Лизы в «Воспитаннице» Островского (премьера с ее участием состоялась 21 октября 1863 г.). Имя Островского было одним из самых популярных в читательской среде. Ни один писатель не пользовался таким авторитетом у актеров, в кругу которых вращалась Мария Васильевна, как Островский. Актрисы, окончившие одновременно с нею Московское театральное училище, но проявившие большие артистические способности и занявшие более видное место в труппе Малого театра, не только любили и уважали Островского, но смотрели на него как на учителя, главу, заступника перед театральным начальством.

Естественно, что Мария Васильевна стремилась организовать семейный быт соответственно тому высокому положению, которое по праву должен был занимать ее муж в артистическом мире. В сближении молодой актрисы со знаменитым писателем расчет и практические соображения не играли роли. Островский был связан узами нравственного долга со своей первой гражданской женой Агафьей Ивановной, в течение многих лет тяжело болевшей. Только в 1869 г., через два года после смерти Агафьи Ивановны, он вступил с Марией Васильевной (от которой у него к этому времени были уже дети) в официальный, церковный брак.

Если быт Островского до его брака с Марией Васильевной нес на себе отпечаток небезбеспокойного и беззаботного существования молодой художественной интеллигенции, присущей этой среде «богемной» общительности, непритязательной простоты, то впоследствии драматург оказался перед необходимостью придать своей жизни более спокойный, семейно-замкнутый характер. Он не мог пренебречь заботой о материальном достатке, обеспечивающем возможность дать образование детям («образование дать — дать все!» — воскликнул он в разговоре с Н. А. Кропачевым в дни тяжелой предсмертной болезни²). К тому же, чем обширнее и разнообразнее были творческие замыслы и интересы писателя, тем более он нуждался в покое и нормальных условиях для работы. Как теоретически мыслящий драматург-просветитель, видевший в своей деятельности общественное служение, и как автор, вынужденный бороться за сценическую жизнь своих произведений, Островский вел борьбу против реакционной и антихудожественной репертуарной политики театральной администрации и искал путей воздействия на жизнь театра, на его организацию. К достижению этого он шел разными путями, но сама задача занимала его и требовала от него много энергии. Мария Васильевна принимала горячее участие в его заботах, хотя понимала его цель односторонне, лишь как стремление обеспечить семью и создать себе прочное положение. Через все письма Островского к жене проходят как лейтмотив сообщения о непрерывном, подчас непосильном литературном труде, о материальном вознаграждении, которого можно за него ожидать, о разных формах и этапах борьбы за влияние на художественное развитие театра. Причем характерно, что редко писатель сообщает в письмах о существе работ, которыми он занят. На первый план выступает «количественная» сторона, общая характеристика направления его трудов. Так, извещая о том, что он задумал пьесу, он, как правило, не пишет не только о содержании замысла, но даже о характере будущей пьесы (комедия, драма). Он пишет лишь о том, над чем работает: над переводом или оригинальной пьесой, редактирует ли чужое произведение или сочиняет свое. Каждый из видов работы по-разному «реализуется» — и, что небезразлично для вечно испытывающей недостаток средств семьи, по-разному оплачивается. В одном из писем Островский обстоятельно объясняет Марии Васильевне, что переводы «целятся» вполсилы против оригинальных пьес» (письмо 208). Такого рода «количественная» характеристика работы содержится, например, в опубликованном в Полном собрании сочинений Островского письме к Марии Васильевне от 2 июля 1867 г.: «Пьесы я задумал две, не знаю, за какую прежде примусь, но во всяком случае в деревне одну какую-нибудь кончу. Я думал в деревне отдохнуть, а дела по горло. Пишу либретто Серову для оперы в 4 актах, пишу либретто Чайковскому, перевожу 2 итальянские комедии и буду писать еще свою большую пьесу» (XIV, 156—157).

Нередко настойчивые напоминания о материальных расчетах и планах, связанных с работой, имеют значение «оправдания», средства простого, «доходчивого» объяснения необходимости частых разлук и долгого отсутствия главы семьи. Мария Васильевна родила дочь, и занятый многообразными делами в Петербурге, увлеченный этими делами, драматург, поздравляя жену, доказывает, что не может раньше времени вернуться в Москву: «...мне надобно заработать и получить побольше денег; особенно теперь, когда у меня будет расти невеста (...). Только бы нам здоровья, тебе да мне, а там бог даст, можно будет жить хорошо» (письмо 27).

Островский сетует, что Мария Васильевна не хочет понять, как важно и полезно его пребывание в Петербурге, и намекает, что его работа по просьбе директора императорских театров С. А. Геденова над пьесой, первоначальный набросок которой был сделан этим последним (драма «Василиса Мелентьева»), укрепит престиж семьи. «Посмотри, какой тебе будет почет в театре», — уговаривает он Марию Васильевну (письмо 28), оставляя в стороне творческие вопросы, которые в гораздо большей степени занимали его. Мария Васильевна нелегко поддавалась на убеждения мужа. Его оптимизм она рассматривала как проявление непрактичности. Разделяя взгляды актерской среды, она относилась с глубочайшим недоверием к обещаниям театральной администрации и высокопоставленных бюрократов. В 1835 г., когда хлопоты Островского начали, казалось бы, увенчиваться успехом и он надеялся, что получит возможность оказывать влияние на состояние московских театров, заранее радуясь этому, Мария Васильевна выражала сомнение в реальности надежд мужа и в искренности расположения к нему высших чиновников, которым он доверял. «Вы все как-то сомневаетесь, делаете разные предположения, ни на чем не основанные, и пишете мне советы, ничего не зная», — отвечает Островский на сомнения жены и, разъясняя ей ход подготовки к внедрению новых законоположений о театре, в разработке которых он принимал деятельное участие, стыдит ее за то, что она предполагает, что министр тайне хочет сохранения старого порядка, ибо «ему очень жаль расставаться» с надоевшими всем театральными администраторами (письмо 203).

То, что составляло смысл и радость жизни драматурга — бескорыстное служение искусству, — его жена нередко расценивала как своего рода донкихотство, просто-душие, делающее его беззащитным перед театральными заправилками, интриганами и эксплуататорами. Поток лаконичных, но полных для него захватывающего интереса сообщений о постановках пьес, о перспективах создания народного театра, о возможности реорганизаций московской театральной дирекции, содержащийся в письмах мужа, она воспринимает по-своему, напоминая, чтобы он за общественными интересами не забывал своих личных и об них-то и хлопотал. «Не беспокойся сама и не беспокой меня напоминаниями, чтобы я сделал что-нибудь прочное для себя; я делаю и сделаю все, что могу, я убиваю свою жизнь в хлопотах о семействе, для меня самого уж теперь ничего не нужно», — возражает он ей в марте 1884 г. (письмо 164). Пессимистическая нота, звучащая в этих строках, не соответствовала общему взгляду драматурга на перспективы его деятельности. В последнем из публикуемых нами писем смертельно больной Островский, которому оставалось жить всего две недели, сообщая Марии Васильевне, что его здоровье «очень расстроилось», не терял интереса к делам и надеялся продолжать трудиться. «Ты обо мне не беспокойся, мне только поустроит дела и поуспокоится, и я опять окрепну», — писал он (письмо 219). Однако утверждение, что ему «ничего не нужно», в письме 1884 г. отражало определенное настроение Островского в последний период его жизни. Обозревая письма драматурга за два десятилетия и постоянно наталкиваясь в них на признания: «Я все работаю» (письмо 178), «если б я не работал с утра до ночи» (письмо 191), «я работаю так же, как и в Москве, т. е. с утра до ночи, только здесь покойнее, никто не развлекает» (письмо 193) и т. д., — мы видим, как велика была нагрузка, которую нес писатель, начинаем ощущать ритм его жизни, своеобразную ее периодичность. Островский был четким работником, прекрасным организатором. Не случайно он явился инициатором многих общественных начинаний, имевших прочный успех³. Упорядоченность, разумность отличали занятия Островского. Всякий, кто знакомится с процессом творчества драматурга, с его рукописями, не может не обратить внимания на строгую систему, отра-

женную в самом их внешнем виде. По большей части они написаны на больших листах, разделенных вдоль на половины, на одной из которых писался текст, на другой — заметки, исправления. Жизнь драматурга, как и его творческая работа, с годами приняла особенно систематический, размеренный характер.

Поездки в Щелыково и в Петербург, откуда и писалось большинство публикуемых писем, были звеньями в непрерывной цепи деятельности драматурга, определявшей ритм его жизни. Отдых в Щелыкове был для Островского всегда временем возникновения замыслов, накопления творческой энергии, внутреннего сосредоточения. Уже в дневнике 1848 г., передавая свои сильные до боли впечатления от красоты волжской природы, начинающий писатель связывает их с мыслью о творчестве: «Неужели <...> впечатления этих пяти дней будут бесплодны для меня?» (XIII, 185). Та же вера в плодотворность наслаждения природой, та же радость от восстановления своих физических сил и от ощущения начала нового творческого подъема звучит и в следующей записи: «Я по несколько часов упиваюсь благовонным воздухом сада. И тогда мне природа делается понятней... Каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки — очаровательны, каждая мужицкая физиономия значительна (я пошлых не видал еще), и все это ждет кисти, ждет жизни от творческого духа. Здесь все вопиет о воспроизведении, а больше всего восхитительные овраги подле дома» (XIII, 187). Эти овраги дождались своего «воспроизведения» много позже — в драме Островского «Гроза».

В письме 1867 г. Щелыково выступает уже как привычное место, в котором отдых и труд идут рука об руку. На сетования Марии Васильевны, что разлука их затягивается, Островский возражает: «Надо же мне поправить свое здоровье, да и работать мне здесь ничто не мешает» (письмо 19). В тот же приезд в Щелыково драматург посылает Марии Васильевне сведения о себе через брата Петра, погостившего в Щелыкове «недельку» (письмо 17). Петр Николаевич Островский часто бывал летом в Щелыкове, сопровождал старшего брата на рыбную ловлю. Впоследствии он описывал, как это любимое развлечение писателя легко и естественно соединялось с процессом творчества в его первоначальной, устной и, может быть, самой напряженной стадии. И. Л. Леонтьев-Щеглов следующим образом передает рассказ П. Н. Островского: «Представьте, у брата ничего подобного не было — никакой записной книжки, никаких заметок... Сюжет, сценарий, действующие лица, их язык — все сидело полностью *внутри* до самого написания пьесы... Весь этот важнейший подготовительный процесс задуманной пьесы протекал обыкновенно у А. Н. во время летнего отдыха в его любимом Щелыкове. Там, пока А. Н. часами сидел на берегу реки с удочкой в руках, пьеса вынашивалась, тщательно обдумывалась и передумывалась ее мельчайшие подробности... Сажу я как-то раз возле него на траве, читаю что-то — вижу, сильно хмурится мой Александр Николаевич.

— Ну что, — спрашиваю, — как пьеса?

— Да что, пьеса почти готова... да вот, *концы не сходятся!* — отвечает он вздыхая»⁴.

Осень была для Островского периодом осуществления замыслов, завершения произведений, работы с актерами над постановкой новой драмы или комедии. Начало нового года обычно ознаменовывалось опубликованием пьесы, при этом в подавляющем большинстве случаев Островский печатался в петербургских журналах (начиная со второй половины 50-х годов). Таким образом, в осенние месяцы Островский оказывался перед необходимостью поездки в Петербург для участия в постановке пьесы на сцене Александринского театра, чтения ее с актерами (его работа с актерами носила режиссерский характер) и для подготовки публикации нового сочинения в журнале.

С годами регулярность жизни и работы Островского возрастала. Не благоволившая к драматургу критика пронизировала над систематичностью его творчества. Так, критик журнала «Сияние», обозревая беллетристику «Отечественных записок», писал, что первый номер журнала за 1872 г. открывается «неизбежной январской комедией А. Островского» (речь идет о «Не было ни гроша, да вдруг алтын») ⁵.

«Каждый год по одной комедии г. Островского, — это так же точно и верно исполняется, как и каждый год по одному тому «Истории» г. Соловьева», — шутил критик газеты «Сын Отечества»⁶, не понимая, что сходство «периодичности» литературной дея-

тельности Островского и строгой систематичности научного труда ученого, его современника, имело глубокие причины и не заслуживало того, чтобы стать предметом легкомысленного зубоскальства.

Вместе с тем в бюджет времени драматурга, поглощенного трудом и подчинившего весь свой быт интересам творчества, должен был «умещаться» все больший объем работы. Занятия с актерами двух театров и Артистического кружка, знакомства с композиторами, работа над оперными либретто, изучение вопросов русской истории и подготовка к написанию исторических пьес, организационная деятельность по созданию Артистического кружка, Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, активное участие в деятельности этих организаций, а затем и в Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства, попытка создания народного театра в Москве, перевод иноязычных пьес, редактирование и перепечатка произведений начинающих драматургов, устройство собственных материальных дел (хлопоты о пенсии и о продаже права на издание своих сочинений) — вот далеко не полный перечень дел, которые он выполнял помимо основного труда — творческого, литературного. Обилие и разнообразие обязанностей росло из года в год, как свежий ком, и чем более самоотверженно трудился писатель, тем больше расширялся круг его интересов, возрастала напряженность его интеллектуальной жизни, усиливался «комплекс задолженности». Положение главы русских драматургов не ограждало его произведений от придирчивой, зачастую несправедливой критики журналов, легко бросавшей таким маститым писателям, как Тургенев, Гончаров, Островский, упреки в повторениях, в утрате чувства современности.

Отмена крепостного права «переворотила» вековой уклад жизни России. Этот исторический сдвиг наложил отпечаток на существо и характер социальных конфликтов. Островский это видел и понимал. Круг явлений, отображенных в его драматургии, расширялся, коллизии и сюжеты его пьес видоизменялись, драматург создавал новые, современные типы. Каждая пьеса 70—80-х годов в его творчестве представляет новое, подчас неожиданное явление. Наскоки критики не столько стимулировали творческое развитие драматурга, сколько увеличивали психологическое напряжение, которое он испытывал. Через всю переписку проходит постоянный мотив: рассказывая о своих трудах, писатель надеется, что, закончив то или другое срочное дело, сможет отдохнуть. От года к году дела растут все с большей скоростью, а передышки, все более необходимые и желанные, становятся редкими или совсем невозможными. Отдых, развлечения и даже небольшие отвлечения от дел начинают казаться самому драматургу и близким к нему людям неуместной роскошью. Если прежде он считал посещение театра для себя приятной обязанностью, то в 70—80-х годах он начинает отказывать себе в этом, порой даже в самых интересных для него случаях. Находясь в Петербурге, Островский не является на премьеру своей пьесы «Бесприданница» и узнает об ее исключительном успехе из чужих уст (письмо 66).

«Вчера Стрепетова играла в «Грозе», — это было торжество, которого Петербург давно не видел, фурор неописанный. Жаль, что мне не удалось быть в театре, пропасть дела», — сообщает он в письме 17 декабря 1881 г. (№ 96).

Интересуясь талантом М. Г. Савиной, о которой в Москве гремела молва, он может себе позволить лишь «заглянуть» в театр. Сообщая о необходимой потере времени в Петербурге на деловые встречи, о визитах и приемах, писатель как бы оправдывается перед самим собой и женой: «В воскресенье поутру у меня было много народу, был и Некрасов, обедал я у Бурдина, потом заезжал в Александринский театр, посмотрел два акта «В осадном положении». Савина действительно актриса хорошая. Вечером пописал немного. Сегодня кончу пьесу и примусь за переписку; три дня посижу дома безвыходно и не вставая с места. В этом же письме 10 ноября 1875 г. содержится любопытный рассказ о работе над пьесой «Богатые невесты» по пути из Москвы в Петербург. Даже дорога не могла быть для Островского хотя бы вынужденной передышкой: «...закусив немного в Клину, я перешел из средней залы в особое отделение, артистичка принес мне стол и свечи, — я сел писать и к половине двенадцатого кончил 3-й акт. Всю пятницу я сидел дома, переписал 3-й акт, который в вагоне был написан на маленьких бумажках, и начал 4-й акт» (письмо 54).

Такая срочная работа над пьесами была особенно тяжела Островскому, натуре которого была присуща обстоятельность и неторопливость. Знавший его с самого начала его литературной деятельности и близко наблюдавший его работу С. В. Максимов вспоминал впоследствии: «По свойству прирожденного характера делать все не спеша, вдумчиво и основательно, Александр Николаевич обыкновенно писал долго, допуская большие перерывы»⁷.

Вот как передает другой знакомый Островского, встречавшийся с ним в 1879 и в начале 1880-х гг., И. А. Купчинский, темп работы писателя в этот, последний период его жизни: «Если застанешь его пишущим, он, поздоровавшись, бывало, скажет: «Надо кончить», — и продолжает писать... Наконец, Александр Николаевич кладет рукопись в сторону, встает и начинает тереть руки от плеча до кистей вследствие боли в руках; боли в них, по словам его, особенно увеличивались после того, как он в продолжении двух недель — что говорится, в один присест — написал четырехактную комедию и перевел тоже четырехактную драму. Закончив такую работу, — «я вставши не мог от боли во всем теле с полчаса с места тронуться», — сказал он.

— На что же вы так себя утруждали? — спросил я.

— Деньги, деньги до зарезу нужны были, — отвечал Александр Николаевич»⁸.

Не только постоянная, длившаяся всю жизнь и изматывавшая его борьба за существование, но и расширение творческих интересов, гражданских обязанностей, человеческих связей вынуждали писателя непомерно «утруждать себя». Он сам стал пленником собственной интеллектуальной мощи, своего положения «старейшины» русского театра, и его физические силы не выдерживали этой нагрузки. Друзья-артисты, любившие своего драматурга и преклонявшиеся перед ним, постоянно увеличивали его заботы, обращаясь к нему со всевозможными просьбами, которые обрекали его на серьезные труды: написать или предоставить в бенефис новую пьесу (из-за пьес Островского между актерами возникали споры и ссоры), добиться пенсии, повышения оклада или просили дать скромную ссуду (нередко без отдачи) для приобретения нового фрака, без которого нет надежды на заключение контракта. Мария Васильевна, имевшая друзей в артистической среде, не могла уклониться от роли посредницы и ходатайствовала перед мужем или напоминала ему, о ком надо похлопотать. Островский, внимательно и сочувственно относившийся ко всем просьбам актеров (он их аккуратно заносил в записную книжку, и, как правило, не нуждался в напоминаниях), отписывал Марии Васильевне о результатах своих хлопот за артистов: Н. А. Никулину, Н. И. Музиля, А. М. Кондратьева, Н. И. Васильева-Запольского, В. Ф. Дубровина (Ватсона), А. Д. Живокини, С. П. Акимову, Н. М. Медведеву и др.

Письма Островского к жене передают драматическую картину постепенного нарастания его недуга — стенокардии, сведшей его в могилу. Сердечные приступы и характерные для этой болезни боли в руках начались у него очень рано. Человек богатырского сложения, он, по сути дела, в относительно молодом возрасте был уже тяжело болен, во что почти никто из его друзей не верил. В среде родственников и знакомых он слыл за «мнимого больного», как Мольер, скончавшийся после представления пьесы «Мнимый больной», юмор которой был обращен отчасти на самого автора.

«Я гуляю много, но с великим трудом, пока не разойдусь, очень ломит руки и грудь, — что-то будет дальше», — писал Островский в 1867 г. из Щелыкова (письмо 16). Подобные мимолетные упоминания обнаруживают всю свою мрачную многозначительность в свете последних, предсмертных писем, вошедших в настоящую публикацию.

Живой интерес к театру и драматургии всех народов побуждал Островского изучать языки, иностранную литературу, трудиться над переводами. Писателя волновала и трогала не только родная природа средней России, но и природа других стран. Культура народов Запада и Востока притягивала и увлекала его. Свое восхищение природой и искусством Италии он отразил в дневнике 1862 г. Способность восхищаться бытом и творческими достижениями других народов, восторженные рассказы Островского о его туристских впечатлениях раздражали П. М. Садовского, и он в шутку прозвал Островского «путешественником»⁹. Последним путешествием Островского, открывшим ему новые горизонты многонациональной культуры Кавказа, была его поезд-

ка на юг в 1883 г. Писатель вел во время этой поездки дневник; наиболее поразившие его впечатления, которые он описывал в дневнике, он передавал также и в письмах к Марье Васильевне, поэтому в «кавказских письмах» Островского к жене есть совпадающие с дневниковыми записями эпизоды. Любопытно, что в письмах особенно развернуто и подробно отражена официальная сторона его пребывания в городах Кавказа — Тифлисе, Баку, Батуме. Островский путешествовал вместе со своим братом М. Н. Островским — министром государственных имуществ, поехавшим в Закавказье с ревизией. М. Н. Островскому воздавались почести как официальному лицу, его брату — как крупнейшему представителю русской литературы. Об этих-то празднествах, приемах и проявлениях кавказского гостеприимства и рассказывает драматург в письмах к жене. Против обыкновения он довольно подробно «живописует» поразившие его красоты природы. Гораздо меньше внимания здесь уделено, безусловно, очень важным для него встречам с представителями грузинской, армянской, русской местной интеллигенции¹⁰, первым попыткам проникнуть в мир искусства народов Кавказа. Островский не пишет жене о дружбе, которая завязалась между ним и деятелями культуры Закавказья: М. М. Ипполитовым-Ивановым, Г. М. Сундукьяном, грузинскими актерами — профессионалами и любителями, образованной молодежью.

В Тифлисе Островский остановился в доме Александра Васильевича Бахметьева, брата Марии Васильевны. Здесь он прожил в общей сложности две недели.

В своих воспоминаниях, рукописи которых хранятся в Архиве Академии наук в Ленинграде, М. А. Шателен описывает пребывание Островского в Тифлисе и впечатление, которое произвел приезд знаменитого драматурга на гимназистов: «Приезд в Тифлис Александра Николаевича Островского был большим событием в нашей гимназической жизни. Имя Островского гремело тогда по всей России. Не было даже самого маленького уездного городка, где бы хотя на любительской сцене не ставили пьес Островского. Тифлис, конечно, не отставал. Драмы и комедии Александра Николаевича шли в театре и на любительских сценах и читались на бывших тогда в моде литературных вечерах. Шли они и в переводах на местных языках. И вдруг Островский в Тифлисе! Он приехал с своим братом министром государственных имуществ Михаилом Николаевичем, объезжавшим тогда Кавказ.

Александр Николаевич был женат на родной сестре моего вотчима и потому остановился у нас. Можно себе представить, каким интересным человеком для товарищей стал я, живший с самими Островскими. Не успевал я появиться в гимназии, как со всех сторон начинали сыпаться вопросы. А что делал вчера Островский? Что он говорил? Где будет сегодня? и т. д., и т. д., и я рассказывал. А рассказать было что. Александр Николаевич вообще любил поговорить и умел говорить. Его добродушие, приветливость, простота привлекали к нему всех, и за завтраком, обедом, ужином у нас бывало много интересовавшегося Александром Николаевичем народа, с которым он и беседовал. Беседовал обо всем, и о театре, и о литературе, и о музыке, и о кавказских впечатлениях. Особенно Александр Николаевич сошелся с армянским драматургом Сундукьянцем. Сундукьянец переводил для Островского отрывки из произведений армянских писателей, в том числе из своих, и Александр Николаевич глубоко воспринимал своеобразную их прелесть. Он даже задумал написать вместе с Сундукьянцем пьесу из жизни кавказского смешанного общества, но громадная нагрузка, свалившаяся на него вскоре, в виде директорства московских театров, а затем болезнь и смерть помешали выполнить эту мысль. Увлекался Александр Николаевич и кавказской музыкой. Михаил Михайлович Иванов <...> играл для него у нас целыми вечерами аранжированные им кавказские мотивы. Александр Николаевич убеждал Ипполитова-Иванова взяться за оперу на сюжет одной кавказской легенды и обещал даже из этой легенды сделать либретто для будущей оперы. К сожалению, и это намерение не было выполнено ни либреттистом, ни композитором. Ипполитов-Иванов просто обожал Островского. Свои чувства он многие годы спустя выразил в торжественной кантате, исполненной лучшими музыкальными силами московских театров в Малом театре на спектакле <...> в ознаменование 100-летия со дня рождения Александра Николаевича <...> В Тифлисе Островский был объектом всякого рода оваций, и мы, гимназисты старших классов, игравшие в Тифлисе <...> роль студентов, принимали в них самое горячее уча-

стие. Мы даже посылали к нему на квартиру приветственную делегацию из товарищей, славившихся своими ораторскими и сценическими способностями, и были чрезвычайно горды, что он не только выслушал наших делегатов, но и потом разговаривал с ними. К сожалению, я мог видеть и слышать все это только из соседней комнаты, через дверную щелку, так как за отсутствием всяких признаков ораторского или сценического таланта меня в депутацию не допустили. Долго еще после отъезда Островского обстоятельства его пребывания в Тифлисе были одним из главных сюжетов наших разговоров»¹¹.

Не только для интеллигенции Тифлиса, но и для самого писателя его пребывание на Кавказе явилось значительным событием. Новые впечатления, интересные встречи, наглядные свидетельства влияния его драматургии на литературы народов древней и богатой культуры — все это воодушевляло Островского, поддерживало в нем творческую энергию. О комедии «Без вины виноватые» Островский писал: «...это чуть ли не пятидесятое мое оригинальное произведение, и очень дорогое для меня во многих отношениях: на отделку его потрачено много труда и энергии; оно писано после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика <...> это произведение создавалось необыкновенно удачно: мне неожиданно приходили в голову художественные соображения, доступные только молодым силам, на которые я, в мои лета, не смел рассчитывать. Повторения такого счастливого настроения едва ли уж дождешься» (XII, 232—233).

Можно предположить, что колорит русского общества на Кавказе отразился в особенном, напряженном драматизме этой пьесы и в необычных судьбах ее героев. Многие люди, поселившиеся на Кавказе и занявшие в местном обществе видное место, в прошлом пережили большие жизненные катастрофы, «переломившие» их биографию, заставившие их отказаться от привычного образа жизни, уехать из родных краев и начать все снова и на новом месте. Среди них было немало одаренных личностей, сумевших не склонить головы в несчастье, были и авантюристы, приехавшие на поиски удачи. Шателен вспоминает, что его родной отец оказался на Кавказе после того, как гимназистом, доведенным придирками до неистовства, бросился на директора гимназии и порвал на нем мундир. Он был исключен из гимназии и вынужден отправиться в армию на Кавказ (в крепость Анапа)¹².

Среди служащих, чиновников, учителей, уважаемых в кругу кавказской интеллигенции, были слышные или люди смелых, независимых взглядов. Так, попечителем учебного округа в Тифлисе был друг Н. В. Станкевича Януарий Михайлович Неверов.

Своего отчима Шателен характеризует как крупного промышленного деятеля на Кавказе. Александр Васильевич Бахметьев был талантливым инженером, впоследствии профессором-гидравликом. Его влиянию Шателен приписывает свое увлечение инженерным делом, электротехникой. В Тифлисе он пользовался большим уважением, однако не исключено, что и он пережил в прошлом неблагоприятные повороты судьбы, вынудившие его уехать на Кавказ и даже изменить отчество, во всяком случае на такие размышления наводят несколько раз повторяющиеся в письмах Островского к Марии Васильевне напоминания: «...не забудь, что Александра Васильевича все зовут на Кавказе Александром Павловичем» (письмо 150). Ср.: «Не забудь только в разговоре с Башкировым, что Александра Васильевича зовут все на Кавказе Александром Павловичем» (письмо 147). По поручению другого брата жены, Василия Васильевича Бахметьева, Островский должен был истребовать долг у коммерсанта, жившего в Баку. Должник Бахметьева был в отъезде, и Островскому пришлось объясняться с его женой. Отношения супругов и их характеры заинтересовали драматурга. Несостоятельный должник, женившийся на богатой вдове, владелице нефтяного и бондарного заводов, чтобы поправить дела, и попавший в кабалу к бойкой бабе, которая «за словом в карман не полезет» и не допускает мужа к своему капиталу, — этот тип и эта ситуация были хорошо знакомы Островскому. Однако за скупыми строками его письма ощущается живой писательский интерес к особенностям судеб людей в условиях жизни, где сильные и властные характеры полнее раскрываются.

В письмах Островского постоянно встречается обещание подробнее рассказать о впечатлениях при встрече. Кратко описывая свое путешествие, Островский сообщал

жене: «Все, что можно, у меня записано в книжке, и я прочту вам и расскажу по приезде в Москву» (письмо 144). Таким образом, дневниковые записи Островский рассматривал как своего рода конспект будущих устных рассказов, а письма были для него не заменой, а залогом предстоящего непосредственного общения.

Приехав вскоре после путешествия на Кавказ в Петербург, Островский посетил М. Е. Салтыкова (17 декабря 1883 г. он сообщал Марии Васильевне о приглашении к Салтыкову, а 18-го — что был вчера у него). В гостях у Салтыкова Островский с воодушевлением рассказывал о Кавказе¹³.

Создавая произведения, Островский рассчитывал на устное их произнесение, поэтому письма не были для него естественной, излюбленной формой контакта с людьми, как для многих других литераторов. «Отчего легко учить мои роли?... когда пишу, сам произношу вслух» (XII, 323), — утверждал он.

Недаром ученик Островского, называвший себя его воспитанником (см. его приписку к письму 54), И. Ф. Горбунов, стал одним из самых выдающихся мастеров русского устного рассказа, замечательным писателем-исполнителем, создавшим типы большого общественного значения. Во время пребывания драматурга в Петербурге артист Александринского театра Горбунов делал приписки в письмах Островского к Марии Васильевне. В этих приписках он стилизовался под речь бойкого приказчика, пародируя письма или монологи такого персонажа.

Островский писал жене просто, безыскусственно, письма его не художественные произведения, не образцы эпистолярной прозы, а человеческие документы, и в них, строгих и фактографичных, перед нами проходит жизнь писателя. При чтении мы ощущаем его заботы и проникаемся ритмом его бытия, удивляемся непомерности его трудов и видим великодушную простоту его сердца, до нас доходят его тревоги в их будничном и утомительном течении. В непосредственности этого ощущения состоит источник эмоционального воздействия публикуемых писем, имеющих первостепенное значение как источник сведений о жизни драматурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Кавказские» письма Островского к жене цитируются в статье: А. Н. Степанов. А. Н. Островский в Грузии. — «Литературная Грузия», 1960, № 2. Насколько цитат из писем Островского приводятся в богатых важными биографическими материалами работах: А. И. Ревякин. А. Н. Островский в Шелькове. Кострома, 1957; его же. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М., 1962.

² «Островский в воспоминаниях современников», стр. 477.

³ См. В. В. Яковлев. Общественно-театральная деятельность А. Н. Островского. — В кн.: «Творчество А. Н. Островского. Юбилейный сборник». М. — Пг., ГИЗ, 1923, стр. 58—91; П. Марков. Островский и Артистический кружок. — В кн.: «Островский». Изд. Русского театрального общества. М., 1923, стр. 44—47; Э. Матерн. А. Н. Островский и Общество русских драматических писателей и оперных композиторов. — Там же, стр. 47—55; А. Гольдман. Островский — председатель Общества драматических писателей. М., ВТО, 1948; А. И. Ревякин. А. Н. Островский. Жизнь и творчество. М., Учпедгиз, 1949, стр. 87—93; его же. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского, стр. 184—265.

⁴ И. Щеглов. Островский и Теляковский. (Из записной книжки). — «Слово», 1907, № 48, 14 января, стр. 2.

⁵ «Сияние», 1872, т. 1, № 7, стр. 115.

⁶ «Сын отечества», 1877, № 45, 25 февраля. Ст. «Русская литература» (о комедии «Правда — хорошо, а счастье — лучше»).

⁷ Островский в воспоминаниях современников, стр. 97.

⁸ Там же, стр. 228.

⁹ Там же, стр. 387.

¹⁰ О встречах Островского с кавказской интеллигенцией и его интересе к грузинской культуре — см. Г. Талиашвили. Русско-грузинские литературные взаимоотношения (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, 1967, стр. 311—327.

¹¹ М. А. Шателен. Из воспоминаний электрика. — Архив АН СССР, Ленинградское отд., ф. 869, оп. 2, ед. хр. 44, лл. 31—33.

¹² М. А. Шателен. Автобиография. Введение (черновая рукопись). — Архив АН СССР, Ленинградское отд., ф. 869, оп. 2, ед. хр. 38.

¹³ См. письмо Салтыкова к Н. А. Белоголовому 18 декабря 1883 г. — Н. Щеглов и Н. М. Е. Салтыков. Полн. собр. соч. в двадцати томах, т. XIX. М., 1939, стр. 372.

1

Нижний Новгород. Вторник. 12 мая (1864 г.)

Милочка Маша, доехали мы благополучно и очень покойно. Не знаю, что будет дальше, а теперь я здоров совершенно. В Нижнем я провел день довольно скучно, потому, что знакомых почти никого не застал, спектакля не было. Завтра я буду в деревне, начну гулять, пить молоко, и скоро уведомя тебя, какую перемену произведет во мне деревенская жизнь. Напиши мне поскорее, как твое здоровье; пиши, милочка, чаще, — пиши все, что в твою головку придет. Поклонись всем знакомым, скажи Рассказову¹, чтобы заехал, если будет можно. Иван Егорыч² тебе кланяется. Погода было разгулялась, но теперь опять пасмурно. Извини, милочка, писать больше некогда. Будь здорова, моя ангел! Не скучай! Целую тебя.

Твой А. Островский

Год устанавливается по связи с письмом к М. В. Островской 15 мая 1864 г. (XIV, № 172).

¹ Александр Андреевич *Рассказов* (1833—1902) — в 50—60-е годы артист Малого театра. Островский охотно поручал ему роли в своих пьесах. В 1866 г. Рассказов покинул Малый театр и занялся антрепризой в провинции. В Щельково он не приезжал.

² Иван Егорович *Турчанинов* (ум. 1871) — с 1840 по 1863 г. артист Малого театра; в 1864 г. вышел на пенсию. В продолжение многих лет сопровождал Островского в его поездках в Щельково. Их связывала общая страсть к рыболовству.

2

Щельково. 23 мая (1864 г.)

Милочка Маша, первое, чем я могу тебя обрадовать, это то, что здоровье мое заметно поправляется. Погода у нас отличная, я много гуляю утром и вечером и почти не чувствую усталости; сегодня я начал купаться, а Иван Егорыч¹ уже давно купается. Очень может случиться, что ворочусь в Москву совсем здоровый. Загорели мы в лучшем виде. Напиши мне, нет ли у вас чего новенького в театре? Здоров ли Пров Михайлович?² Поклонись ему от меня. Что делает Львов?³ Еще прошу я тебя убедительно не скучать, а стараться развлекать себя. Теперь скоро увидимся. Иван Егорыч тебе кланяется. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и по связи с письмом к М. В. Островской 1 июня 1864 г. (XIV, № 173).

¹ И. Е. *Турчанинов*. Пребывание его в Щелькове всегда благотворно действовало на Островского.

² Пров Михайлович *Садовский* — см. настоящ. кн., стр. 382.

³ Леонид Федорович *Львов* был управляющим московской конторой императорских театров до сентября 1864 г.

3

⟨Петербург. 12 января 1865 г.⟩

Милочка Маша, я доехал благополучно, вчера отдыхал, сегодня читаю свою пьесу у Некрасова¹. Здоровье мое довольно хорошо. Горбунов², Бурдин³, Павел Иванович⁴ тебе кланяются. Сейчас еду к Федорову⁵ поговорить насчет пьесы⁶.

Целую тебя.

Твой А. Островский

Александру Семеновичу Кошечеву.

А. Островский

ОСТРОВСКИЙ

Фотография Оже и Богдана. Петербург, вторая половина 1850-х годов,
с дарственной надписью А. С. Кошечеву:

«Алексею Семеновичу Кошечеву. А. Островский»

Центральный театральный музей, Москва

Датируется по содержанию.

¹ Островский приехал в Петербург 9 января, а 12-го читал свою пьесу «Воевода» («Сон на Волге») у Н. А. Некрасова в присутствии М. Н. Островского и П. В. Анненкова (Некрасов, т. I, стр. 398).

² Иван Федорович Горбунов (1831—1895) — с 1856 г. артист Александринского театра, известный рассказчик, писатель, друг Островского, с которым он познакомился в конце 1849—начале 1850 г. Живя с 1855 г. постоянно в Петербурге, Горбунов выполнял многие поручения драматурга. В 1862 г. Островский с Горбуновым были за границей, а в 1865 г. — совершили поездку по Волге. Горбунов часто гостил у Островского в Москве и в усадьбе Щелыково. Он оставил свои воспоминания об Островском («Островский в воспоминаниях современников», стр. 47—64).

³ Федор Алексеевич Бурдин (1827—1887) — артист Александринского театра с 1847 по 1883 г., друг Островского. Благодаря своим знакомствам и связям в бюрократическом и театральном мире, Бурдин оказывал Островскому большие услуги при проведении многих его пьес через цензуру и при постановке их на сцене Александринского театра. В своих письмах он подробно осведомлял Островского о положении театральных дел, о театральной жизни Петербурга. Островский очень ценил эти дружеские услуги и всячески способствовал сценическим успехам Бурдина. Как актер Бурдин отличался добросовестным исполнением, но часто переигрывал и брал роли, не соответствующие его данным. Островский видел актерские недостатки Бурдина, указывал ему на них, но понимания со стороны артиста не встречал, на этой почве между ними бывали неприятности, которые, впрочем, не отражались на их дружеских отношениях. После смерти драматурга Бурдин написал «Воспоминания об А. Н. Островском» (впервые напечатаны в «Вестнике Европы», 1886, № 12), содержащие ценный материал для биографии драматурга.

⁴ Павел Иванович *Европеус* (1829—1872) — тверской помещик, приятель Ф. А. Бурдина.

⁵ О Павле Степановиче Федорове — см. настоящ. кн., стр. 400—401.

⁶ Речь идет о постановке в Александринском театре пьесы «Воевода».

4

Петербург. 18 января <1865 г.>

Милочка Маша, за что ты меня упрекаешь, я не понимаю. Я пишу тебе через день. Сегодня десятый день, как я поехал, а я посылаю тебе пятое письмо. Зачем ты себя напрасно расстраиваешь! Если бы я был болен, я бы тебе написал. В субботу я был у графа Борха¹, и он мне обещал все сделать для пьесы, она теперь в цензуре, Комитетом уже одобрена, в «Современнике» печатается². Как только выйдет из цензуры и напечатается, я приеду в Москву. Здоровье мое не хуже и не лучше, чем в Москве. Я почти все сижу дома, был только два раза в русской опере, которая здесь хороша, а в других театрах не был. Бурдин и все знакомые тебе кланяются.

Деньги тебе посылаю сегодня же. Часы тебе купил и привезу с собой. Об одном я только молю бога и прошу тебя заботиться о своем здоровье, мне только и нужно, да перестань не доверять мне. Пора тебе убедиться, как я тебя люблю. Глупушка ты моя, ради самого бога, будь ты повеселее и попокойнее! Целую тебя всю.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию.

¹ Александр Михайлович гр. Борх (1804—1867) — директор императорских театров в 1862—1867 гг.

² Театрально-литературный комитет одобрил пьесу «Воевода» 16 января (ЦГИАЛ, ф. 497, ед. хр. 3266, журнал 48), а театральную цензуру она прошла 25 января (см. сб. «Театральное наследие». Ленинградский Государственный академический театр драмы, 1934, вып. 1, стр. 149). Первая редакция пьесы была напечатана в «Современнике», 1865, № 1 (с авторской датой: 7 января 1865 г.).

5

⟨Петербург. 20 января 1865 г.⟩

Милочка Маша, мне здесь очень много хлопот, и я боюсь, что дела мои задержат меня долее, чем я предполагал. Уехать нельзя до тех пор, пока пьеса не выйдет из цензуры; без меня ее могут испортить и совсем запретить, — сверх того печатают очень медленно и это меня также задерживает¹. Граф Борх принял меня очень ласково, обещал сделать все и дал позволение ставить пьесу на большом театре в Москве². У нас лютые морозы, я решительно нигде, кроме Бурдина, не бываю. В следующем письме напишу, когда могу приехать в Москву.

Целую тебя. Твой

А. Островский

Получила ли деньги?

Датируется по содержанию.

¹ См. письмо 4.

² Пьеса «Воевода» шла первый раз в Марининском театре 28 апреля 1865 г. (см. письмо 12), а в Москве, в Малом театре — 9 сентября 1865 г.

6

⟨Петербург. 31 января 1865 г.⟩

⟨И. Ф. Горбунов⟩

По моему письму мы все, слава богу, живы и здоровы и во вторник выезжаем в Москву. Если вы будете вести себя хорошо, мы вам привезем гостинцу, чего-нибудь эдакого.

Поцеловав вашу ручку, имею честь остаться вашим слугою

И. Горбуновым

Гостинцу не ждите, потому что в Петербурге все дорого, ни к чему приступу нет. В Москве купим.

Милочка Маша, в среду жди меня в сумеречки.

А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

7

⟨Петербург. 1 февраля 1865 г.⟩

Милочка Маша, на твое письмо выезжать тебе в театр или нет¹, я отвечал сейчас же.

Нельзя же мне бросить дело и ехать в Москву ни с чем. Меня задерживает Некрасов². Я думал, что завтра, т. е. во вторник, приеду в Москву, а выходит, что он завтра только привезет деньги. Выеду я в среду и приеду в четверг. До скорого свиданья! Все наши тебе кланяются. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом к М. В. Васильевой 25 января 1865 г. (XIV, № 184).

¹ По случаю рождения старшего сына Александра (родился 27 декабря 1864 г.) Мария Васильевна была в отпуску и не выступала.

² Речь идет о денежных расчетах с Некрасовым за печатавшуюся в «Современнике» пьесу «Воевода».

8

⟨Петербург. 3 марта 1865 г.⟩

Милочка Маша, вчера мы доехали до Петербурга с милым мальчиком покойно и благополучно¹. Вчера я был у Федорова, был в конторе, видел рисунки декораций и не всеми доволен. Сегодня поутру у меня будут машинист и декораторы, и мы все приладим, завтра репетиция. Писать теперь больше нечего. Прощай! Целую тебя.

Твой А. Островский

Среда 3 марта

Год устанавливается по содержанию.

¹ 2 марта Островский снова приезжает в Петербург и принимает участие в постановке «Воеводы». Кто был его спутником, установить не удалось.

9

⟨Петербург. 6 марта 1865 г.⟩

Милочка Маша, хлопот мне здесь пропасть — репетиции начнутся только с понедельника, — вчера была назначена репетиция, но Самойлов¹ прислал роль, — чтобы ее передали кому-нибудь другому, что он играть не станет. Послали за ним в другой раз, и все утро прошло в том, чтобы уговорить его играть. Здоровье мое так себе, — ни хорошо, ни дурно. Горбунов еще не приезжал². Федя, кума и даже Алеша тебе кланяются³, а также Павел Иванович⁴ и прочие. Прощай. Целую тебя.

Твой А. Островский

Дата устанавливается по содержанию.

¹ О В. В. Самойлове — см. настоящ. кн., стр. 393—394. Самойлов отказался от роли Минина, а роль Шалыгина («Воевода») Островский для него сократил (см. письмо Островского к В. В. Самойлову от начала апреля 1865 г. — XIV, 123). Капризы Самойлова угнетали драматурга, но, отдавая должную дань большому таланту Самойлова, он высоко ценил его игру.

² И. Ф. Горбунов часто выезжал на гастроли в Москву и провинцию.

³ Ф. А. Бурдин, его жена Анна Дмитриевна (кума) и их сын Алексей (крестник Островского).

⁴ П. И. Европеус — см. письмо 3.

10

⟨Петербург. Середина марта 1865 г.⟩

Милочка Маша, ты просишь, чтобы я приезжал поскорее, нельзя же мне бросить дело. Я хлопочу с утра до ночи, бегаю по всем министерствам, и дело наше идет на лад¹. Мне нельзя выехать, пока я не кончу. Я сам до смерти по вас соскучился, да что ж делать! В следующем письме напишу, когда ждать меня! Прощай! Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ В этот приезд в Петербург Островский, кроме участия в постановке «Воеводы», хлопотал о разрешении учредить московский Артистический кружок, который был им основан вместе с В. Ф. Одоевским, П. М. Садовским, Н. Г. Рубинштейном и др. Задачами кружка были: обеспечение отдыха актерам, материальная помощь, повышение квалификации, предоставление возможности провинциальным актерам выступать на вечерах кружка, связь с московской интеллигенцией. В кружке выросли артисты М. П. Садовский, О. О. Садовская, В. А. Макшеев. Устав кружка был утвержден в начале апреля 1865 г.

11

〈Петербург. Средина апреля 1865 г.〉

Милочка Маша, главное: ты береги себя. Я дела все уладил, все идет порядком, репетиции идут хорошо, декорации рисуют. Я занят решительно во весь день, так что опомниться некогда¹. Выеду отсюда в понедельник. Все тебе кланяются. Прощай. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и по связи с предыдущими письмами.

¹ Речь идет о подготовке первого представления пьесы «Воевода». На эту подготовку Островский затратил много сил и времени; проходил роли с каждым артистом в отдельности, и, по обыкновению, входил во все детали изготовления декораций, костюмов и всяких механизмов сцены.

12

〈Петербург. 29 апреля 1865 г.〉

Милочка Маша, пьеса имела успех огромный, — меня вызывали после 3-го действия пять раз, а в 4-м действии в половине во всем театре поднялся крик: «автора», так что чуть не остановили представления, но я не вышел, а выходил после, — в конце вызывали единодушно всем театром несколько раз¹. Дело мое о продаже книг идет на лад². Приеду во вторник, 4 мая, впрочем, я напишу. Целую тебя!

Твой А. Островский

Целую ручки и остаюсь до 15 мая.

И. Горбунов

Датируется по содержанию.

¹ 28 апреля 1865 г. в Мариинском театре в присутствии автора состоялось первое представление «Воеводы» в бенефис Е. В. Владимировой. Перед отъездом в Москву артисты Александринского театра поднесли Островскому альбом со своими портретами.

² Островский заключил с петербургским издателем и книгопродавцем Д. Е. Кожанчиковым (ум. 1877) договор на издание своих сочинений. Кожанчиков издал в 1867 г. т. III и IV; в 1868 г. — т. I и II; в 1870 г. — т. V.

13

Самара. 31 мая 〈1865 г.〉

Милочка Маша, сейчас я получил твое письмо, очень обрадовался, что ты поправляешься здоровьем. Горбунов с нами¹, он приехал из Петербурга в тот день, когда мы выезжали, и не успел побывать у тебя. В Самаре на пристани нас встретил Рассказов, он здесь с женой и дочерью. Ты пишешь, что у вас холодно, и у нас не тепло, да сверх того каждый день страшный ветер. В Саратов мы поедем в среду, 2 июня, там пробудем дня четыре, потом поедем назад в Щелыково. Я чувствую себя получше, в Щелыкове, вероятно, совсем поправлюсь, а ты, милочка, постарайся растолстеть к тому времени. Целую тебя.

Твой А. Островский

Год устанавливается по месту написания письма и содержанию.

¹ Во второй половине мая 1865 г. Островский с Горбуновым и С. В. Максимовым предприняли путешествие по Волге от Нижнего Новгорода до Саратова и обратно, затем Островский поехал в Щелыково.

14

⟨Петербург. 20 марта 1867 г.
Понедельник 10-ть часов утра

Милочка Маша, приехали мы благополучно¹, в субботу обедал у Бурдина и отдыхал, вчера обедал у Некрасова, сегодня у нас обедают все знакомые. Я начал уже хлопотать по всем делам и мне кажется успею все устроить². Чтение мое назначено в субботу³, если я до того времени кончу свои дела, то в воскресенье выеду. Будь здорова, все знакомые тебе кланяются. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и по связи с письмом к Е. П. Ковалевскому 1 марта 1867 г. (XIV, № 230).

¹ Островский приехал в Петербург 18 марта вместе с Бурдиным.

² В это время в № 4 «Вестника Европы» печаталась пьеса «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и велись переговоры с Д. Е. Кожанчиковым об издании пятого тома собрания сочинений и расчетах за вышедшие тома.

³ 25 марта 1867 г. в зале Бенардаки Островский читал в пользу Литературного фонда драму «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

15

⟨Петербург. После 20 марта 1867 г.⟩

Милочка Маша, я совсем заработался, то корректуры, то другие дела¹. Приеду непременно во вторник и расскажу тебе обо всем, — все хорошо и благополучно. Что же Митос² не прислал пьесу; надо было выслать в четверг, а теперь уже поздно, только лишние хлопоты. Кожанчиков упирается; но я думаю, если не сейчас, то все-таки зимой получу³. За пьесу дадут в Москве⁴. Все тебе кланяются. Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

¹ Речь идет о корректуре драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и о хлопотах о разрешении Артистическому кружку давать платные спектакли.

² Митос — прозвище Дмитрия Васильевича Живокни (1826—1890), артиста Малого театра, которому Островский поручал организацию копирования своих пьес для театров. Вероятно, Живокни должен был прислать на рассмотрение Театрально-литературного комитета пьесу для своего бенефиса, и Островский мог бы ускорить прохождение ее через театральную цензуру.

³ Д. Е. Кожанчиков задерживал свои расчеты по III и IV томам сочинений Островского.

⁴ Название пьесы не установлено.

16

⟨Щелыково. 17 июня 1867 г.⟩

Милочка Маша.

Я получил от тебя и второе письмо и очень рад, что Мишка¹ делает успехи, к моему приезду будет, я думаю, ходить, приятно мне и то, что Саша² тебя слушается. Я гуляю много, но с великим трудом, пока не разойдусь, очень ломит руки и грудь, — что-то будет дальше. Сегодня к нам приехали Миша³ и Петя⁴, — будет у нас повеселее и гулять будем еще больше. Прощай, будь здорова. Целую тебя.

Твой А. Островский

Щелыково 17 июня

М. В. ВАСИЛЬЕВА
(ОСТРОВСКАЯ)
С СЫНОМ

Фотография, 1860-е годы

Институт русской литературы
АН СССР,
Ленинград

ФОТОГР. АРТИСТИЧЕСК. КРУЖКА
ХУДОЖНИКЪ М. ЛАНОВЪ
НА ПЕТРОВКѢ Д. РАЕВСКОНЪ ВЪ МОСКВѢ

Год устанавливается по содержанию.

¹ Михаил Александрович *Островский* (1866—1888) — второй сын Островского. В июне 1867 г. ему было 10 месяцев.

² Александр Александрович *Островский* (1864—1928) — старший сын Островского. В июне 1867 г. ему было три года.

³ О Михаиле Николаевиче *Островском* — см. стр. 219—228 настоящ. кн.

⁴ Петр Николаевич *Островский* (1839—1906) — младший брат Островского (от второго брака его отца). По окончании Военно-инженерного училища и нескольких лет службы в армии, в 1864 г., вышел в отставку, служил в Московской контрольной палате. Увлекался литературой и театром. А. Н. Островский поддерживал это увлечение брата. П. Н. Островский обладал тонким критическим чутьем, и к его указаниям прислушивались Островский и Чехов.

17

〈Щелыково〉 28 июня 〈1867 г.〉

Милочка Маша!

Пользуюсь случаем, чтобы написать тебе несколько строк. Петя¹, погостив у нас недельку, сегодня едет в Москву. Он тебе расскажет подробно про наше житье и про мое здоровье. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Год устанавливается по содержанию и сопоставлению с письмом 17 июня 1867 г.

¹ П. Н. *Островский*.

18

Щельково. 8 июля <1867 г.>

Милочка Маша, вот уж я и дома; поездка нисколько не утомила меня, а напротив укрепила мои силы. Я ездил недаром и успел сделать хорошее дело с Некрасовым, у которого пробыл два дня¹. Он к зиме издает большой сборник² и обещал взять у меня мою пьесу³ и перевод итальянской комедии⁴. Значит, нужно работать. Я только сейчас приехал и с дороги немного устал. Прощай! Целую тебя.

[Твой А. Островский]

Скажи брату своему⁵, что я не имею никаких известий о клубе, чтобы он мне написал.

Датируется по содержанию и связи с письмом к М. В. Островской 2 июля 1867 г. (XIV, № 237) и записям щельковского дневника Островского 1867 г.

¹ 2 июля Островский вместе с братом Михаилом Николаевичем выехали в Кострому и Ярославль. 4 июля Островский был в Карабихе — имении Некрасова, а 7-го — вернулся в Щельково.

² После запрещения «Современника» (1 июня 1866 г.) у Некрасова возник план издания неперIODических литературных сборников. Но этот проект не был осуществлен.

³ О какой пьесе идет речь, установить не удалось, но можно предположить, что Островский имел в виду «Ивана-царевича».

⁴ В это время Островский занимался переводом с итальянского двух пьес — «Великий банкир» Итало Франка (см. о ней письмо 23) и «Заблудшие овцы» Т. Чикони (поставлена в Александрийском театре в 1869 г. и напечатана в «Драматических переводах А. Н. Островского». СПб., 1872).

⁵ Василий Васильевич *Бахметьев* — приказчик и член Московского клуба приказчиков, впоследствии московский купец.

19

<Щельково> 22 июля 1867 года

Милочка Маша! Поздравляю тебя с днем твоего ангела!¹ Ты просишь, чтобы я приехал 15 августа, вероятно, так и будет: одно затруднительно, в это время очень трудно проехать, потому что в Нижнем ярмарка и со всех сторон едет очень много народу². Ты пишешь, что скоро уже три месяца, как я уехал! Милая Маша, еще двух нет³. Надо же мне поправить свое здоровье, да и работать мне здесь ничто не мешает. Прощай! Желаю тебе быть здоровой. Целую тебя.

Твой А. Островский

¹ Именины Марии Васильевны были 22 июля.

² Ярмарка в Нижнем Новгороде открывалась 15 июля и закрывалась 25 августа.

³ Островский приехал в Щельково 30 мая.

20

<Щельково. Конец июля 1867 г.>

Милочка Маша.

Я уж писал тебе, что приеду около половины августа, до тех пор ты займи у кого-нибудь денег; а я по приезде получу с театра, я уже писал Давыдову¹, чтобы он приготовил. В следующем письме я напишу тебе, когда ждать меня наверное. Я думаю числа 16 или 17. Здоровье мое значительно поправляется, и мне хотелось бы хорошенько поправиться; а в Москве я опять захвораю. Прощай! Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ Николай Иванович Давыдов (р. 1824) — казначей московской дворцовой конторы, артист-любитель, муж сестры Островского — Натальи Николаевны. В 50-х годах в квартире Давыдова ставились любительским кружком на закрытых спектаклях пьесы, не педшие в Малом театре. Здесь была поставлена пьеса «Свои люди — сочтемся!», в которой роль Подхалюзина исполнял автор.

21

⟨Петербург. 27 сентября 1867 г.⟩

Милочка Маша, я сейчас был у директора, принял он меня превосходно, расположение его ко мне нисколько не изменилось. Но разговор о деле сегодня мы не окончили, потому что нам помешали, а кончим в пятницу¹.

Пьеса моя загремела по Петербургу, все считают ее лучшей пьесой из всех моих². Боюсь опоздать на почту и пишу наскоро. Все наши тебе кланяются. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Вчера были с Горбуновым в бане.

Датируется по содержанию и связи с письмом 25 сентября 1867 г. (XIV, № 240).

¹ Островский приехал в Петербург 23 сентября и в тот же день был на генеральной репетиции балета «Золотая рыбка» по сказке Пушкина, музыка Сен-Леона; 24-го он слушал в Мариинском театре оперу Беллини «Пуритане» (перевод П. И. Калашникова), в которой выступал баритон И. А. Мельников. Там Островский познакомился с новым директором императорских театров С. А. Геденовым. Надежды Островского на разговор с Геденовым об увеличении вознаграждения драматических писателей, о своем тяжелом материальном положении, об оскорбительном отношении театрального начальства к его пьесам не оправдались. Разговор так и не состоялся.

² Речь идет о пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

22

⟨Петербург. 29 сентября 1867 г.⟩

Милочка Маша, дела мои подвигаются вперед. С директором я в самых лучших отношениях, что может быть очень полезно для нас с тобой¹. Каково твое здоровье? Я написал Пете, чтобы он заходил к тебе². Все мои старания в Петербурге состоят в том, чтобы привезти побольше денег в Москву. Здоровье мое порядочно. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ См. письмо 21.

² Беспокоясь о состоянии здоровья беременной Марии Васильевны, Островский просил своего брата Петра Николаевича навещать ее.

23

⟨Петербург. 1 октября 1867 г.⟩

Милочка Маша, меня то и задерживает в Петербурге, что я не могу до сих пор получить никаких денег. За итальянскую пьесу выдадут завтра или послезавтра, и я тебе сейчас же перешлю¹. За либретто Серова получу бог знает когда². Кроме того, у меня здесь вдруг открылось дело, о котором я прежде и не думал, и от которого у меня многое зависит, я его непременно должен кончить здесь: это дело, кроме денег, может принести мне очень много пользы³. Я теперь сижу и занимаюсь, почти нигде не бываю. Деньги я тебе пришлю с Сергеем Николаевичем Измайловым⁴, который теперь в Петербурге. Здоровье мое довольно хорошо. Все знакомые тебе кланяются. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию.

¹ Вероятно, речь идет о гонораре за перевод с итальянского комедии Итало Франка «Великий банкир», которая была одобрена Театрально-литературным комитетом 7 сентября 1867 г. Первый раз представлена на сцене Малого театра в 1867 г.; опубликована в «Отечественных записках», 1871, № 7.

² Летом 1867 г. Островский, по предложению композитора А. Н. Серова, работал над либретто оперы на сюжет своей драмы «Не так живи, как хочется». В 1868 г. он его переработал, но Серов остался не удовлетворен, и часть либретто написал (по новому плану Серова) П. И. Калашников, а закончил сам композитор. Опера была названа «Вражья сила».

³ С. А. Гедеонов предложил Островскому сюжет задуманной им пьесы и черновые наброски к ней. В течение шести недель (октябрь — ноябрь) Островский написал драму «Василиса Мелентьева», значительно изменив первоначальный сюжет. 17 ноября Островский читал ее у А. К. Толстого. 18 ноября драма была одобрена; 5 декабря окончательно разрешена цензурой (с изъятием двух фраз), а 8 декабря получила разрешение театральной цензуры. Напечатана в «Вестнике Европы», 1868, № 2.

⁴ Лицо не установленное.

24

⟨Петербург. 4 октября 1867 г.⟩

Милочка Маша, посылаю тебе деньги 100 р., — из них отдай за квартиру. Теперь я свои дела кончаю и скоро буду в Москве. Будь здорова. Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом и письмом от октября 1867 г. (XIV, № 241).

25

⟨Петербург. Между 20 и 28 октября 1867 г.⟩

Милочка Маша, ты пишешь, что я забыл вас. Это неправда, я оттого и живу в Петербурге, что помню об вас, — для вас я и хлопочу и стараюсь. Нельзя же мне приехать в Москву без денег, а я здесь случайно нашел такое дело, которое нам доставит много, очень много денег, надобно же его кончить¹. И я не ленюсь, я не сплю ночи, работаю для вас, кабы ты посмотрела, как я похудел. Я ложусь в 4 часа ночи и встаю в 8-м для того, чтоб поскорее кончить дело и уехать в Москву. Скоро ты увидишь, какой мне и тебе почет в Москве будет². Через неделю я, вероятно, кончу свои дела и сейчас же приеду в Москву. До свидания.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ Речь идет о работе над пьесой «Василиса Мелентьева» (см. прим. к письму 23).

² Островский надеялся, что возникший общий интерес сблизит его с Гедеоновым и благоприятно отразится на его театральных делах. Надежды эти не оправдались.

26

Петербург. 30 октября ⟨1867 г.⟩

⟨И. Ф. Горбунов⟩

У нас, ей богу, все отлично! Деньги вам посланы и денег много, рублей, надо быть, сто. Во сколько! С этими деньгами можно всю Москву наскрозь произойти. Дай вам бог и с детками доброго здоровья. Не кушайте сырых продуктов, говорят, вредно. В Москве будем скоро, по первопутку.

Ваш И. Горбунов

Верь, мой ангел, мне самому так хочется в Москву, что, если бы можно, я бы полетел на крыльях, — да что же делать. По приезде моем, ты узнаешь, какое важное дело задерживает меня.

Повторяю тебе, что это дело принесет очень большую выгоду мне и тебе¹.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Год устанавливается по содержанию.

¹ См. прим. к письмам 23 и 25.

27

⟨Петербург. 7—8 ноября 1867 г.⟩

Милочка Маша, вчера, когда я уже отправил к тебе письмо, я получил от вас короткое известие, что тебе бог дал дочку¹. Это меня и обрадовало и опечалило тем, что вы коротко пишете, — ни слова о том, здоровы ли вы, мои милые, ты и моя дочка. Я бы к тебе не то, что приехал, а на крыльях прилетел, если бы только можно было. Да дело-то в том, что мне надобно заработать и получить побольше денег; особенно теперь, когда у меня будет расти невеста.

Целую вас всех, мои милые.

Любящий тебя крепко.

А. Островский

Только бы нам здоровья, тебе да мне, а там бог даст, можно будет жить хорошо.

Датируется по содержанию.

¹ 5 ноября 1867 г. родилась старшая дочь драматурга — Мария Александровна (1867—1913).

28

⟨Петербург. 21 ноября 1867 г.⟩

Милочка Маша! Можно ли иметь такой несчастный характер! Я живу в Петербурге для того, чтобы сблизиться с директором и уже достиг этого. Ты пойми, как это полезно для тебя и для меня. Теперь он мне ни в чем не откажет. Посмотри, какой тебе будет почет в театре¹. Пьеса моя выйдет из цензуры никак не позже четверга. Считку я должен непременно сделать здесь для артистов, для того чтобы показать им тон ролей². Все это кончится в субботу, и я выеду непременно или в субботу же, или уж неотразимо в воскресенье. Ты спроси брата³, он придет на святках в Москву, как я сам скучаю по вас, я просто хожу, как сумасшедший. Брось, милая, свои сомнения и поверь, что я живу на свете только для тебя и для детей. Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию.

¹ См. прим. к письмам 23, 25.

² Речь идет о драме «Василиса Мелентьева».

³ М. Н. Островский.

С. А. ОСТРОВСКИЙ, СЫН
ПИСАТЕЛЯ

Фотография, 1878 г.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

29

⟨Петербург. 29 декабря 1867 г.⟩

⟨И. Ф. Горбунов⟩

Извещение: прибыли, как следует, в лучшем виде. Директора еще не видели. Пьеса пойдет ... января, а впредь уповаем на бога.

Иван Горбунов

Пишем коротко, потому что торошимся на репетицию. На днях напишем более подробно и обстоятельно.

Милочка Маша, прошу тебя, чтобы ты всем нашим ребятам по покло-ну отдала.

А. Островский

Датируется по содержанию.

30

⟨Петербург. 10 января 1868 г.⟩

Милочка Маша, пишу тебе, вернувшись из театра. Я оттого не писал тебе вчера и сегодня утром, что хотел кстати уж уведомить и о том, как

Н. А. ОСТРОВСКИЙ, СЫН
ПИСАТЕЛЯ

Фотография, 1880-е годы
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

прошла «Василиса»¹. Успех большой: Самойлов² был превосходен. Степанов³ и Струйская⁴ очень хороши, Владимирова⁵ на репетиции была очень хороша, а в спектакле конфузилась; автора вызывали: после 1-й сцены 4 <го> действия два раза, после 4 <го> акта два раза, после 5 <го> акта пять раз. Мариинский театр был набит битком, публика была отборная.

Что ты мне пишешь, чтобы я поскорее ехал! Разве я этого не знаю! Я бы уехал завтра же, но меня может задержать, на несколько дней то, что Кожанчиков не отдает денег⁶. А мне без денег выехать нельзя. Впрочем, я ждать его долго не стану, заложу билеты и приеду. Сегодня приехал Сергей Николаевич Измайлов. Здоровье мое не очень хорошо.

Уведомь Пров Михайловича⁷, что общий наш друг Евгений Николаевич Эдельсон⁸ умер скоропостижно, и завтра мы его хороним. В субботу я напишу тебе, когда приеду.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию.

¹ Первое представление драмы «Василиса Мелентьева» в Петербурге состоялось в Мариинском театре 10 января 1868 г. в бенефис П. И. Григорьева 1-го.

² В. В. Самойлов играл роль Грозного.

³ Петр Степанович *Степанов* (ум. 1884) — артист Александринского театра, играл роль Колычева.

⁴ Елена Павловна *Струйская* (1845—1904) — артистка Александринского театра, играла роль царицы Анны.

⁵ Елизавета Васильевна *Владимирова* (1840—1918) — артистка Александринского театра, играла роль Василисы Мелентьевой. См. о ней стр. 292—293.

⁶ Речь идет о получении денег с Д. Е. Кожанчикова за III и IV тома собрания сочинений Островского, вышедших в 1867 г. (см. письма 12 и 15).

⁷ Личные отношения Островского с П. М. Садовским были нарушены вследствие каких-то разногласий с конца 1863 г., но взаимное уважение они сохранили до конца жизни.

⁸ Евгений Николаевич *Эдельсон* (1824—1868) — критик. В 50-х годах сотрудничал в журнале «Москвитянин», входил в состав его «молодой редакции» и был дружен с Островским. Потом он переехал в Петербург, стал сотрудничать в «Библиотеке для чтения», и пути их разошлись. Эдельсон умер 8 января 1868 г.

31

⟨Петербург. 16 января 1868 г.⟩

Милочка Маша, у нас шестой день стоят такие морозы, что носа показать нельзя. У меня шуба теплая, и я выезжаю закутавшись, но все-таки в субботу немного простудил глаза и теперь сижу дома. Завтра последний разговор с Кожанчиковым¹, — сегодня жду Серова², покончивши с ними дела, приеду в Москву. Страшно ехать в такие морозы, — поезда опаздывают, ломаются колеса и рессоры, бывают и другие случаи: по дождю, когда будет хоть немного потеплее. Вчера «Василиса» шла в 3-й раз, в бенефис Владимировой³: я, боясь холода, не был в театре и очень жалею, потому что был государь и остался доволен и пьесой и игрой. Я так измучен разными хлопотами, что сплю и вижу, как бы приехать в Москву поскорей и отдохнуть.

Поклонись всем нашим! Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию.

¹ См. прим. к письмам 12, 15 и 30.

² См. прим. 2 к письму 23.

³ «Василиса Мелентьева» шла в третий раз 15 января 1868 г. в Мариинском театре.

32

⟨Кинешма⟩ Четверг, 9-е мая ⟨1868 г.⟩

Милочка Маша, пишу тебе из Кинешмы, куда мы доехали благополучно, но откуда не можем попасть в Щелыково по причине очень сильного ветра¹. Как только мы сели на пароход в Нижнем, пошел дождь, к вечеру и ночью дождь, ветер и холод все усиливались; поутру сегодня мы приехали в Кинешму во время сильной бури с дождем и снегом; переезжать нельзя, перевозить никто не берется; ветер страшный, и Волга в полном разливе, воды столько, что я никогда и не видывал: так мы целый день и сидели на воде на пристани в холоде. Теперь перебрались в город в гостиницу, где ночуем. Вещи наши опоздали в Нижнем и приедут завтра, мы их захватим с собой, если ветер утихнет, а если не утихнет, я не знаю, что и делать. Я совершенно здоров и все тоже. Теперь устал и хочу отдохнуть, завтра поутру еще напишу; потому что почта отходит в пятницу.

Пятница 10 мая

Проснулись в 6-м часу; погода та же, только ветер потише. Получена из Нижнего телеграмма, что пароход по причине бури не вышел вчера, значит сегодня не будет. Хотели ехать без вещей, не везут через Волгу, боятся ветра. Приходится еще день ждать, а, может быть, и почевать, коли ветер не утихнет. Пока прощай. В понедельник напишу обо всем подробно. Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Все тебе кланяются.

Год устанавливается по календарю. Четверг 9 мая был в 1868 г.

¹ До завершения в 1871 г. строительства Иванново-Кинешемской ж. д. Островский добирался до Щелыкова или через Ярославль, или через Нижний Новгород, совершая отрезок пути на пароходе до Кинешмы. В Кинешме их обычно ждали лошади, присланные из усадьбы. Если погода не благоприятствовала переезду через Волгу, то пережидали на постоялом дворе или в гостинице. От Кинешмы до Щелыкова 20 км. Вместе с Островским приехал и И. Е. Турчанинов.

33

Щелыково. 11 мая <1868 г.>

Милочка Маша, вчера мы благополучно прибыли в Щелыково. Переезжали через Волгу два часа. У нас очень холодно, мы топим печи, вечером сегодня были в бане, теперь только воротился. Я немножко простудился. Повара я нанял и на зиму Полиэвкта. Пока прощай! Когда разберусь и устроюсь, напишу тебе подробнее. Теперь у нас хозяйничает Ирина Андреевна¹, которая только почевать ездит домой.

Удочки мой, как оказывается, разворовал в Москве Николка².

Наши все тебе кланяются. Целую тебя и детей.

А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

¹ Ирина Андреевна *Белихова* (1800—1870) — соседка Островских по имению. С 1866 по 1870 г. вела хозяйство в Щелыкове.

² *Николка* — вероятно, сын московской прислуги Островских — Татьяны Ивашевской.

34

<Щелыково> 15 мая <1868 г.>

Милочка Маша, сегодня вещи пришли, но не в порядке: нет одного ящика с вином кахетинским 30 бутылок — вместо него прислан ящик с каким-то товаром, но за нашим № 166¹. Чемодан Ивана Егоровича² распорот и из него покрадены вещи. Об этом ты заяви агенту. Сейчас же съезди к нему. Погода у нас холодная, гулять нельзя, я занимаюсь уборкой в доме. Прилагаемую записку отдай агенту, он живет на Малой Лубянке, недалеко от площади. Мы все здоровы.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Год устанавливается по содержанию и связи с письмами 32, 33.

¹ Все тяжелые вещи (продукты, предметы хозяйственного обихода, одежду) Островские отправляли в Щелыково багажом, а сами ехали налегке.

² И. Е. *Турчанинов*.

〈Щелыково. 19 мая 1868 г.〉

Милочка Маша, ты просишь, чтобы я раньше приезжал, я и так приеду раньше, нежели предполагал. Я выеду в четверг 23 числа и буду в Москве в субботу утром, или в крайнем случае, если пароход опоздает, в воскресенье. Ты не жалея, что не поехала раньше, я и теперь не знаю, как мне везти тебя с ребенком, особенно от Волги; коляска изломалась, придется ехать в простой кибитке, в которых ты не езжала, тебя всю изломает; а если б вы поехали со мной, не знаю, довез ли бы я вас живых¹. Теперь стало немного потеплее, но лист на березе и на синели еще очень мал, на липе и на акации только почки. Мы все здоровы, ловим рыбу с Иваном Егоровичем² очень удачно. Скажи Татьяне, чтобы об Николае не тужила, доехал он очень покойно, мы взяли его на пароходе на ночь в 1-й класс, а в Щелыкове, он сам говорит, что он, как в раю³.

По получении этого письма, ты ко мне не пиши. Прилагаемое письмо и объявление ты снеси в почтамт, в то отделение, где получают деньги, и отдай Александру Ивановичу Савельеву⁴ — он тебе засвидетельствует и научит, как получить посылку. Это, вероятно, шляпка от Некрасова⁵.

До свиданья, милочка Маша, целую тебя и детей.

Твой А. Островский

19 мая

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ Мария Васильевна с детьми поехала в Щелыково в конце мая, когда за ними приехал Островский.

² И. Е. Турчанинов.

³ См. прим. к письму 33.

⁴ А. И. Савельев — почтовый чиновник в Москве.

⁵ Некрасов выполнял иногда подобного рода поручения Островского.

〈Щелыково〉 14 мая (1869 г.)

Милочка Маша, мы доехали очень благополучно¹, погода была теплая, Волга тиха, так что мы переезжали всего четверть часа. И в воскресенье была погода отличная. Понедельник дождь, а во вторник всего 4° тепла, так что нельзя было высунуть носу, и мы топили печи, мне в меховых сапогах и то было холодно. Ящики все нужно было открыть, потому что оказалась течь; это произошло от того, что все бутылки с уксусом перелопались от мороза, впрочем, все цело и ничего не повреждено, только уксусу нет ни капли. Мы забыли, что А〈рина〉 Андреевна² просила дорожную сумку, ради бога, не забудь, ей нужно небольшую возить деньги. Что еще ей нужно, я тебе напишу, она, кажется, не очень довольна, что я ей ничего не привез. Я ей отдал цветочный чай, захвати 1 ф. цветочного и два простого, я думаю, что для дому мало будет; да надобно оставить и в Щелыкове на зиму, а то А〈рина〉 Андреевна выговорила, что не оставили. Ключница у нас отличная, верная женщина, нанята за 2 р. 50 к. в месяц. Мальчик тоже очень хорош пока, за 5 руб. в месяц на всем своем. Ты приказывала, чтобы сделать две подушки больше; неужели больше тех, на какие ты прислала последнюю наволочку? Мы сомневаемся. Куда их. Я думаю сделать две средних. Напиши! Вот что не забудь для меня: возьми французский словарь. Привези еще почтовой бумаги, небольшой. Купи у Глейма³: стальных перьев, медных крючков, которые ввертываются в удилице, небольших, сетку для рыбы небольшой. Скажи Митосу⁴, чтобы он купил свисток и арапник, да купи мне

какой-нибудь летний галстучек. Как поедешь, попроси Васю⁵, чтобы он вперед познакомился на станции с обер-кондуктором и дал ему 3 руб., вам дадут целое отделение. Если можно, захвати из Москвы белой столовой соли. Илецкой здесь нет. Я совершенно здоров, целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Вещи не придут ранее субботы, так сказали на пристани.

Год устанавливается по содержанию.

¹ Островский приехал в Щельково с Турчаниновым. Семья же его по случаю рождения третьего сына — Сергея (10 апреля 1869 г.), приехала в Щельково в июне.

² И. А. Белихова.

³ В магазине Глейма продавались всевозможные принадлежности для охоты, рыболовства и спорта.

⁴ Д. В. Живокини довольно часто исполнял подобные поручения.

⁵ В. В. Бахметьев.

37

〈Щельково. 16 мая 1869 г.〉

Милочка Маша, пишу тебе на простой бумаге, почтовой нет. Ящики еще не пришли, получим их, вероятно, завтра. Погода у нас очень хорошая, один день был только холодный. Я гуляю, ловлю рыбу на Куекше¹, рыба берет очень хорошо, — на омуте еще ловить нельзя, только запрудили. Здоровье мое пока очень хорошо. В Щелькове еще ничего не делается², — плотник только завтра освободится, землекопы еще не пришли. Но, впрочем, я надеюсь все сделать. Деревья на дворе посажены безобразно и все посохли, я велел их выдергать. Здесь делается чудеса: вчера Николай³ А〈рине〉 Андреевне⁴ принес корзинку маслят, так рано еще никогда грибы не бывали. Вино разобрали, — все цело. Мне очень скучно, что я не имею известия о тебе и детях. Целую вас.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом 14 мая 1869 г.

¹ Через имение Щельково протекали три реки: Куекша, Мера и Сендега.

² Летом 1869 г. в Щелькове производились строительные работы.

³ Николай Алексеевич Любимов — молодой крестьянин деревни Тимино, который после смерти Белиховой управлял хозяйством в Щелькове до мая 1873 г.

⁴ И. А. Белихова.

38

〈Щельково. 18 мая 1869 г.〉

Милочка Маша, вещи наконец пришли все в исправности, исключая апельсинов и лимонов, из которых несколько попортилось. Арина Андреевна, видимо, недовольна, что я ей ничего не привез, впрочем, мы с ней в приятельских отношениях, и она бывает у нас каждый день¹. Ради бога, не забудь купить ей сумку, да привези какой-нибудь подарок. Не забудь также купить у Глейма сетку и все, что я тебе писал². Погода у нас переменная, для урожая хороша, но для моего здоровья не очень; так что я большею частью сижу дома и всего только два раза был на омуте и два раза на пруду. Рыба ловится отлично; тех головлей, которые ты видела в омуте с плотины, Иван Егорыч³ ловит без милосердия, он поймал 6 штук да я одного. Милая, не торопись ехать, я боюсь, чтобы ты не простудилась, да и за детей страшно. Плотники начали работать, землекопы придут в пятницу. Линейка готова. Ключница и Андрей⁴ исполняют свое дело отлично. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Арина Андреевна говорит, что мало тику. Она и Иван Егорович тебе кланяются. Копию с условия⁵ пошлю в воскресенье; надо послать страховым, а теперь идет с письмами мальчик, он этого не сумеет.

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ И. А. Белихова.

² См. прим. к письму 36.

³ И. Е. Турчанинов.

⁴ Андрей Кузьмич Куликов — рабочий в Щелыкове; исполнял у Островских должность посыльного.

⁵ Речь идет о копии условия с Д. Е. Кожанчиковым на издание 5-го тома собрания сочинений Островского. См. прим. к письмам 12 и 15.

39

(Петербург. 18 января 1871 г.)

Милая Маша, в субботу я благополучно приехал в Петербург и весь день был дома; вечером читал новую пьесу¹, у нас было много народа. Комедия всем очень понравилась. Вчера обедал у Некрасова и опять читал. Директора² еще не видал, вероятно, увижу завтра, а сегодня думаю посидеть дома, — идет снег, болят руки, насморк и кашель. Пошлю за Максимовым³, чтобы переговорить о Кожанчикове. Горбунов и Бурдин у меня бывают постоянно.

Миша тебе кланяется. Будь здорова. Целую тебя и детей. Через день или два напишу обо всем, что успею сделать.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом к Я. К. Гроту 15 января 1871 г. (XIV, № 310), в котором Островский сообщает, что будет в Петербурге с 17 по 25 января.

¹ Речь идет о комедии «Лес».

² С. А. Геденов.

³ С. В. Максимов по поручению Островского вел переговоры с издателем Кожанчиковым о денежных расчетах по 5-му тому собрания сочинений Островского, который был издан в 1870 г. Но и на этот раз Кожанчиков деньги в срок не отдал. Островский 10 апреля 1871 г. писал Бурдину: «Кожанчиков мне денег ни к празднику, ни на празднике, ни после праздника не выслал; при тебе я послал последние деньги в деревню и сам остался без денег. Я писал Максиму два письма о Кожанчикове, но не получаю ответа. Сделай милость, постарайся увидеть Максимова, переговоры с ним и уведомь меня поскорей — ты аккуратнее всех. Мне пора собираться в деревню, расходов прощать, а денег ни копейки» (XIV, 202).

40

(Петербург) Понедельник (29 ноября 1871 г.)

Милая Маша, я доехал благополучно. Здесь настоящая зима и погода прекрасная. Вчера я обедал у Бурдина и провел у него вечер. Сегодня переписывается комедия¹. Завтра я поеду к Федорову и Геденову², а вечером, если комедия будет переписана, прочту ее дома. Ты заторопилась и позабыла положить галстуки. В дом Шереметьева³ я пошлю сегодня. Миша здоров и тебе кланяется. Теперь тороплюсь выправлять пьесу; а денюха через два напишу тебе обо всем подробнее.

Целую тебя, детей и Прасковью Николаевну⁴.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом к Бурдину 26 ноября 1871 г. (XIV, № 343).

¹ Островский приехал в Петербург с рукописью новой комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын», которую читал у Е. М. Феоктистова, у Некрасова и у себя дома, т. е. у М. Н. Островского, где он останавливался, приезжая в Петербург.

Пьеса была напечатана в «Отечественных записках», 1872, № 1.

² С директором императорских театров С. А. Геденовым и заведующим репертуаром петербургских театров П. С. Федоровым Островский вел переговоры о постановке драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

³ Что помещалось в доме Шереметьева, установить не удалось.

⁴ Прасковья Николаевна Мейшен (во втором браке Волкова; в третьем — Вишнякова; ум. 1921) — жительница Ярославля, близкая знакомая Н. А. и Ф. А. Некрасовых и семьи Островских, часто у них гостившая в Москве и в Щелыкове. Помогала Марии Васильевне по хозяйству.

41

⟨Петербург⟩ Вторник ⟨21 декабря 1871 г.⟩

Милая Маша, с Звонаревым¹ я кончил за 9000 руб., сегодня подписываем условие. Он мне будет платить по 1800 руб. в год. Это очень хорошо. Теперь он даст мне 1000 руб., а 800 получим в Москве к Новому году. И кроме того, в условии сказано, что за каждый новый том он платит по 2000 руб., таким образом, я в пять лет получу 13 000 — чего еще лучше! Теперь мы можем жить покойнее, никакой нужды у нас уже не будет. Дело о пенсии² и постановке «Самозванца» пошло в ход³. Я так устал от разных хлопот и так соскучился по вас, что чуть не плачу; детей и тебя очень часто вижу во сне; вчера видел почтительного сына. Я никак не успею выехать раньше пятницы и приеду в самое рождество, что очень хорошо потому, что я не застаю дома уборки.

Миша и Бурдин тебе кланяются. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом 19 декабря 1871 г. (XIV, № 347).

¹ Переговоры с Кожанчиковым об издании 6-го тома собрания сочинений Островского не привели к положительным результатам (см. письмо Островского к М. В. Островской 19 декабря 1871 г. — XIV, 221—222). При содействии Некрасова Островский заключил с петербургским издателем и книгопродавцем С. В. Звонаревым (1833—1875) договор на издание собрания сочинений в семи томах. При подписании договора Островский получил аванс 1800 р. и по 1800 р. должен был получать в последующие четыре года, начиная с 1873 г.; но в этом году Звонарев отказался от договора с Островским (см. XV, 9, 28).

² М. Н. Островский и друзья драматурга, в том числе Некрасов, принимали деятельное участие в хлопотах о назначении Островскому пенсии, но дирекция императорских театров не давала хода этому делу и лишь в связи с предстоящим 25-летием литературно-театральной деятельности (14 февраля 1872 г.) С. А. Геденов направил министру императорского двора А. В. Адлербергу ходатайство о назначении Островскому пенсии. 8 февраля 1872 г. ходатайство было отклонено.

³ Первое представление в Петербурге драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» было назначено на 14 февраля 1872 г., но состоялось лишь 17 февраля в Мариинском театре в бенефис Е. Н. Жулевой (1830—1905), исполнявшей роль Марфы.

42

⟨Петербург⟩ Середа ⟨22 декабря 1871 г.⟩

Милая Маша, завтра я дела свои кончаю и выезжаю в пятницу или в субботу. Книги я продал¹, деньги за них буду получать по срокам, а завтра получу задаток 500 руб. Я здоров, только ужасно скучаю. Прощай! Целую тебя.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом 21 декабря 1871 г.

¹ 23 декабря 1871 г. был подписан договор с Звонаревым об издании сочинений Островского. См. прим. к письму 41.

43

⟨Петербург.⟩ Четверг ⟨10 февраля 1872 г.⟩

Милая Маша, приехал я в Петербург благополучно, хотя с сильным насморком. Вчера я был на репетиции, но репетировали только народные сцены¹, Бурдин и Монахов больны². Мне кажется, что «Самозванец» не пойдет, и я приеду ни с чем. Бурдин захворал еще в воскресенье. Сначала я было испугался, думал, что у него будет тиф, но теперь он поправляется. Я еще нигде не был и никого не видал. Завтра узнаю окончательно, пойдет ли «Самозванец», и тебе напишу в субботу.

Миша тебе кланяется. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и по дню приезда Островского в Петербург — 8 февраля 1872 г. («Летопись», стр. 198).

¹ Речь идет о репетициях драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Бурдин писал Островскому 30 января 1872 г.: «... считаю твоё присутствие крайне необходимым. Это одна из самых решительных минут в твоей жизни, потому что вместе с юбилеем и успехом твоей пьесы связан и пенсион» («Островский и Бурдин», стр. 154). Островский 4 февраля 1872 г. отвечал: «... не думаю, чтобы от успеха «Самозванца» (как ты пишешь) зависело назначение мне пенсiona. Пьеса моя уже давно известна, успех уже она имела; успех или неуспех в Петербурге может служить только мерой для оценки способностей артистов; а никак не мой» (там же, стр. 155).

² Ипполит Иванович Монахов (1841—1877) — артист Александринского театра с 1865 г.

44

⟨Петербург.⟩ Суббота ⟨12 февраля 1872 г.⟩

Милая Маша, я совершенно расстроен. Если б я знал, я ни за что бы не поехал в Петербург; я здесь, кроме неприятностей, ничего не вижу. «Самозванец» назначен на четверг, но, вероятно, он не пойдет¹, вчера Яблочкин² мне сказал по секрету, что «Самозванец» пойдет на масленице. Я был у Лукашевича³, и он обещал хлопотать сколько может.

При дворе назначен великолепный маскарад на 20-е число, участвующих более 700 человек, поэтому все костюмеры заняты, а декораторы все заняты новой оперой Даргомыжского⁴ и постановкой «Жидовки»⁵ по приказанию министра⁶. Я сейчас был у Гедеонова, он тоже обещал все сделать, что может, но все это, кажется, только одни слова. Вчера я был на репетиции, пьеса идет превосходно и должна иметь громадный успех. Но, разумеется, если ее отложат, я не останусь и уеду в Москву. Бурдин и Монахов выздоровели. Меня очень беспокоит нездоровье Саши⁷.

Миша тебе кланяется. Писать тебе буду в понедельник.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и дням недели. Ближайшая суббота после 8 февраля (день приезда Островского в Петербург) приходилась на 12 февраля.

¹ Слухи эти не подтверждались. Первое представление «Самозванца» состоялось в четверг, 17 февраля 1872 г.

² Александр Александрович Яблочкин (1824—1895) — режиссер Александринского театра.

³ Николай Алексеевич Лукашевич (1821 — ум. около 1894) — начальник репертуарной части петербургских императорских театров (1879—1881).

⁴ Опера А. С. Даргомыжского «Каменный гость», впервые поставленная 16 февраля 1872 г.

⁵ «Жидовка» — опера композитора Ж.-Ф. Галеви (1835).

⁶ Александр Владимирович гр. Адлерберг (1818—1888) — министр императорского двора с 1870 по 1881 г.

⁷ Возвратившись в Москву, Островский застал своего старшего сына Александра «в сильном тифе». Он писал Ф. А. Бурдину 28 февраля 1872 г.: «Как прошла эта неделя, я не помню, я не ел и не спал и ни на минуту не отходил от него» (XII, 228).

*Михайлу Ивановичу
Семевскому
от автора*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОЗУ МИХАЙЛОВИЧУ

САДОВИЧУ.

БѢДНОСТЬ

НЕ

П О Р О К Ъ.

КОМЕДИЯ

ВЪ ДѢЙСТВІИХЪ.

СОСНОВАНІЕ

А. Г. Островскаго.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Гутт.
1851.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ» (1854)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. И. СЕМЕВСКОМУ¹

«Михайлу Ивановичу Семевскому от автора»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

45

〈Петербург. 14 февраля 1872 г.〉

Милая Маша, вчера была опять репетиция «Самозванца»; пьеса идет отлично; но все-таки я боюсь, что ее задержат.

Вчера мы обедали у Некрасова, он завтра поедет со мной к Краббе¹. Распоряжение, чтобы нам выдавали «Отечественные записки», давно сделано и записки никакой не надо; стоит только съездить к Соловьеву² и получить.

Миша тебе кланяется. Целую тебя и детей

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

¹ Некрасов принимал деятельное участие в хлопотах о назначении Островскому пенсии, используя для этого свои связи в бюрократическом мире, в частности с Николаем Карловичем Краббе (1814—1876), управляющим Морским министерством.

² И. Г. Соловьев (ум. 1881) — книготорговец, представитель конторы «Отечественных записок» в Москве.

46

〈Петербург. 16 февраля 1872 г.〉

Милая Маша, «Самозванец» пойдет завтра; разве случится что-нибудь особенное и неожиданное, а то все готово. В пятницу кн. Мещерский¹ делает для меня обед.

В субботу я выеду непременно в Москву. В пятницу напишу тебе, как прошла пьеса.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Миша тебе кланяется.

Датируется по содержанию («... «Самозванец» пойдет завтра...», т. е. 17 февраля 1872 г.).

¹ Василий Васильевич кн. *Мещерский* — егермейстер министерства императорского двора.

47

〈Петербург〉 Пятница, 18 февраля 1872 г.

Милая Маша, вчера пьеса прошла с большим успехом; меня вызвали после народной сцены четыре раза и по окончании четыре раза, вызывали и больше, но я не пошел. Артисты преподнесли мне великолепный венок¹.

Сегодня для меня обед у Мещерского, а завтра я выезжаю. Мне так надоело в Петербурге, что я жду не дожжду, как вырваться.

Миша и все знакомые тебе кланяются.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Как бы известить Дубровского² и Петю, что я приеду в воскресенье.

¹ Речь идет о первом представлении в Петербурге в Мариинском театре драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», в бенефис Е. Н. Жулевой. После спектакля, при опущенном занавесе состоялось чествование Островского в связи с 25-летием его литературно-театральной деятельности. От труппы был поднесен адрес и серебряный венок. Островский отвечал речью на приветствие режиссера А. А. Яблочкина (IV, 419). Таким образом, публике не дали возможности принять участие в чествовании драматурга.

² Николай Александрович *Дубровский* (ум. 1874). См. о нем стр. 303—305 наст. изд. кн.

48

Кострома. 21 августа 〈1873 г.〉

Милая Маша, доехал я благополучно, хотя пришлось прождать на скверной дружинской пристани до 3-х часов, вместо 12, на ветру. Андрюша¹ меня встретил на пристани: теперь хлопочем по делам². Лошадей пришли к пятнице, мы приедем либо в пятницу утром с «Дружиной», либо в 8 часов вечера «Самолетом»³, так чтобы лошади дожидались вечернего парохода. Андрюша проедет прямо в Нижний и к нам вернется в воскресенье. Павла Федоровича⁴ ждут сегодня в Кострому, он был в Киеве.

Твой А. Островский

Деток целую.

Датируется по содержанию.

¹ Андрей Николаевич *Островский* (1845—1906) — брат Островского, юрист, крупный банковский деятель.

² В августе 1873 г. Островский больше недели пробыл в Костроме по делу о завещании И. А. Белиховой, умершей в 1870 г. Будучи душеприказчиком Белиховой, Островский помогал ее родственникам получить оставшееся после ее смерти наследство.

³ В те годы по Волге ходили пароходы акционерных обществ «Дружина» и «Самолет».

⁴ Павел Федорович *Островский* (1807—1876) — дядя А. Н. Островского. Был дяконом; а потом священником в Костроме.

49

Петербург. 6 декабря (1873 г.)

Милая Маша, в Петербург я приехал благополучно¹ и совершенно здоровый, но погода была скверная, целый день шел дождь, и потому я сидел дома. Видел Петю, Филиппова², Горбунова, Бурдина. Послал письмо Некрасову³ и сегодня его увижу. Какие у нас будут переговоры, я тебе напишу.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом Бурдину 1 декабря 1873 г., где Островский сообщает о своем предполагаемом приезде в Петербург в среду, 5 декабря (XV, № 427).

¹ Поездка Островского в Петербург была вызвана в основном тем, что издатель С. В. Звонарев не издал ни одного тома его сочинений, обусловленных договором 23 декабря 1871 г., и отказался от издания. Необходимо было найти другого издателя и передать в «Отечественные записки» пьесу «Поздняя любовь».

² П. Н. Островский, Т. И. Филиппов.

³ Письмо к Некрасову 23—24 ноября 1873 г. (XV, 28).

50

(Петербург) 9 декабря (1873 г.)

Милая Маша, дела мои идут на лад: «Позднюю любовь» я отдал Некрасову за 1300 руб.¹ Кажется, недурно. Он обещал написать Соловьеву², чтобы тебе выдал 1000 руб. Сочинения будут издавать Надеин³ за поручительством Некрасова, и условие остается то же. Впрочем, это дело решится завтра. Гончарова я видел два раза⁴: на именинах у Некрасова и в пятницу в театре. Мы с Мишей и Петей были в бенуаре и брали с собой Машу⁵. По окончании пьесы, когда публика узнала, что я в театре, поднялся крик невообразимый, меня вызывали несколько раз.

Я здоров, следующее письмо напишу тебе во вторник или в среду. Филиппова, Горбунова и Бурдина вижу каждый день. Все тебе кланяются.

Целую тебя и деток.

Скажи Сергею, что я отсюда вижу, как он не слушается.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

¹ Пьеса «Поздняя любовь» была напечатана в «Отечественных записках», 1874, № 1.

² И. Г. Соловьев — см. о нем прим. 2 к письму 45.

³ 21 ноября 1873 г. Некрасов писал Островскому, что петербургский книготорговец и издатель М. П. Надеин (правильнее: Надежин; 1839—1916) предлагает издать сочинения Островского в двух томах (Некрасов, т. XI, стр. 278—279). Издание это не состоялось.

⁴ Именины Некрасова праздновались 6 декабря. В пятницу 7 декабря в Александринском театре шла «Поздняя любовь».

⁵ Мария Сергеевна Островская (по мужу Шателен) — племянница драматурга, жившая после смерти отца у М. Н. Островского в Петербурге.

51

Петербург. 13 декабря (1873 г.)

Милая Маша, с Некрасовым я уговорился, чтобы за издание сочинений платили мне деньги по-прежнему, а печатать непременно с января и все вдруг; теперь идет торг о новом томе, который они тоже покупают.

Условие подпишем на днях¹. Я почти ни у кого не был, — большею частью сижу дома и отделяваю пьесу². Надеюсь кончить ее сегодня или завтра; тогда уж буду делать всем визиты и куплю все, что нужно, и сейчас же в Москву. Были в театре два раза, один раз смотрели «Позднюю любовь», а другой — «Вражью силу» Серова (оперу)³ — оба раза в ложе с Мишей, Петей и Филипповым, — на «Позднюю любовь» брали с собой Машу.

У Федорова был, а у Гедеонова еще не был. Бенефис у Бурдина был полон, — я у него обедал в воскресенье, — бабушка совсем состарилась, она тебе кланяется⁴. Об уставе получу известие завтра⁵.

Целую всех вас.

Скажи детям, что я привезу им много хороших вещей.

Твой А. Островский

Живем хорошо, ожидаем лучше. Погода чудесная, аппетит большой. Вчера были в театре, смотрели оперу Серова «Вражья сила». Самому понравилась. «Поздняя любовь» делает полные сборы.

Крепко целую вас, деткам мое глубочайшее почтение. Если увидите Музиля, потрудитесь сказать, что я ему кланяюсь и крепко жму ногу.

Ваш И. Горбунов

Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ Речь идет о переговорах с Некрасовым и Краевским об издании сочинений Островского, от которого отказался Звонарев.

² Островский готовил пьесу «Поздняя любовь» для печати.

³ Опера А. Н. Серова «Вражья сила» шла в Марининском театре 12 декабря 1873 г.

⁴ Анна Николаевна *Никитина* — мать жены Бурдина, которую очень любил Островский. См. о ней воспоминания ее внучки Т. Ф. Склифосовской (рожд. Бурдиной). — «Несколько слов о А. Н. Островском в быту» («Островский в воспоминаниях современников», стр. 316—327).

⁵ Имеется в виду устав Общества русских драматических писателей, написанный Островским. Устав был утвержден 30 июля 1874 г. Общество ставило основной целью защиту материальных интересов и прав драматургов, улучшение состояния отечественной драматургии. Инициатором и бессменным руководителем этого Общества был Островский.

52

⟨Петербург⟩, 17 декабря ⟨1873 г.⟩

⟨И. Ф. Горбунов⟩

Понедельник. 17 декабря

Мария Васильевна, я был уверен, что вы сами можете оборудовать; но мне так было приказано. Десять тысяч я вам пришлю при первой возможности.

Дела приходят к концу — не сегодня-завтра все будет кончено, и мы выедем в Москву. На этот раз, я, кажется, не обману. Матушка, нельзя ли в сочельник угостить свекольничком, очень я эту пищу обожаю.

Перед тем, как нам выехать, мы уведомим вас телеграммой. Торжественной встречи не будет, только ближайшие приходы должны будут перезванивать.

Ваш И. Горбунов

Сам в необыкновенном духе

Я думаю выехать в четверг или пятницу. Когда ждать нас, напишу. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и календарю (17 декабря в 1873 г. приходилось на понедельник).

⟨Петербург⟩ 20 декабря ⟨1873 г.⟩

Милая Маша, меня очень беспокоит, что дети не совсем здоровы. Дела я все покончил, сегодня подписываем условие. Мои сочинения будут издавать Некрасов и Краевский; это очень для меня покойно, надежнее людей трудно найти¹. Для Фонда я не читал, да и некогда было², у нас другое благотворительное предприятие, с которым нам было довольно хлопот и о котором я расскажу тебе по приезде³.

В Москву я выезжаю в субботу с почтовым поездом и приеду в воскресенье в 9 часов с половиной. Если что-нибудь изменится, извещу телеграммой.

О Николае Давыдове⁴ я говорил с Мишей, он обещал сказать Черкасову⁵, который теперь в Петербурге, Николаю Ивановичу надо будет обратиться к нему, когда он приедет в Москву.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Миша и Петя тебе кланяются.

Датируется по содержанию и почтовому штемпелю.

¹ Договор с Некрасовым и Краевским на издание собрания сочинений Островского в восьми томах был заключен 21 декабря 1873 г. По условию этого договора Островский при его подписании получал 3600 руб. Из этой суммы был вычтен гонорар, полученный Островским от Звонарева за несостоявшееся издание, а остальные 6900 руб. должны были выплачиваться ему в течение последующих четырех лет, начиная с 15 января 1874 г. Это собрание сочинений вышло в 1874 г.

² Островский не раз выступал с чтением своих пьес в пользу Литературного фонда — Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1919), деятельным членом которого он был.

³ Речь идет о сборнике «Складчина», изданном в 1874 г. в пользу пострадавших от голода крестьян Самарской губ. Некрасов являлся одним из организаторов и редакторов этого сборника. В «Складчине» был напечатан отрывок из пьесы Островского «Трудовой хлеб».

⁴ Н. И. Давыдов. О чем идет речь, установить не удалось.

⁵ Черкасов — чиновник министерства императорского двора (?).

Петербург. 10 ноября 1875 г.

Милая Маша, я здоров и доехал благополучно. Расскажу тебе все по порядку: закусив немного в Клину, я перешел из средней залы в особое отделение, артельщик принес мне стол и свечи, — я сел писать и к половине двенадцатого кончил 3-й акт. Всю пятницу я сидел дома, переписал 3-й акт, который в вагоне был написан на маленьких бумажках, и начал 4-й акт¹.

В субботу поутру ездил к Федорову и Некрасову. Обедали у нас Филиппов, Максимов, Бурдин и Горбунов и просидели долго, так что я успел написать немного. В воскресенье поутру у меня было много народу, был и Некрасов, обедал я у Бурдина, потом заезжал в Александринский театр, посмотрел два акта «В осадном положении»². Савина действительно актриса хорошая³. Вечером написал немного. Сегодня кончу пьесу и примусь за переписку; три дня просижу дома безвыходно и не вставая с места. Я уже два раза видел Любку во сне.

Буду писать тебе через два дня.

Миша и все знакомые тебе кланяются.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Бывший воспитанник вашего мужа, а ныне оканчивающий срок своего служения отечеству, прилагает вам при сем свой искренний привет, целует вашу руку и просит не лишать его вашего расположения. Хотя он со временем бывает довольно безобразен, но человек он добрый и друзей своих любит. Ребяток всех поголовно целую.

И. Горбунов

¹ Островский приехал в Петербург 7 ноября, в пятницу. В дороге он работал над комедией «Богатые невесты», которую и закончил в Петербурге 11 ноября 1875 г.

² «В осадном положении» — комедия В. Александрова.

³ Мария Гавриловна *Савина* (1854—1915) — артистка Александринского театра (1874—1914). За время своей сценической деятельности исполнила до 30 ролей в пьесах Островского.

55

Петербург. 12 ноября 1875 г.

Милая Маша, я здоров и сижу безвыходно дома. Вчера я кончил пьесу¹ и начал переписывать, завтра кончу совсем. В субботу утром я сам читаю ее в комитете², а вечером прочту у себя для своих знакомых, позову и Некрасова³.

Скажи Сергею, что папа из Петербурга видит все его безобразия и очень сердится. Больше писать некогда, занят перепиской.

Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Если Гагман⁴ не был, то пошли за ним непременно.

¹ Речь идет о комедии «Богатые невесты».

² В субботу, 15 ноября, в заседании Театрально-литературного комитета Островский читал свою новую комедию, которая и была тогда же одобрена.

³ Чтение это состоялось в пятницу, 14 ноября, а не 15 ноября, как предполагал Островский. См. следующее письмо.

⁴ Николай Федорович *Гагман* (род. 1840) — доктор медицины, московский врач, лечивший членов семьи Островских.

56

Петербург. 15 ноября 1875 г.

Милая Маша, в четверг в половине второго ночи я кончил переписку своей пьесы. Я отсылал по листам переписчикам и вчера в пятницу к 12 часам дня уж готовы были два экземпляра; один послал Музилю¹, а другой послал к цензору. С вечера воскресенья и до пятницы я сидел, не разгибаясь, ложился спать в третьем часу. Теперь я счастлив, целый год у меня не будет заботы, и летом я могу отдохнуть. Вчера вечером я читал пьесу дома, были: Сазонов², Бурдин, Горбунов, Некрасов, Максимов и еще кой-кто. Пьеса всем очень понравилась, а Некрасов расхвалил ее сверх границ. Сегодня я читаю эту пьесу в комитете, а вечером читаю у Бурдина «Волки и овцы», будут все участвующие артисты³.

Ради бога, заботьтесь хорошенько о Маше; спроси у Гагмана, не пригласить ли опять Корчагина⁴.

Любку часто вижу во сне

Я приеду в пятницу, в субботу буду читать пьесу у себя, надо пригласить Федотову⁵, Васильеву⁶, Акимову⁷, Шумского⁸, Вильде⁹ и Музилю.

В понедельник обедаю у Некрасова. На премию отдам обе пьесы¹⁰. Целую тебя и деток.

Твой А. Островский

Вчера у нас было чтение новой пьесы и генеральный ужин. Пьеса произвела сильное впечатление. Сейчас мы едем с Александром Николаевичем гулять, потому — погода очень прекрасная; может, бог даст, заедем устрицы есть — наверное не знаем. Крепко-целую вас

И. Горбунов

Соврал, гулять не поедем, а поедем по делу.

¹ Пьеса «Богатые невесты» была предоставлена Н. И. Музилю для его бенефиса и шла первый раз в Малом театре 30 ноября 1875 г.

² О Н. Ф. Сазонове — см. настоящ. кн., стр. 384.

³ Пьеса «Волки и овцы» была принята к постановке на сцене Александринского театра и шла в первый раз 8 декабря 1875 г. с участием Савиной и Сазонова.

⁴ Иван Герасимович Корчагин — ординатор факультетской клиники Московского университета.

⁵ О Г. Н. Федотовой — см. настоящ. кн., стр. 403—404.

⁶ Екатерина Николаевна Васильева (Лаврова; 1826—1877) — артистка Малого театра, жена П. В. Васильева, друг Островского; постоянно играла в пьесах Островского.

⁷ Софья Павловна Акимова (Ребристова; 1820—1889) — артистка Малого театра в 1846—1889 гг.

⁸ Сергей Васильевич Шумский (Чесноков, 1821—1878) — артист Малого театра в 1841—1878 гг.

⁹ Николай Евстафьевич Вильде (1832—1896) — драматург, артист Малого театра в 1863—1888 гг., руководитель труппы Артистического кружка.

¹⁰ Намерение это, по-видимому, не осуществилось.

57

Петербург 18 ноября 1875 г.

Милая Маша, я устал ужасно. Я еще нигде не был, только в воскресенье смотрел в Мариинском театре «Демона» А. Рубинштейна¹. Я уж прочел артистам обе пьесы, они идут одна за другой². Меня очень беспокоит, успею ли я получить деньги с Некрасова. Я его не вижу совсем, он все на охоте. В среду мы у него обедаем, а сегодня я написал ему письмо, чтоб он приготовил деньги³. Моя новая пьеса «Богатые невесты» производит эффект необыкновенный и правится еще более, чем «Волки и овцы».

В Москву я выезжаю в четверг с почтовым поездом и, значит, в пятницу в 9¹/₂ утра буду в Москве. Вчера видел Машу, она выросла немного, но стала очень милой девушкой, просила расцеловать тебя⁴.

Писать я тебе больше не буду, а если что случится особенное, извещу тебя по телеграфу.

Целую тебя и детей.

Миша и все знакомые тебе кланяются.

Твой А. Островский

¹ Опера А. Г. Рубинштейна «Демон» шла в Мариинском театре 16 ноября 1875 г.

² Комедии Островского «Богатые невесты» и «Волки и овцы» представлены в первый раз в Александринском театре; первая 28 ноября в бенефис Е. М. Левкеевой, а вторая — 8 декабря.

³ Вероятно, за пьесу «Волки и овцы», которая была напечатана в «Отечественных записках», 1875, № 11.

⁴ М. С. Островская.

58

Щелыково. 5 июня (1877 г.)

Милая Маша, мы все здоровы и доехали благополучно, дорога не только просохла, но так пыльна, что я до сих пор не промою глаз. Люба вела себя отлично, выходила на станциях гулять на платформы, — про каждый лес спрашивала, не наш ли, не Харино ли, гостинцев поминутно не

просила, — и теперь просит только после обеда и ужина, а утром и не вспоминает о них¹. Погода здесь сухая и холодная; оттого хлеба и травы низки, исключая клевера, который великолепен. В Кинешме Николай² купил нам телятины хорошей, а сегодня мельник привел в подарок теленка, которого он поил для нас 8 недель. Несмотря на этот подарок, у мельника с Николаем какие-то неудовольствия, которые и разберу подробно. К нашему приезду был испечен белый хлеб, такой хороший, что я и в Москве не едал, — оказалось, что пекла Дарья³.

Не забудь взять с собой — 1-е) мой театральный календарь, я его забыл в моем столе, в правой колонке в третьем ящике снизу. Возьми только календарь, а газеты, которые при нем, не бери; 2-е) Мишин отзыв, он о нем плачет⁴; 3-е) страховые доски жестяные, они на шифонерке. Да еще нянька говорила про какие-то Аннушкины рубашки, которые Саша вынула из ящика или узла по ошибке; так, пожалуйста, захватите, — не оставьте сироту без рубашек⁵. Ящики с домашней кладью №№ 1, 2 и 3 и тот ящик, который был с нами, мы разобрали, — все нашлось в целости и исправности, исключая крышки от кувшина, которая разбилась. Но жалеть о ней нечего, — она была велика и безобразна, — я сделаю отличную пальмовую.

В половине мая здесь были сильные морозы и побили у Феофана много цветов и зелени⁶.

Я вчера был на мельнице, постройка отличная, но кругом навалено старого лесу, так что ни пройти, ни проехать нельзя, — много его и в омуте. Ераст⁷ просил 70 руб., — я ему дал 25 руб. Больше никому денег не давал. В середине еще напишу тебе.

Я и дети тебя целуем.

Твой А. Островский

Николай подал счет, денег им передержано 47 руб., да ему жалованье за два месяца 40, — итого 87 руб. Иван Виктор⁸ пристаивал неотступно, я ему дал 10 руб.

Датируется по содержанию и связи со следующим письмом.

¹ В 1877 г. Островский с четырьмя детьми выехал в Щелыково на месяц позднее обычного, а Мария Васильевна, в связи с рождением младшего сына Николая (24 мая 1877 г.), с сыном Александром на неделю задержалась в Москве. Младшей дочери драматурга Любе было три года.

² Н. А. Любимов — приказчик в Щелыкове.

³ Дарья Зимнякова — работница в Щелыкове.

⁴ Отзыв о школьных успехах М. А. Островского.

⁵ Анна Субботинская и Александра — прислуга Островских.

⁶ Феофан Сметанин — садовник в Щелыкове.

⁷ Ераст — вероятно, подрядчик.

⁸ Иван Викторович Соболев — резчик по дереву, жил по соседству в погосте Николы-Бережки.

⟨Щелыково⟩ 7 июня ⟨1877 г.⟩

Милая Маша, Михаил Николаевич¹ доехал благополучно. У нас стало теплее и сегодня ночью шел дождь. Непременно пошли за доктором для Саши, если нет Гагмана, — пригласи кого-нибудь другого. Детей нельзя лечить своими средствами.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский²

Датируется по приписке М. А. Островской и почтовому штемпелю.

¹ М. Н. Островский приехал в Щелыково 6 июня.

² Ниже подписи приписка М. А. Островской:

«Милая мама! Мы приехали хорошо в Щелыково: все, слава богу, здоровы и желают тебе тоже доброго здоровья. Люба, Сережа, Миша и я целуем тебя, Сашу и Колю и ждем вас с нетерпением.

Остаюсь искренно любящая тебя дочь твоя М а ш а.

Люба была очень мила всю дорогу не делала совсем капризов и называла зарю красным киселем. У Мушки и у Звездочки есть два вороных жеребенка.

7 июня 1877 года».

60

Петербург. 11 декабря (1877 г.)

Милая Маша, доехал я благополучно, только целый час опоздали. Сейчас же по приезде, только переоделся, отправился в комитет и сам читал пьесу, без отдыха до 4 часов, измучился ужасно¹. Пообедал, отдохнул и принялся с Федором Алексеевичем выправлять пьесу, наврано пропасть; сидели до второго часу. Сегодня я еду сам к цензору, а потом к Салтыкову. Измучен и отмолен ужасно. Пьеса в комитете очень понравилась, теперь о ней разговор большой. Павел Степаныч сказал, что она пойдет в бенефис Савиной, у ней нет пьесы².

Напишу во вторник.

Целую тебя и детей! Пой Николку вином!

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и связи с письмом к Бурдину 7 декабря 1877 г. (XV, № 578).

¹ Островский приехал в Петербург 10 декабря. Театрально-литературный комитет одобрил пьесу «Женитьба Белугина», написанную им вместе с Н. Я. Соловьевым. 16 декабря она была дозволена драматической цензурой к представлению.

² «Женитьба Белугина» была поставлена в Петербурге в Александринском театре 11 января 1878 г. в бенефис М. Г. Савиной, исполнившей роль Елены. Роль Андрея Белугина играл Н. Ф. Сазонов, а И. Ф. Горбунов — роль Сыромятова. В Москве пьеса впервые была поставлена 26 декабря 1877 г.

61

«Петербург» 14 декабря 1877 г.

Милая Маша, вчера я не успел написать тебе, целый день был в хлопотах. Пьеса пропущена цензурой и комитетом и сегодня посылается в Москву. Я ее продал в «Отечественные записки», где она будет напечатана в марте или апреле¹; торговался я с Салтыковым очень крепко и взял за нее 600 руб. Половину, т. е. 300 руб., они отдадут вперед теперь, а остальные по напечатании. Из этих 300 я 200 пошлю Соловьеву, а 100 удержу для себя; а из остальных 300 я удержу в апреле 200. Был вчера у Гончарова и долго беседовал с ним², был и у Стасюлевича³, но не застал, сегодня опять поеду. Выеду в Москву в субботу, впрочем, я тебе еще буду писать в пятницу. Все тебе кланяются.

Поцелуй деток и скажи Николке, что ты целуешь его за меня.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о пьесе «Женитьба Белугина». Она была напечатана в майском номере «Отечественных записок» за подписью одного Н. Я. Соловьева.

² В декабре Островский встретился с Гончаровым, вероятно, по поводу объявленного Обществом русских драматических писателей конкурса на лучшую пьесу. Судьями были приглашены Гончаров, А. Н. Майков и А. Н. Пыпин.

³ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — публицист, историк и общественный деятель. Редактор-издатель журнала «Вестник Европы» (с 1866 г.), в котором были напечатаны четыре пьесы Островского.

⟨Петербург⟩ Декабря 16 ⟨1877 г.⟩

Милая Маша, я выезжаю в субботу с почтовым поездом и потому приезжай в воскресенье меня встретить на железную дорогу. Я все дела кончил, сегодня надеюсь получить с Салтыкова деньги¹, больше мне и делать нечего. Был у Стасюлевича, но толку из этого не вышло никакого, так как он говорит, что в настоящее время издавать ничего нельзя, книжная торговля остановилась и даже подписка на журналы очень падает². Видел Филиппова³, встретил на улице Феоктистова⁴, у всех спрашивал о Михаиле Николаевиче⁵, но никто верного не знает. В Контроле говорят только, что он приедет к Новому году. Видел свою пьесу⁶, все критики говорят вздор, идет она недурно, Петипа ничем не хуже Ленского⁷, а Савина лучше Федотовой⁸, успех был большой и меня вызывали бесчисленно. В театре был также Родиславский⁹, он при свидании расскажет тебе обо всем подробно. По его словам, и Бурдин играет лучше Шумского¹⁰. Нынче я узнаю от Павла Степаныча, берет ли Савина пьесу Соловьева¹¹, ее, кажется, сбивает с толку Нильский, которому завидно, что у Сазонова хороша роль. Все тебе кланяются.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию и по связи с письмом 14 декабря 1877 г.

¹ За пьесу «Женитьба Белугина».

² Островский предполагал привлечь Стасюлевича к изданию собрания своих сочинений.

³ Т. И. Филиппов.

⁴ Евгений Михайлович Феоктистов (1829—1898) — публицист, начальник Главного управления по делам печати с 1883 по 1896 г.

⁵ М. Н. Островский был в это время в служебной командировке в Тифлисе.

⁶ Островский имеет в виду «Последнюю жертву», которая первый раз шла в Александринском театре в бенефис Бурдина 2 декабря 1877 г., а в Малом театре — 8 ноября. Островский сравнивает постановки и игру этих театров.

⁷ О М. М. Петипа — см. стр. 372 настоящ. кн. В этой пьесе он играл роль Дульчина, в Москве ее играл Ленский (Вервицкиотти, 1847—1908) — сначала провинциальный артист, а затем артист и режиссер московского Малого театра с 1876 по 1908 г.

⁸ Роль Тугиной в Москве играла Г. Н. Федотова; в Петербурге — М. Г. Савина.

⁹ Владимир Иванович Родиславский — см. о нем стр. 426—436 настоящ. кн.

¹⁰ В «Последней жертве» Ф. А. Бурдин играл роль Прибыткова, а в Москве ту же роль исполнял С. В. Шумский.

¹¹ Речь идет о пьесе Н. Я. Соловьева «Женитьба Белугина» — см. письмо 60.

⟨Петербург⟩ 17 ноября 1878 г.

Милая Маша, я здоров, только устаю очень. Бенефис отложен для того, чтобы лучше срепетировать пьесу. Сазонов отказался неизвестно почему, и роль передана Полонскому, теперь поправить нельзя¹. Я читал пьесу у Феоктистовых, и всем она очень понравилась². Вчера обедал у Бурдина, а то все сижу дома. Мне Анна Дмитриевна³ говорила, что в сентябре была в Петербурге Прасковья Николаевна, хлопотала о муже и о своем родственнике⁴.

Для Никулиной⁵ будет пьеса, если ее бенефис можно отложить. Соловьев «Дикарку» откладывает до будущего года⁶. Я приеду в Москву в конце той недели. Все тебе кланяются. Пиши чаще. Поцелуй всех детей и особенно Кольку.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о бенефисе Ф. А. Бурдина, который состоялся 22 ноября 1878 г. в Александринском театре. Впервые была поставлена драма Островского «Бесприданница». Сазонов отказался от роли Карандышева и играл Вожеватова; роль же Карандышева исполнял Александр Сергеевич Полонский (ум. 1880) — артист Александринского театра с 1877 по 1880 г.

² Е. М. Феоктистов и его жена С. А. Феоктистова, у которых Островский выступал с чтением своих пьес: «Не все коту масленица» (1871), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871), «Бесприданница» (1878).

³ А. Д. Бурдина.

⁴ П. Н. Мейшен. См. прим. к письму 40.

⁵ О Н. А. Никулиной — см. стр. 362 настоящ. кн.

⁶ Осенью 1879 г. «Дикарка» была подвергнута Островским коренной переработке. В октябре одобрена Театрально-литературным комитетом и разрешена цензурой. 2 ноября комедия представлена в первый раз в Малом театре в бенефис Н. А. Никулиной.

64

⟨Петербург⟩ 19 ноября 1878 г.

⟨И. Ф. Горбунов⟩

Ставлю вам на вид, дорогая Мария Васильевна, ваш поступок: мы вам писали два письма, а от вас получили только одно. Сам очень этим огорчен и вчера не ужинал. Наперед прошу отвечать нам немедленно. Жизнь наша идет хорошо. В пятницу Александр Николаевич был у Салтыкова. Репетиции идут не особенно важно. Савина, по-моему, будет очень хороша; я буду превосходен.

Здесь Прасковья Николаевна¹. Дело ее, кажется, устроится. Не увидите ли предмет всех моих нежных чувств — Надежду Алексеевну²? — Скажите ей, что если ее бенефис оттянется к концу января, то ей будет трехактная пьеса от Александра Николаевича, хотя и не его.

Прощайте, моя дорогая. Крепко целую вас. Мужчинкам и девушкам вашим скажите, что я их целую.

Ваш И. Горбунов

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ П. Н. Мейшен.

² Н. А. Никулина.

65

⟨Петербург⟩ 21 ноября (1878 г.)

Милая Маша, в воскресенье поутру с Бурдиным вдруг сделалась лихорадка и такая сильная, что он слег¹; я пробыл у него до ночи, Анна Дмитриевна совсем убита. Вчера, в понедельник, ему сделалось хуже. Надо было передавать роль, чтобы не остановить бенефиса, потому что сбор очень хорош; а если отложить, так неизвестно, каков будет.

Я нигде не был; по утрам так устаю на репетиции, что все остальное время лежу дома. Погода у нас сырая, тяжелая, того гляди захворает. После бенефиса я дня два пробуду в Петербурге и выеду, вероятно, в субботу; но об этом я тебе напишу или пришлю телеграмму.

Все тебе кланяются. Прасковья Николаевна заходила к нам, Миша обещал похлопотать, но чем дело кончится, не знаю.

Целую тебя и всех детей.

Твой А. Островский

Датируется по содержанию

¹ Ф. А. Бурдин должен был в свой бенефис 22 ноября играть роль Кнурова в «Бесприданнице». В связи с его внезапной болезнью роль была передана другому артисту, фамилию которого установить не удалось.

66

⟨Петербург⟩ 23 ноября 1878 г.

Милая Маша, вчера «Бесприданница» прошла с большим успехом, вызовом не было конца. Я в театре не был, сидел у больного Бурдина, кото-

рому теперь много лучше¹. Я выеду в субботу с почтовым поездом и буду в Москве в воскресенье в 10 часов утра. Приезжай встретить. Все тебе кланяются. Целую детей и тебя.

Твой А. Островский

¹ Бурдин писал Островскому 8 декабря 1878 г. «Мое здоровье поправляется, хотя все еще чувствую слабость, начал играть и уже сыграл два раза «Бесприданницу», вчера она шла в Мариинском театре, это было четвертое представление» («Островский и Бурдин», стр. 430).

67

Щелыково. 18 августа 1879 г.

Милая Маша, у нас, в Щелыкове, все благополучно; Николай¹ понемногу поправляется, и теперь я за него покоен; хотя, по приезде из Кинешмы, я застал его больным; значит дети говорили правду. Погода у нас теплая, но сильные ветры и набегают небольшие тучки с дождем. Сегодня я велел насадить ригу, несмотря на твое запрещение: потому что зачем же гулять работникам! Я работаю, мне пришла очень эффектная мысль, и я начал пьесу². Люба спит со мной и очень счастлива. Сам-то я сплю не очень покойно, все думаю об Саше³. Поцелуй детей, а новобранца Сергея⁴ два раза, ему Юлия Альфонсовна⁵ пишет письмо. Приезжай скорее! Я и дети тебя целуем.

Твой А. Островский

Поклонись бабушке⁶ и всем знакомым.

¹ Н. А. Любимов.

² Речь идет о пьесе «Сердце не камень». 18 августа 1879 г. Островский пишет Н. Я. Соловьеву: «... сначала кончу вашу вещь, потом примусь за свою. Меня толкнуло на мысль одно рассказанное мне происшествие: сюжет странный и курьезный, но в нем много странного, значит есть над чем поработать» (XV, 649).

³ А. А. Островский в этом году имел переезжаменовку, и Островский очень беспокоился о ее результатах.

⁴ С. А. Островский поступил в гимназию.

⁵ Гувернантка, жившая в семье Островских, преподавала немецкий язык.

⁶ Вероятно, Н. А. Бахметьева, мать М. В. Островской.

68

Петербург. 7 ноября 1879 г.

Милая Маша, я доехал благополучно и спал дорогой очень хорошо. Но все-таки дорога утомила меня, и я вчера целый день никуда не выезжал. Были у нас: Бурдин, Соловьев, Сазонов, Горбунов. Вечером я прочел новую пьесу¹ Мише и Бурдину; Мише она очень понравилась, про Бурдина и говорить нечего. Сейчас еду на репетицию², отсюда к Салтыкову и к прочим. Горбунов сегодня хотел притти, чтоб писать тебе, но по обыкновению обманул. Целую тебя и детей. Пиши чаще!

Твой А. Островский

Это наносные слова: я только опоздал. Теперь мы «поживем и попразднуем вволю». Завтра у нас обед и вечерний чай; послезавтра не знаю что, а в пятницу тоже обед и т. д., каждый день будем обедать.

Сегодня обед у Федора Бурдина и открытие новой собачьей комедии, т. е. Малого театра. Крепко вас целую.

И. Горбунов

¹ Пьеса «Сердце не камень», которая была окончена 4 ноября 1879 г.

² В это время в Александринском театре шли репетиции пьесы «Дикарка».

Петербург. 9 ноября 1879 г.

Милая Маша, с Салтыковым виделся два раза, но дела еще не кончил, помеха тому, что последняя пьеса до сих пор еще не получена из Москвы¹, хотя Музиль обещал, что она будет в Петербурге в среду². Салтыков желает ее непременно прочесть, а прочесть не по чем. Бурдин совсем разваливается; но желает непременно играть в ней главную драматическую роль; горячится, плачет, я с ним голову потерял³. Писать больше некогда, тороплюсь на репетицию⁴. Я здоров, только плохо сплю. Миша благодарит тебя. Завтра или в воскресенье напишу обо всем подробней. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Салтыков очень дорожил сотрудничеством Островского в «Отечественных записках». И для журнала стало традицией открывать январские номера пьесами драматурга. Здесь речь идет о пьесе «Сердце не камень», которая была напечатана в «Отечественных записках», 1880, № 1.

² Н. И. Музиль часто помогал Островскому в организации переписки и пересылки его пьес.

³ Бурдин по обыкновению надеялся, что главная роль в пьесе «Сердце не камень» будет отдана ему, хотя развивающаяся болезнь уже не позволяла ему играть многие роли.

⁴ «Дикарка» первый раз была представлена в Александринском театре 12 ноября 1879 г. в бенефис М. Г. Савиной.

Петербург. 11 ноября 1879 г.

Милая Маша, я давно бы получил деньги, если бы пьеса была выслана в свое время, а у меня ее и до сих пор нет. Вот понадейся на людей! Музиль уверял, что я получу два экземпляра в среду, а вот уж воскресенье, а у меня в руках нет ни одного. Нельзя у Салтыкова просить денег, пока он не прочтет мою пьесу, он хочет ее печатать прежде, и, может быть, возьмет только ее одну. Я видел его два раза, он говорит: «Нам главное ваша пьеса, а об «Дикарке» мы столкнуться успеем». Как он мою пьесу прочтет, так на другой день деньги¹. Бурдин меня измучил, он ведет себя совершенно неприлично. Я уж две ночи не спал от него. Он хочет нахрапом вырвать главную роль. Вчера ушел от нас в бешенстве, воротился с лестницы и закричал, что не берет мою пьесу в бенефис². Тем лучше, я отдам ее Горбунову. Я заезжал на минуту к Суворину³; Анна Ивановна⁴ едва ходит; кланяется тебе и жалеет, что ты не приехала. Новая пьеса моя одобрена цензурой и комитетом⁵. При чтении в комитете она произвела всеобщий восторг. Береги Николю и Любу; у них грипп, пошли лучше за доктором. «Дикарка» на репетициях идет хорошо.

Я во всяком случае пробуду здесь недолго.

Целую тебя и детей!

Твой А. Островский

Напиши, как прошла «Дикарка» в 3-й и 4-й раз.

¹ См. письмо 69.

² Первое представление комедии «Сердце не камень» состоялось в бенефис Бурдина в Александринском театре 21 ноября 1879 г.

³ Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — журналист, драматург, театральный критик, владелец крупного издательства, редактор газеты «Новое время».

⁴ Анна Ивановна Суворина (рожд. Орфанова) — жена А. С. Суворина.

⁵ Пьеса «Сердце не камень» была одобрена Театрально-литературным комитетом 10 ноября, а драматической цензурой разрешена (с некоторыми изъятиями) 11 ноября.

〈Петербург〉 13 ноября 1879 г.

Милая Маша, вчера «Дикарка» имела большой успех: Савину после каждой сцены и после каждого акта вызывали много раз, вызывали и других: Дюжикову¹, Петица², Нильского³; Киселевский⁴ был слаб в роли Ашметьева, авторов вызывали громко, всем театром и я пять раз выводил Николая Яковлевича⁵ и Савину. Сегодня у меня дома считка «Сердце не камень». Сегодня же я отдам пьесу Салтыкову, а завтра могу получить деньги, и если выеду в пятницу, то по почте посылать не буду, а привезу сам. Бурдину я главной роли не дал⁶. Целую тебя и детей. Береги их!

Твой А. Островский

Зато мне дана роль Иннокентия, и я очень благодарен, буду стараться. В пятницу исполнится 25 лет, как я выступил на сцену: уповаю быть пьяным.
Крепко вас целую.

Ваш И. Горбунов

¹ Антонина Михайловна Дюжилова (1853—1918) — артистка Александринского театра (1873—1918), в «Дикарке» играла Марию Петровну.

² М. М. Петица, по назначению Островского, играл Вершинского. Бурдин писал Островскому 15 октября 1879 г. «Для роли Вершинского решительно не на ком остановиться, кроме Полонского, и по длинным ножкам и по манере он будет похож на птицу...» («Островский и Бурдин», стр. 290). Островский на это ответил 17 октября: «... с твоим распределением ролей я ни под каким видом согласиться не могу. Вершинского надо играть, а Полонский совсем не актер и ровно ничего представить не может <...> всякий сыграет лучше его, не говоря уже о Петица, которому эта роль прямо подходит...» (стр. 291).

³ А. А. Нильский играл роль Зубарева.

⁴ Иван Платонович Киселевский (1839—1898) — артист Александринского театра (1879—1889).

⁵ Н. Я. Соловьев.

⁶ На этот раз Островский остался твердым в своем решении, и Бурдин не получил главной роли в комедии.

Петербург. 16 ноября 1879 г.

Милая Маша, я вчера видел Стасюлевича, он берет «Дикарку» с радостью, но переговорить об условиях хотел приехать сегодня в 5 часов¹. Значит, я едва ли успею получить деньги и выехать в субботу, вернее, что я выеду в воскресенье. Впрочем, о моем выезде я тебя извещу телеграммой.

Вчера вечером Салтыков прислал 1500 р. денег². Я не пробуду в Петербурге ни одной минуты лишней. Денег посылать по почте не стоит: если я тебе пошлю деньги сегодня, ты в субботу вечером получишь повестку и все равно раньше понедельника денег не получишь.

С хлопотами я нигде не был, так и уеду, не выдавши совсем Петербурга.

Миша очень занят и расстроен; а чем — сообщу тебе по приезде.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ «Дикарка» была напечатана в журнале М. М. Стасюлевича «Вестник Европы», 1880, № 1.

² Салтыков прислал деньги за пьесу «Сердце не камень».

ОСТРОВСКИЙ

Фотография М. Н. Конарского (?). Конец 1860-х — начало 1870-х годов

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Щельково. 22 августа 1880 г.

Милая Маша, в Щелькове все благополучно: дети здоровы¹, снопы вывезены. С погодой у нас чудеса: на другой день после твоего отъезда был мороз и день ясный, сегодня тепло, как летом, днем прошла гроза на севере, а сейчас, когда я пишу тебе, проходит гроза над Ивановским.

С нетерпением жду твоего письма. Целую тебя, дети тоже.

Твой А. Островский

¹ Когда подросли старшие дети, то к началу занятий Мария Васильевна отвозила их в Москву, оставляя младших с отцом, устроив их, возвращалась в Щельково. Прожив еще с месяц в усадьбе, Островские окончательно перебирались в Москву.

23 августа 1880 г. Щелыково.

Милая Маша, в Щелыкове все благополучно. Я измучился ожиданием известия о Саше¹: у нас только и разговору, что о Саше; а разговариваем мы всего два раза в день: за завтраком и за обедом, а остальное время все по своим углам. Я думал, что получу от тебя в пятницу телеграмму и успокоюсь, а приходится страдать до вечера воскресенья.

У нас вчера опять была гроза. Орать² еще не начинали; начнем в понедельник. Обмолотили весь ячмень и сегодня насадили ригу ржи, на всякий случай, если будет в понедельник дождик. Жнут баб пять—шесть, не больше, да и то дождь мешает. Если завтра будет хорошая погода, так народу будет много. У нас вдруг показалось множество грибов всяких. Мелкие рыжики и белые мы отвариваем, благо уксус готов, жаль только, что мало небольших баночек. Сегодня принесли рыжиков боровых мелких, заплатил я за них 15 копеек, велел приготовить ведро и засолить.

Люба посылает тебе письмо.

Николай удивил нас: он долго рассматривал любино письмо, потом сказал: «Надо ехать в Москву, учиться писать».

Ты спрашиваешь, не надо ли мне чего; мне ничего не надо. Ты хотела купить бутылку шампанского, это, пожалуй, будет нужно.

В газетах есть известия и намеки на очень важные перемены, нет ли каких слухов в Москве?

Поклонись от меня Андрею Ивановичу³ и всем знакомым. Николка целует Андрея Ивановича.

Я и дети целуем тебя и Сашу, и Мишу, и Машу, и Сережу.

Твой А. Островский

Сейчас вспомнил! Захвати почтовых марок; все вышли.

¹ Старший сын Островского Александр учился недостаточно прилежно, не раз имел переэкзаменовки.

² Пахать (обл.).

³ Лицо не установленное.

Петербург. 6 декабря 1880 г.

Милая Маша, я доехал благополучно и чувствую себя хорошо, и сплю лучше и кашляю меньше. Вчера видел Бурдина, Нильского, Соловьева. Сегодня еду к Салтыкову¹ и буду ждать Вейнберга² для переговоров о продаже пьес. Завтра Н. Я. Соловьев будет у Суворина и переговорит с ним, когда нам удобнее видаться³. Миша торопит запиской, он говорит, что теперь самое время подавать ее⁴. Горбунова еще не видал. Что у вас в университете? Извести меня, целы ли наши студенты?⁵ Здесь я застал В. Н. Кашперова, он сегодня едет в Москву⁶; вероятно, он будет у тебя. В понедельник напишу тебе о том, что успею сделать в субботу и воскресенье.

Поделуй деток и милого именинника⁷. Миша тебе кланяется. Завтра увижу Лукашевича⁸.

Целую тебя.

Твой А. Островский

¹ С Салтыковым Островский вел переговоры о пьесе «Блажь», написанной им с П. М. Невежиным.

² Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт, переводчик, журналист. В 1883—1885 гг. издавал журнал «Изящная литература». В нем были напечатаны переводы

Островского четырех интермедий Сервантеса: «Судья по бракоразводным делам» (1883), «Бдительный страж», «Театр чудес» (1884), «Саламанкская пещера» (1885).

² Встреча Островского с Вейнбергом в этот день не состоялась.

³ Разговор с Сувориным по поводу предложения Островского издать его переводы интермедий Сервантеса был 17 декабря.

⁴ Вероятно, речь идет о «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (XII, 110 и 356—357). См. письмо 102.

⁵ Зимой 1880 г. в Московском университете были студенческие волнения, вызванные внесением в Государственный совет проекта нового, реакционного университетского устава в изменение устава 1863 г.

⁶ Владимир Никитич *Кашперов* (1827—1894) — композитор, преподаватель Московской консерватории (1865—1872), член первого комитета Общества русских драматических писателей. Написал оперу на либретто, составленное Островским по сюжету его драмы «Гроза».

⁷ 6 декабря был «Николин день» — именины Н. А. Островского.

⁸ О Н. А. *Лукашевиче* — см. прим. 3 к письму 44.

76

Петербург. 11 декабря 1880 г.

Милая Маша, я здесь чувствую себя гораздо лучше, чем в Москве, и сплю лучше и кашля почти совсем нет. Скоро ли мы здесь получим экземпляр «Блажи»; я принужден был еще переписывать здесь. Один экземпляр отдал Салтыкову, от которого завтра получу ответ¹. О «Светит да не греет» — также начались переговоры²; к субботе, вероятно, эти дела покончу. Переводные пьесы Сервантеса, кажется, возьмет Суворин. У меня большие надежды на Суворина³. Но более всего я занят запиской, сижу над ней день и ночь; Миша говорит, что теперь самое время подавать и надеется на успех.

Письмо твое меня испугало, я не спал всю ночь, — если тебе не лучше, напиши сейчас же, я брошу все и приеду.

Петра Михайловича и Николая Яковлевича⁴ я вижу каждый день. Они тебе кланяются. Миша тоже. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. предыдущее письмо.

² Островский надеялся, что «Светит да не греет» будет напечатано в «Вестнике Европы» но Стасюлевич ответил отказом ввиду загруженности журнала уже приобретенными материалами.

³ Суворин в письме 18 декабря 1880 г. сообщил условия печатания переводов интермедий Сервантеса в «Новом времени». Островский ответил согласием (см. его письмо к Суворину 19 декабря 1880 г. — XV, № 748). Однако переводы в «Новом времени» напечатаны не были.

⁴ П. М. *Невезжин* и Н. Я. *Соловьев*.

77

Петербург. 12 декабря 1880 г.

Милая Маша, нездоровье твое меня очень беспокоит; что же ты не посоветуешься с доктором? Дела мои идут своим порядком; главное для меня записка, за которой я сижу день и ночь. От этой записки зависит не только наша будущность, но и будущность детей наших, и теперь единственно удобное время ее подавать¹. О «Блажи» я сегодня получу ответ от Салтыкова, кажется, ее возьмет, вот сейчас и деньги². Переговоры о «Светит да не греет» тоже очень скоро надеюсь привести к окончанию³. Если успею за какую-нибудь пьесу получить деньги в воскресенье, то пришлю тебе с Петром Михайловичем⁴. Начальство театральное ко мне очень благоволит, и я надеюсь поставить обе пьесы⁵, только не надо торопиться; «Светит да не греет» идет по три раза в неделю с полными сборами, значит, на мою долю приходится каждую неделю 100 руб. В «Невольниках» Савина отка-

зывается играть Евлалию и уломать ее трудно⁶. От Никулиной я никакого письма не получал, что меня беспокоит⁷. Здоровье мое много лучше, я сплю хорошо и почти совсем не кашляю, только аппетит все еще плох; но это оттого, что я все сижу на одном месте.

Целую тебя и детей. Миша и все тебе кланяются.

Твой А. Островский

Горбунова на розыски отправил⁸.

¹ См. прим. 4 к письму 75.

² «Блажь» была приобретена Салтыковым и напечатана в «Отечественных записках», 1881, № 3. См. также письмо 78.

³ Пьеса «Светит да не греет» опубликована в журнале «Огонек», 1881, № 6—10.

⁴ П. М. Невежин.

⁵ Пьесы «Блажь» и «Невольницы».

⁶ Роль Евлалии в комедии «Невольницы» была написана Островским для Савиной, но артистка считала, что эта роль ей не подходит по возрасту.

⁷ Н. А. Никулина, по-видимому, интересовалась цензурным разрешением комедии «Блажь». См. письмо 78.

⁸ О чем идет речь — установить не удалось.

78

⟨Петербург⟩ 14 декабря 1880 г.

Милая Маша, одно дело я кончил. «Блажь» взял Салтыков и дал по 300 руб. за акт, т. е. 1200 руб. 600 руб. я отдал П. М. Невежину, а тебе посылаю с ним же 550 руб.; оставляю себе 50 руб. на всякий случай¹. Надеюсь так же хорошо устроить и «Светит да не греет» и возьму еще у Суворина денег за испанские переводы, или за что бы то ни было. Меня связала записка, я работаю с утра до ночи и нигде не бываю. Поцелуй Надежду Алексеевну и скажи ей, что «Блажь» пропущена. Я посылаю распределение ролей; роли надо сейчас же раздать. Во вторник придет Петр Михайлович и будет хлопотать о постановке. Здесь «Блажь» пойдет в бенефис Горбунова в начале января. Я сделаю считку и уеду в Москву². Жди меня к 20-му числу, впрочем, я тебе еще напишу. Здоровье мое недурно. Сегодня обедаю у Стасюлевича. Очень рад, что твой брат тебе отвечал; но надеяться на него нельзя: он может быть и миллионщиком, может и разориться³.

Если я кончу дела хорошо, привезу подарки Любе и Коле.

Горбунову шиш передал и возьму с него расписку в получении. Пока прощай; о нашем житье-бытье расскажет тебе Петр Михайлович.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Распределение надо сейчас же отдать Черневскому⁴ для передачи Бегичеву⁵.

¹ «Блажь» была разрешена драматической цензурой (с некоторыми исключениями) 15 декабря 1880 г. и окончательно (без изъятий) 3 января 1881 г. Представлена в первый раз в Александринском театре 16 января в бенефис И. Ф. Горбунова, исполнившего роль Митрофана.

² Островский читал артистам комедию «Блажь» 16 декабря.

³ У Марии Васильевны было три брата: Александр Васильевич, Василий Васильевич и Константин Васильевич. О котором из них идет речь, не установлено, вероятно, о первом.

⁴ Сергей Антонович Черневский (1839—1901) — артист, главный режиссер Малого театра с 1879 г.

⁵ Владимир Петрович Бегичев (1830—1891) — драматург, в 1864 г. был назначен начальником репертуарной части московских императорских театров, а в 1881—1882 гг. состоял их управляющим.

79

Петербург. 16 декабря 1880 г.

Милая Маша, сегодня я думаю кончить дело с Сувориным, остается только покончить с «Светит да не греет». Большую записку я здесь кончить не успею, ее пропишешь до Нового года; я только переговорю о ней с Абазой и потом вышлю ее из Москвы или привезу сам¹. Приеду я в субботу, впрочем, не наверно, я тебя извещу через два дня об этом.

Дела по горло, я сижу до 2-х часов ночи каждый день. Здоровье мое лучше. Поцелуй Надежду Алексеевну², — пиши Горбунову передал³. Ты мне напиши в среду, а больше не пиши; если напишешь в пятницу, то письмо меня уж не застанет.

Миша и все знакомые тебе кланяются. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Вероятно, речь идет о записке Островского начальнику Главного управления по делам печати в 1880—1881 гг. Николаю Саввичу *Абазе* (1837—1901) о разрешении постановки пьесы «Свои люди — сочтемся!» (в первой редакции). Премьера состоялась в Пушкинском театре 30 апреля 1881 г.

² Н. А. *Никulina*.

³ См. письмо 78.

80

⟨Петербург⟩ 18 декабря 1880 г.

Милая Маша, сегодня я получу ответ от Суворина о испанских переводах, а также кончатся переговоры о пьесе «Светит да не греет»; от этого будет зависеть, когда я выеду в Москву. Если выеду завтра, то пришлю телеграмму, а если завтра не выеду, то в субботу ты получишь письмо, в котором о всех делах напишу подробнее.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

81

⟨Петербург⟩ 19 декабря 1880 г.

Милая Маша, это письмо ты получишь, вероятно, после телеграммы. У Суворина книжная торговля идет плохо, да и у всех тоже; книг совсем не покупают. За переводы Сервантеса дорого взять нельзя, я возьму, что можно. Сейчас только видел Вейнберга, который поехал в редакцию «Огонька» для переговоров о «Светит да не греет»¹. Вероятно, все дела сегодня покончу, тогда тебя уведомя телеграммой.

Нынешняя поездка для меня неудачна, я разъехался с Абазой, он уезжал в Рязань и сегодня только приедет. Я нигде не был, ни в одном театре, сижу и работаю, ужасно соскучился, тоска смертная.

Все тебе кланяются. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Сейчас получено известие, что Абаза еще не приехал. Значит, я уеду не повидавшись с ним. Миша передаст ему мою записку².

Не знаю, успею ли купить детям игрушек.

¹ П. И. Вейнберг взял на себя переговоры с редакцией журнала «Огонек», в котором и была напечатана пьеса.

² См. письмо 79.

Петербург. 24 октября 1881 г.

Милая Маша, я доехал благополучно и чувствую себя очень хорошо. У меня особое помещение внизу, комнаты вдвое больше и выше наших, с коврами, с мраморными каминами, совершенно дворец¹.

Михаил Николаевич здоров, я говорил с ним о моих делах, он в успехе не сомневается. Гр. Игнатьев² уже знает о моем приезде и просил брата привезти меня к нему поскорее. Завтра я увижусь с директором³.

Видел Федора Алексеевича⁴, он тебе кланяется. Здоровье его недурно, только чувствует сильную боль в челюсти.

Горбунов уехал в Москву, у него умерла мать.

Вчера я целый день сидел дома и работал и сегодня буду то же делать. Уж очень хорошо здесь работать, тишина неимоверная.

Поклонись всем. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Во время пребывания в Петербурге Островский останавливался на квартире своего брата М. Н. Островского в доме, принадлежавшем Министерству государственных имуществ (Б. Морская, 44).

² Николай Павлович гр. *Игнатьев* (1832—1908) — государственный деятель; с мая 1881 по май 1882 г. был министром внутренних дел.

³ Иван Александрович *Всеволожский* (1835—1909) — до 1881 г. состоял на дипломатической службе. С 1881 по 1889 г. был директором императорских театров (с 1886 г. — только петербургских).

⁴ Ф. А. *Бурдин*.

Петербург. 27 октября 1881 г.

Милая Маша, твое письмо очень испугало меня. Конечно, жаль и ригу; но это несчастье, которое со всяким бывает, я, зная твой характер, больше всего боялся за тебя и уже хотел бросить все дела и сейчас же ехать в Москву, только брат уговорил меня. А между тем дела наши недурны; нашелся книгопродавец¹, который желает купить у меня полное собрание сочинений и все деньги заплатит вперед сразу. Теперь надо только переговорить с наследниками Салаева². Попроси Музиля поскорее справиться у них, поскорее, сколько осталось экземпляров 9-го тома, и когда я могу приступить к печатанию 2-го издания этого 9-го тома. Да пришли мне условие, заключенное мною с Некрасовым и Краевским³, оно лежит в переплете, где все мои документы, на верхней полке в том шкапу, где коробки с бумагами. Лучше всего ты попроси переслать его Ивану Максимовича⁴ и заплати, что будет стоить пересылка. С директором⁵ я виделся, он принял меня очень любезно: перспективную плату увеличат; но едва ли можно ожидать, чтоб увеличили за нынешний год. Об этом я буду говорить с министром⁶. Вообще дела хороши и надежд много.

Целую тебя и детей!

Твой А. Островский

¹ Платон Евгеньевич *Кехрибарджи* (ум. 1882) — петербургский книгоиздатель и книготорговец, с которым Островский вел переговоры о четвертом издании собрания сочинений. Это издание не состоялось. Наследники его в 1884 г. издали только X том.

² Федор Иванович *Салаев* (1820—1879) — московский книгоиздатель и книготорговец. В 1878 г. вышел IX том сочинений Островского в его издании. 12 марта 1879 г. драматург писал Стасюлевичу: «Первые 8 томов моих сочинений проданы мною Некрасову и Краевскому, а 9-й Салаеву с тем условием, что до распродажи их изданий я не имею права печатать своих сочинений ни полным собранием, ни отдельными пьесами» (XV, 139).

³ Речь идет о договоре, заключенном Островским с Некрасовым и Краевским 21 декабря 1873 г. на издание полного собрания сочинений в восьми томах (1874), который потребовался драматургу в связи с предполагаемым новым изданием сочинений. В письме к Бурдину 10 сентября 1881 г. он просит его заехать к И. И. Глазуну, петербургскому книгоиздателю и книготорговцу, и переговорить с ним о следующем: «Он <Глазун> купил у Некрасова и Краевского остатки последнего издания моих сочинений и держит их у себя, не дает никому на комиссию, желая пользоваться барышом безраздельно. Этим он задерживает новое издание; и хотя я имею законное право не дожидаться совершенной распродажи у него, так как заключаю условие не с ним, но он надеется на мою доброту и главное простоту» (XVI, стр. 22).

⁴ И. М. Кондратьев.

⁵ И. А. Всеволожский.

⁶ Илларион Иванович гр. Воронцо-Дашков (1837—1916) — министр императорского двора (1881—1897); в его ведении находились императорские театры.

Петербург. 30 октября 1881 г.

Милая Маша, ты пишешь, что начинаешь скучать, а разве я не скучаю? Я приехал в Петербург делать дело, от которого зависит все наше благосостояние, вся наша жизнь; нельзя же мне уехать ни с чем. Увеличение перспективной платы зависит от министра Двора, следовательно, я должен чем-нибудь заслужить его доверие и благосклонность. Я вчера был у него, он меня принял обворожительно, долго говорил со мной, обо многом расспрашивал; он желает, чтоб я заседал в Комиссии¹ и желает знать по каждому предмету мое мнение. Не могу же я отказаться. Через него же я могу сделать и другое дело — о нашем Русском театре, — это вполне зависит от него, от его одного слова; следовательно, я должен теперь же, не упуская случая, воспользоваться его расположением. Продажу полного собрания сочинений надо будет отложить на несколько времени; но у меня покупают 10-й том, и за хорошие деньги. Я это дело сделаю и приеду в Москву с деньгами. Завтра и послезавтра будет подана записка графу Игнатьеву, теперь он очень занят.

Здоровье мое недурно. Пиши чаще и обо всем. Поклонись всем знакомым, поцелуй детей. Михаил Николаевич тебе кланяется.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ «Комиссия для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства и для составления проекта нового положения об управлении императорскими театрами», утвержденная в марте 1881 г. И. И. Воронцовым-Дашковым.

1 октября 1881 г. И. А. Всеволожский — новый директор императорских театров, председатель Комиссии, пригласил Островского принять участие в ее работе. «Назначение меня в Комиссию было для меня неописанным счастьем»; «Я работал для Комиссии с страстным увлечением (...) сознание, что я работаю для общего дела, для будущности русского театра, которому я посвятил всю мою жизнь, не позволяло мне жалеть себя», — писал Островский в «Автобиографической заметке» (XII, 249). Комиссия отменила театральную монополию, утвердила новое положение об управлении драматическими труппами императорских театров и приняла ряд решений по частным вопросам. В течение пяти месяцев драматург напряженно трудился в Комиссии, добиваясь улучшения условий для развития национального театра, материального положения артистов и драматургов. При его непосредственном участии 21 марта 1882 г. было принято новое положение о вознаграждении драматических писателей, по которому повышалась оплата новых оригинальных и переводных пьес (см. об этом прим. к письму 128). Однако большинство предложений Островского, в том числе и записка «О театральных школах» (поданная им в Комиссию 21 января 1882 г.), в которой драматург настаивал на восстановлении закрытых (в 1871 г.) драматических классов в императорских театральных школах, были оставлены без внимания (см. об этом прим. к письму 185). Островский в 1884 г. писал: «Мои доклады слушались, принимались единогласно, но уже было заметно, что ходу им не дадут (...) что учрежденная с благою целью Комиссия была в действительности обманом надежд и ожиданий» (XII, 250).

Петербург. 2 ноября 1881 г.

Милая Маша, Комиссия под председательством директора Всеволожского назначена *для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства и для составления проекта нового положения об управлении императорскими театрами*.

Билеты закладывай на сколько месяцев хочешь, чем больше, тем лучше. Будут деньги, так выкупим и до срока.

Скажи Музилю, чтоб не отчаивался: хоть разорвусь, да кончу пьесу¹. Вчера у меня был директор² и сидел очень долго.

Очень жаль мадемуазель³; пиши мне о ходе ее болезни.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

В Москве я работал много, а здесь вдвое, — я переехал только из кабинета в кабинет. Нигде, кроме министра⁴ и директора, не был.

¹ Пьеса «Таланты и поклонники», оконченная Островским 6 декабря 1881 г., была представлена в первый раз в Малом театре 20 декабря 1881 г. в бенефис Н. И. Музиля, в Петербурге — в Мариинском 14 января 1882 г. в бенефис М. Г. Савиной.

² И. А. Всеволожский.

³ Мадемуазель — гувернантка детей Островского.

⁴ И. И. Воронцов-Дашков.

Петербург. 8 ноября 1881 г.

Милая Маша, что ты пишешь! Бог с тобой! Какая мне польза от Комиссии? Да ведь ты ничего не знаешь. Мы уж постановили, чтобы плата за пьесу была 10% с полного сбора, то есть с Малого театра 130 руб., с Александринского тоже, а с Мариинского 160 руб. Ты пишешь, что пьесу будут давать один раз в месяц. Этого нельзя. Бенефисы отменены, пьес будет ставиться немного, и каждая пьеса должна идти до тех пор, пока она делает сборы, раньше снять ее с репертуара нельзя — это уж *решено*.

В прошлое заседание решен вопрос о наследстве авторского права, дети будут получать за пьесы 50 лет после смерти отца. Я плакал от радости, когда этот вопрос прошел.

Разве я не понимаю, что чем раньше кончу пьесу¹, тем лучше. Я сижу над ней ежедневно с 8 часов утра до 2-х часов ночи и, может быть, она успеет пойти 3 декабря. Не кончив пьесу, мне нельзя получить денег с Салтыкова² и нельзя продать 10-й том. Кончу пьесу, получу деньги и приеду в Москву.

Что Бренко³ затевает народный театр, это ничего не значит, дело еще далеко не решено.

Завтра я буду у Игнатьева и почти уверен, что получу разрешение; вот тогда уж можно будет отдохнуть.

Мне нужно спокойствие для моей работы: а ты пишешь, что захворал. Что ж мне бросить дело, приехать в Москву и сидеть в кабинете? Так немного высидишь. Коли ты, в самом деле, без меня оставаться не можешь, я, пожалуй, брошу все и сейчас же приеду в Москву; будем жить по-прежнему, перебиваться кое-как; да хорошо ли это будет? От такой жизни хуже захворал.

А вы, должно быть, забыли от детей дядю⁴ с ангелом поздравить? Пьесу Надежде Алексеевне⁵ послать еще нельзя, она не была в Комитете.

Через день или два напишу тебе еще.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ «БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК»

Народный театр на Политехнической выставке в Москве, 1872 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

¹ Пьеса «Таланты и поклонники». См. также письма 87—98.² Речь идет о деньгах за «Таланты и поклонники», впервые опубликованные в «Отечественных записках», 1882, № 1.³ Анна Алексеевна *Бренко* (рожд. Челищева; в 1-м браке Левенсон; 1849—1934) — артистка Малого театра (1878—1882), основательница первого в Москве частного театра; после революции руководила драматическими самодеятельными рабочими кружками.⁴ День именин М. Н. Островского приходился на 8 ноября.⁵ Имеется в виду пьеса Н. Д. Павлова «Помешанная» для бенефиса Н. А. Никулиной.

Петербург. 11 ноября 1881 г.

Милая Маша, брат благодарит тебя за поздравление, Любу и детей целует.

В воскресенье у нас был граф Игнатьев, а в понедельник мы были с братом у него. Принял он меня превосходно, я подал и сам прочитал ему записку о частных театрах¹, он нашел, что записка написана хорошо, и сказал, что со всеми моими соображениями вполне согласен. Что будет дальше, я тебя уведомя.

Я здоров; но работаю, не разгибая спины. Как кончу пьесу, так сейчас же приеду в Москву.

Я получил письмо от сестры Нади², но забыл их адрес. Прилагаю маленькую записочку, которую ты сейчас же им пошли.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. к письму 102.

² Надежда Николаевна *Островская* (р. 1842) — детская писательница, сестра драматурга (от второго брака отца).

88

Петербург. 14 ноября 1881 г.

Милая Маша, теперь уж для меня ясно, что бенефис Музиля надо отложить хоть на неделю. Чтобы пьеса могла идти 3 декабря, надо, чтобы она в будущую субботу 21 ноября прошла в цензуре и Комитете. Положим, что я кончу ее к субботе, но уж переписать никак не успеем. Скажи ему, чтоб он непременно отложил бенефис; что если он встретит в этом затруднения, так я ему выхлопочу это здесь в одну минуту. Неважно, что пьеса пойдет позже, потеря для меня небольшая, наши дела скоро поправятся. Для меня очень важно теперь написать пьесу отличную, поэтому торопиться очень нельзя.

Скоро я тебя обрадую; а пока не скучай, будет и на нашей улице праздник. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

89

Петербург. 17 ноября 1881 г.

Милая Маша, все мои дела идут так хорошо и так успешно, как я даже и не ожидал. Мы с тобой, сидя в Москве, и не мечтали о том, чего я удостоился в Петербурге¹. Поздравляю тебя! Но об этом поговорим при свидании, а ты пока помолчи! Теперь у меня одна забота, один труд, это кончить пьесу. И я ее кончу непременно, так и скажи Музилю. Это уж последний тяжелый труд мой, а потом можно будет и отдохнуть. Я еще тебя порадуя, в четверг я выеду с почтовым поездом и в пятницу буду в Москве; но мне опять надо будет съездить в Петербург и, может быть, не один раз. Когда кончу пьесу, надо будет за нее получить деньги, тогда же получу и за 10-й том моих сочинений². Да нельзя бросить и Комиссию; все-таки надо побывать хоть в нескольких заседаниях. Министр Двора ко мне расположен, и мне надо поддерживать это расположение и не уклоняться от своих обязанностей. Кому отдать пьесу в бенефис, я еще не знаю, я, кроме Бурдина и Горбунова, никого из артистов не видал. Да это все равно, — пьеса все-таки пойдет здесь, как будет готова.

Ты пишешь о деньгах; да куда мне их здесь тратить? Только на табак, да два раза в неделю на извозчика в Комиссию. У меня на проезд в Москву хватит. А там перебежусь как-нибудь до получения. Теперь уж забота о деньгах нас беспокоить не будет.

В пятницу приезжай встречать. Целую тебя и детей. До скорого свиданья!

Твой А. Островский

P.S. Бостанжогло³ прислал мне сюда 2 фунта табаку.

¹ Вероятно, речь идет о разрешении, полученном Островским на открытие частного театра в Москве.

² См. письмо 83.

³ Бостанжогло — табачный фабрикант.

90

Петербург. 26 ноября 1881 г.

Милая Маша, я доехал благополучно и в добром здравьи. Вчера у нас Комиссии не было, и я не видал никого, сидел дома и писал пьесу. Сегодня будет Бурдин, я с ним переговорю о деньгах, он наверное достанет.

Миша тебе кланяется.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

91

Петербург. 1 декабря 1881 г.

Милая Маша, никогда в жизни я так не работал, как теперь. Я ничего не вижу, кроме своей комнаты, только один раз был в Комиссии; сижу за столом с раннего утра и до поздней ночи. Сегодня кончаю пьесу и принимаюсь за переписку; я думал, что не придется переписывать самому, а оказалось нужным, — теперь уж придется сидеть и день и ночь. Завтра придут писцы, и к воскресенью мы переписку кончим. Тогда уж отдохну. Скажи Музилу, чтобы он, как я пришлю пьесу, велел скорее переписывать роли, другого экземпляра не нужно; цензурованный я пришлю или сам привезу.

Новостей у нас никаких, да мне и не до того. Главное, будь покойна и береги здоровье, теперь наши дела в блестящем положении. Узнай, скоро ли придет Сергей Петрович Губонин¹. Передай Садовскому, что в субботу в Комиссии я видел Дзюбина², и он обещал мне удовлетворить все прошения, т. е. Садовского, Кондратьева и Александра³. Дзюбин управляет теперь канцелярией министра, потому что Кирилин⁴ в отпуску.

Надежде Алексеевне я послал письмо Павлова⁵, автора «Помешанной». Ильинская⁶ сочиняет. Павлов ей пьесы не обещал, да он ее и не знает совсем.

Поклонись всем знакомым.

Скоро я отделаюсь и заживу барином; уж пора.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Карточки очень понравились, только Миша находит, что ты очень похудела.

¹ Сергей Петрович Губонин — промышленник, сын крупного капиталиста П. И. Губонина, друг М. П. Садовского.

² Иван Львович Дзюбин — начальник II отделения и канцелярии Министерства императорского двора, член Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства.

³ Михаил Провович Садовский (1847—1910) — артист Малого театра с 1870 г., сын П. М. Садовского, исполнитель свыше 60-ти ролей в пьесах Островского; преподаватель музыкально-драматического училища московского филармонического общества, а с 1888 г. — драматических курсов театрального училища. Большой знаток быта старой Москвы, Садовский писал очерки и рассказы из жизни мещанского и купеческого сословия. Кроме того, занимался переводами пьес Расина, Бомарше, Гольдони и др. За литературную деятельность был избран в члены Общества любителей российской словесности.

Речь идет о прошении Садовского относительно заключения нового контракта с дирекцией императорских театров (см. письмо его к Островскому «начала ноября 1881 г.» — «Дневники и письма», стр. 163). Островский 17 декабря 1881 г. уведомлял его: «Все, чего вы просили, вам дано», но «вместо денег, бенефис назначен натурой» (XVI, 28).хлопоты о замене бенефиса денежным вознаграждением были безрезультатными.

татны, и в феврале 1882 г. Садовский вынужден был согласиться на бенефис. Контракт же с ним был заключен только в июле 1882 г. (см. прим. к письму 122).

Алексей Михайлович *Кондратьев* (1846—1913) — артист балетной (1864—1873) и драматической (1873—1877) труппы; с 1877 г. был помощником режиссера, а затем (с 1898) — режиссером Малого театра.

Николай Александрович *Александров* (ум. 1885) — артист Малого театра.

О прошениях Александрова и Кондратьева установить ничего не удалось.

⁴ Андрей Николаевич *Кирилин* — управляющий канцелярией Министерства императорского двора.

⁵ Николай Данилович *Павлов* (ум. 1908) — драматург, автор пьесы «Помешанная» (поставлена в Малом театре в конце 1881 г.). Островский писал Никулиной 18 ноября 1881 г.: «... привезу вам пьесу, она называется «Помешанная». Я очень рад, что между разной дрянью, которую мне носят молодые и старые писатели, попалась очень хорошая вещь...» (XVI, 27).

⁶ Мария Васильевна *Ильинская* (рожд. Мазурина) — артистка Малого театра (1878—1881), затем Александринского. По характеристике Островского: «... очень маленькая женщина с очень большим апломбом; бойкости, развязности и смелости в ней несравненно больше, чем таланта» (XII, 215).

92

Петербург. 4 декабря 1881 г.

Милая Маша, едва нахожу несколько свободных минут, чтобы написать тебе, — работаю день и ночь; но уж работе моей приходит конец, и завтра я вздохну свободно.

Поздравь от меня Варвару Петровну¹ и Николая Игнатьевича и скажи ему, что пьеса пойдет в Москву в портфеле в воскресенье или в понедельник непременно. Чтобы сейчас же переписывали роли, а цензурованный экземпляр придет через два дня после.

Новостей никаких нет, кроме того, что граф Воронцов-Дашков уезжает в Москву сегодня на несколько дней. Я приеду, вероятно, к будущей субботе. Надо поскорей передать пьесу Салтыкову и получить с него деньги. За 10-й том моих сочинений я уж получил 500 р. вперед, из которых послал тебе 400; остальные получу, когда доставлю оригиналы; это можно сделать скоро; для этого ты вели детям собрать литографированные: «Бесприданницу», «Сердце не камень» и «Невольниц», я их захвачу с собой в Петербург и сейчас же получу деньги. Надо получить деньги с петербургского театра, а то они попадут в дефицит и их не получишь до мая, а может быть, не получишь и в мае, потому что все начальство театральное будет в Москве.

Сделай милость, береги свое здоровье и детей.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

Савина² приедет к Рождеству и бенефис ее будет 8 января.

Стрепетова³ принята за 6000 р. в год без бенефиса и разовых. Она будет играть «Грозу» и Василису Мелентьеву, я ее не видал.

¹ Варвара Петровна *Музиль* (Бороздина; 1854—1927) — жена Н. И. Музиля.

² См. прим. 1 к письму 85.

³ Пелагея Антипьевна *Стрепетова* (1850—1903) — актриса. Начала свою деятельность в провинциальных театрах, в 1873 г. играла в Общедоступном театре в Москве, в 1880 г. — в Пушкинском театре А. А. Бренко. Неоднократно выступала в Артистическом кружке, руководимом Островским. С 1881 по 1890 г. Стрепетова — актриса Александринского театра в Петербурге. Высоко оценивая ее замечательное актерское дарование, драматург писал: «Как природный талант — это явление редкое, феноменальное <...> ее среда — женщины низшего и среднего классов общества; ее пафос — простые, сильные страсти...» (XII, 213—214).

93

Петербург. 5 декабря 1881 г.

Милая Маша, я вчера прождал целый день и нынче нарочно послал в контору, там никаких рисунков из Москвы не получали¹. Поздравь Николая Игнатьевича и скажи ему, что пьеса пойдет из Петербурга в понедельник, ее пошлют из конторы по приказанию директора. Сегодня я буду в Комиссии и узнаю, когда могу выехать в Москву. Я тебе об этом напишу. Я приеду на три или четыре дня и потом опять должен буду съездить в Петербург на неделю. К сочельнику приедем с Горбуновым.

Милая Маша, я так заработался, что себя не помню. Завтра утром переписке конец. Директор просит, чтобы я пригласил его послушать пьесу. Через день или два напишу, а ты на это письмо отвечай сейчас же, что мне брать с собой в Москву.

До свиданья. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет об эскизах к декорациям постановки пьесы «Таланты и поклонники».

94

Петербург. 6 декабря 1881 г.

Милая Маша, рисунки¹ я получил вчера вечером в Комиссии². Я их совершенно одобряю; скажи об этом Музилю.

Я выеду из Петербурга в четверг; но еще наверное не знаю; — это будет зависеть от того, успею ли я получить с Салтыкова деньги за пьесу³. Наверное я напишу тебе во вторник. Я счастлив, что кончил переписку пьесы⁴. Теперь начнутся хлопоты по цензуре и Комитету, а там уж можно будет, наконец, после годичных трудов и отдохнуть.

До свиданья! Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. к письму 93.

² См. прим. 1 к письму 84.

³ См. прим. 2 к письму 86.

⁴ См. прим. 1 к письму 86.

95

Петербург. 8 декабря 1881 г.

Милая Маша, пьеса вчера послана в Москву через контору, вчера же другой экземпляр доставлен цензору и сегодня будет пропущен, сейчас еду к директору¹ просить, чтоб назначил экстренный Комитет² завтра, завтра же свезу еще экземпляр к Салтыкову и получу с него деньги. Вот сколько у меня хлопот! Но уж эти хлопоты мне все равно, что отдых, я кончил пьесу и как гора с плеч свалилась. Завтра у нас Комиссия, а в четверг я выеду с почтовым поездом и в пятницу буду дома. Писем уж, разумеется, больше не пиши. Вчера к нам приехал брат Андрияша и уезжает в Москву тоже в четверг, только с экстренным поездом.

Посылаю распределение ролей³, которые отошли Музилю.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ И. А. Всеволожский.

² Театрально-литературный комитет.

³ Распределение ролей в пьесе «Таланты и поклонники». Первыми исполнителями в Малом театре были: М. Н. Ермолова — Негина, О. О. Садовская — Домна Пантелеевна, А. П. Ленский — Великатов, М. П. Садовский — Мелузов, Н. И. Музиль — Нарокон (IX, 416).

Петербург. 17 декабря 1881 г.

Милая Маша, я доехал благополучно, о чем тебе, я думаю, уже сообщили Петр Михайлович¹ и Николай Яковлевич², который сегодня едет в Москву.

Во вторник, как я приехал, так сейчас же мне принесли корректуры от Салтыкова³, и я просидел за ними весь день, вчера у нас была Комиссия с 1 часу дня и до 6-ти, а вечером читал корректуру. Сегодня утром еду в контору получить деньги, их приходится рублей 600, и то хорошо. Вечером читаю пьесу дома; у нас будет директор. Сегодня же пошлю литографированные пьесы⁴ к Кехрибарджи, чтобы поскорее получить с него деньги. Вчера Стрепетова играла в «Грозе» — это было торжество, которого Петербург давно не видывал, фурор неописанный⁵. Жаль, что мне не удалось быть в театре, пропасть дела.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ П. М. Невежин.

² Н. Я. Соловьев.

³ Корректра пьесы «Таланты и поклонники» — см. прим. 1 к письму 86.

⁴ Пьесы для X тома собрания сочинений — см. прим. 2 к письму 83.

⁵ Речь идет о спектакле «Гроза» в Александринском театре с П. А. Стрепетовой в роли Катерины.

Петербург. 20 декабря 1881 г.

Милая Маша, у нас последняя Комиссия будет во вторник, в среду я выеду и в четверг буду в Москве. Вчера я получил деньги с петербургских театров, их всего 471 рубль, и то хорошо. В четверг я читал свою пьесу¹, был директор, остался ужинать и брат предложил тост за успех его деятельности на пользу театра. По ходатайству Н. А. Никулиной² о зачислении ей двух лет мы дело обделали, скажи ей, чтоб она не сомневалась, что все будет устроено. О подлости, которую с ней сделали по случаю бенефиса, я скажу директору, но поправить это дело мудрено; пусть она скажет Черневскому, что он меня очень огорчил.

Во вторник я тебе еще напишу. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Пьеса «Таланты и поклонники», на чтении которой присутствовал И. А. Всеволожский.

² Вероятно, речь идет о причислении к стажу службы Н. А. Никулиной в Малом театре тех двух лет, когда она еще воспитанницей московского театрального училища начала выступать на сцене (см. об этом письмо 112).

Петербург. 22 декабря 1881 г.

Милая Маша, Музиль уже известил меня телеграммой, что пьеса имела успех¹ и в подтверждение прислал о том же другую телеграмму, которую мы получили вчера за обедом.

Я выезжаю в Москву завтра, в среду, с почтовым поездом и в Москве буду в четверг, в сочельник. Хорошо, кабы ты распорядилась приготовить к обеду свекольник с белугой.

Одно меня беспокоит, я еще не получил денег (700 руб.) с Кехрибарджи. Сейчас послал ему записку, чтобы привез деньги сегодня же. До скорого свидания!

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ «Таланты и поклонники».

(Петербург. Декабрь 1881 г.)

Н. А. Никулина¹ и А. М. Кондратьев чтоб не беспокоились, дело их будет сделано непременно. Остановка вышла потому, что в Министерстве идет ломка старых порядков. Генерал Дзюбин оставлен за штатом. Дела, которых у него накопилось множество, теперь разбираются, между ними находятся и московские. Театральные дела теперь зависят от двух лиц: Николая Андреевича Ланге², к которому перешли дела Дзюбина, и Виссариона Алексеевича Емельянова, который вчера назначен главным контролером на место Кистера³. Оба члены нашей Комиссии — люди отличные и мои хорошие знакомые.

По-видимому, это приписка к несохранившемуся письму. Датируется по содержанию и на основании данных «Адрес-календаря. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1882 г. Части I и II (исправлен по 31 декабря 1881 года)». СПб., 1882, в котором главным контролером Министерства императорского двора значится уже В. А. Емельянов (стр. 67).

¹ См. прим. 2 к письму 97.

² Николай Андреевич Ланге (1830—1893) — делопроизводитель канцелярии Министерства императорского двора.

³ Карл Карлович бар. Кистер (1820—1893) — статс-секретарь, был смотрителем Ботанического сада, управлял контролем и кассой Министерства императорского двора; с 1875 по 1881 г. — директор императорских театров, враждебно относился к прогрессивному русскому искусству и насаждал в театрах оперетту.

Петербург. 5 января 1882 г.

Милая Маша, доехал я благополучно. Вчера был у меня Бурдин, и я просил его сказать Кехрибарджи, чтобы он поскорее доставил деньги¹. Вечером были с братом на именинах у Тertia Ивановича², а Комиссия будет только сегодня, о чем я получил письмо от директора. Бенефис Савиной отложен до следующей недели. Сейчас еду на репетицию³.

Напиши мне, получила ли ты от Губонина мою записку, благополучно ли дети съездили к Музилю, не простудились ли и нет ли каких известий из Щелыкова.

Сегодня же пошлю узнать, приехал ли князь Долгоруков⁴, и если успею получить деньги, то пришлю тебе их с Михаилом Павловичем Шестаковым.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 1 к письму 83.

² Т. И. Филиппов.

³ См. прим. 1 к письму 85 и письма 101—104.

⁴ Владимир Андреевич кн. Долгоруков (1810—1891) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор в 1856—1891 гг.

Петербург. 8 января 1882 г.

Милая Маша, ты не беспокойся, обо всех своих делах я хлопочу неустанно и все, что можно будет сделать, я сделаю. Пьеса моя не могла идти 8-го числа, потому что не успели сделать декораций, да и репетировать было некогда¹, шли двойные спектакли; пьесу Крылова² репетировали до праздника. Я просто света не вижу, поутру на репетиции, а по вечерам работаю для Комиссии и со всеми артистами читаю роли отдельно. Писать больше некогда, сейчас еду на репетицию. Поцелуй детей! Целую тебя.

Твой А. Островский

¹ «Таланты и поклонники».

² Виктор Александрович Крылов (псевдоним Александров; 1838—1906) — драматург, написавший около 125 драм и комедий. Лучшие его пьесы: «Земцы. (Змей Горыныч)» (1874) и «Не ко двору» (1882), пользовавшаяся широкой известностью; главную роль в ней с успехом исполняла М. Н. Ермолова. В середине 80-х годов Крылов отходит от гражданской проблематики, выступает в защиту патриархальных семейных устоев — пьесы «Семья» (1886), «Разлад» (1889) и др. Во второй половине 80-х и 90-х годов пьесы Крылова заполнили репертуар театров. Среди них преобладали примитивные комедии, водевили, часто заимствованные из западноевропейской мещанской драматургии. Этот репертуар препятствовал развитию сценического искусства. Слово «крыловщина» в конце XIX в. стало обозначением театральной рутинности и косности.

В 1882 г. в Петербурге были поставлены две пьесы Крылова: 29 апреля — четырехактная комедия «Тетя Лиза» (перевод В. Крылова и Н. Вильде); 5 ноября — пятиактная комедия «Не ко двору».

Петербург. 11 января 1882 г.

Милая Маша, я здоров, дела идут у нас день за день, что вчера, то и нынче: утром на репетиции¹, вечером пишу или в Комиссию еду. Дело о театре кончено, на днях разрешение пойдет в Москву².

Аверкиев³ говорил мне, что встретился с тобой в театральной конторе. Что же Рассохин⁴ не шлет литографированный экземпляр «Таланты и поклонники»? Надо его поторопить.

Больше писать нечего да и некогда, сейчас еду на репетицию. Поклонись всем. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Пьеса «Таланты и поклонники».

² Начиная с 1879 г. Островский вынашивал мысль об открытии в Москве частного русского народного театра, репертуар, штаты и управление которого не зависели бы от дирекции императорских театров. Для осуществления этой цели им был составлен проект устройства театра и написан ряд записок. «...я стараюсь выяснить и изложить театральное дело в России во всех отношениях и во всех подробностях», — писал он Бурдину 10 августа 1881 г. (XVI, 20), а 17 сентября уточнял: «Цель моей Записки [...] доказать необходимость частных театров и показать, какими они должны быть, чтобы русское драматическое искусство не гложло» (XVI, 23). В конце октября 1881 г. «Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время» (XII, 110—127) была представлена Островским в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства, в ноябре она была подана министру внутренних дел Игнатьеву, который 19 февраля 1882 г. доложил ее Александру III, наложившему резолюцию: «Было бы весьма желательно осуществление этой мысли, которую я разделяю совершенно» (Н. А. Кропачев. А. Н. Островский. (Воспоминания его бывшего личного секретаря). — «Русское обозрение», 1897, № 6, стр. 732). 23 февраля Островский извещает жену: «Граф Игнатьев предоставил мне сделать сокращение из моей Записки для «Правительственного вестника», где будет напечатана и резолюция государя» (XVI, 33). 9 марта 1882 г. «Правительственный вестник» (№ 51) опубликовал представленную Островским и одобренную

Александром III сокращенную записку, озаглавленную «О неотложной потребности устройства Русского театра в Москве».

Заручившись согласием богатых купцов-меценатов в денежной помощи, Островский сначала оптимистично смотрел на осуществление своих планов. «Дело по моему театру идет довольно успешно, — писал он Бурдину 6 апреля 1882 г., — генерал-губернатор принимает большое участие и уже несколько богатых и влиятельных лиц заявили желание принять участие в постройке театра» (XVI, 34—35). Островский обратился «К московскому обществу» с предложением принять участие в учреждаемом театре (XII, 180—182), написал «Проект устава товарищества по созданию Русского театра в Москве» (XII, 183—185), составил репертуар и наметил труппу. Дело, как казалось, двигалось к успешному завершению. Но в марте 1882 г. монополия императорских театров была отменена. Стали возникать частные театры, что создавало вокруг проектируемого театра спекулятивный ажиотаж. Кроме того, когда дело дошло до реальной помощи, меценаты, на которых рассчитывал Островский, отказались его поддержать, так как требовались огромные средства без надежды на скорое их возвращение. Все это помешало драматургу осуществить свой проект, и народный театр не был открыт (см. «Автобиографическую заметку» — XII, 246—258). Об устройстве театра говорится также в письмах 82, 84, 86, 87, 111, 116, 118, 119, 124, 127, 130.

² Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1905) — писатель, публицист, театральный критик; сотрудничал в журналах «Эпоха», «Заря», «Русский вестник». Из пьес его наибольшим успехом пользовались «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве...» (1869), «Каширская старина» (1872) и «Трогирский воевода» (1882). В 1885—1886 гг. Аверкиев издавал ежемесячно, подобно Достоевскому, «Дневник писателя», в котором публиковал свои беллетристические произведения, публицистические и театральные статьи. Он написал исследование «О драме» (1877—1878). Аверкиев вместе с Островским был членом Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства.

⁴ Сергей Федорович Рассохин — драматург, издатель пьес, владелец платной библиотеки в 1875—1914 гг. См. письмо 108.

103

Петербург. 14 января 1882 г.

Милая Маша, ты говоришь, что я редко пишу; я с октября постоянно пишу тебе через два дня и никогда не пропускал ни разу.

Театральных новостей в Петербурге нет никаких особенных, а если б были, я бы тебе написал. Теперь с меня делает бюст для выставки художник Бернштам¹, он уж сделал с Гончарова, Салтыкова, Григоровича, Полонского и Потехина². Хлопот эту неделю у меня было очень много, и я измучился совершенно. Сегодня идет моя пьеса³. Как она пройдет, я тебе напишу завтра хоть в двух словах. Все билеты были проданы в тот же день, как вышла афиша; поставили кресла в оркестре, и те проданы все сразу.

Что же я могу сделать для Садовского, когда из Москвы нет никакого ходатайства? Я через день справляюсь в конторе. Сделай милость, заезжай сейчас же к Бостанджогло и скажи, чтобы выслали мне табак немедленно в петербургский магазин. Пришли мне рецепт, как делается пуддинг из гречневой каши; я обещал брату.

Конца нашей работы не видать, и я скучаю ужасно; но я постараюсь как-нибудь отделаться.

Поклонись всем и поцелуй за меня Надежду Алексевну⁴ за память обо мне.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Леопольд Бернгард Адольфович Бернштам (1859—1939) — художник, скульптор-портретист. Известность Бернштаму создали его бюсты-портреты представителей литературы, науки и искусства: Пушкина, Фонвизина, Достоевского, А. Г. Рубинштейна, Флопера, Ренана, Золя, А. Тома и др. Бюст Островского работы Бернштама см. ниже, стр. 633.

Салтыков писал Островскому 15 декабря 1881 г.: «Скульптор Бернштам, кончающий ныне мой бюст — и притом очень удачно, — желает сделать ваш бюст для

московской выставки. Позвольте вам рекомендовать этого талантливому молодого человека» («Неизданные письма», стр. 527).

² Алексей Антипович *Потехин* (1829—1908) — писатель. Начал свою литературную деятельность в 1851 г. в духе «натуральной школы»; благодаря Островскому сблизился с так называемой молодой редакцией «Москвитянина», печатался также в «Современнике» и других журналах. Либерализм Потехина 50—60-х годов, по мере роста революционного движения, постепенно исчезал, и к 80-м годам он стал вполне «благонамеренным» человеком. В 1881 г. Потехин был назначен начальником репертуарной части императорских театров (с 1886 г. — только петербургских). Он повел дело в духе требований театральной дирекции, что повлияло на его дружественные отношения с Островским. Последний обвинял Потехина в непонимании искусства, в засорении репертуара безыдейными и нехудожественными произведениями, в недопустимом, пренебрежительном отношении к артистам.

³ «Таланты и поклонники».

⁴ Н. А. *Никулина*.

104

Петербург. 15 января 1882 г.

Милая Маша, успех громадный, небывалый. Публика была отборная, вызовам не было конца. Савину осыпали цветами и подарками, меня начали вызывать со 2-го акта, по несколько раз; по окончании вызывали столько, что уж мне надоело выходить¹. В следующем письме напишу подробнее.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 1 к письму 85.

105

〈Петербург〉 16 января 1882 г.

Милая Маша, что с тобой! Ради бога, прикажи уведомлять меня ежедневно и подробно о твоём здоровье. Я в отчаянии. Жду известий о твоём положении.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

106

Петербург. 18 января 1882 г.

Милая Маша, письмо твое мало меня успокоило, все-таки болезнь твоя серьезна и тебе надо лечиться настоящим образом. Но ты нетерпелива, и я боюсь, что ты опять не будешь беречься. Сделай милость, успокой меня, лечись как следует, что я тебе давно советую. Береги себя для детей; я для вас только, для вашего обеспечения и хлопочу, целый год не вижу света божьего и вот уж три месяца провожу в Петербурге в постоянных трудах и постоянной тоске. Я уж много выхлопотал для вас и утешаюсь надеждой, что еще выхлопочу. Так и надо: мне надо трудиться для детей, а тебе беречь свое здоровье для них же. Будь же умна, береги себя и пожалей меня.

На масленицу я непременно приеду в Москву и пробуду там часть первой недели, а может быть и всю. 14 февраля исполнится 35 лет моего служения русскому театру. Петербургские артисты затевают что-то; они, кажется, хотят подать адрес. Мне бы приятно было, если б и московские артисты сделали что-нибудь, хоть обед; пусть это будет простой обед, дешевый, но душевный. Шепни об этом Надежде¹ и Музилю, но только от себя, а не от меня. Скажи им, что ты слышала, что петербургские

артисты затевают что-то, — хорошо бы, мол, и нашим устроить обед. Этот обед был бы очень дорог для меня, — приехали бы и петербургские некоторые, и это был бы действительный артистический праздник².

Завтра поедет в Москву Алексей Антипович Потехин, он обещал навестить тебя; а на днях приедет секретарь брата Иван Иванович Левашев³, — он тоже наш костромич. Сделай милость, прими их хорошенько; а Ивана Ивановича пригласи обедать, он только один день пробудет в Москве. Потехин расскажет тебе про успех моей пьесы, а Левашев про мое житье в Петербурге. Повторяю тебе, ради бога, берегись! Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Когда переговоришь с артистами, так напиши мне; письма этого никому не показывай.

¹ Н. А. Никулина.

² 14 февраля 1882 г. в Москве в гостинице бывшей Лопашева (на Варварке) московскими артистами был дан Островскому обед по случаю 35-летия его литературной деятельности как драматического писателя. Было прислано много поздравительных телеграмм. Депутация от петербургских артистов привезла юбиляру адрес, а от «Общества русских драматических писателей» поднесен был при письме золотой медальон, на котором был изображен девиз Общества, имя Островского и надпись: «Общество русских драматических писателей» (Н. А. Кропачев. А. Н. Островский. — «Русское обозрение», 1897, № 6, стр. 733). Еще 9 февраля комитет Общества постановил поднести Островскому поощрительный золотой медальон за его особые заслуги перед Обществом.

12 февраля Гончаров прислал Островскому поздравительное письмо, в котором дал высокую оценку его литературной деятельности («Неизданные письма», стр. 69—71; И. А. Гончаров. Собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 491—492).

В Петербурге же литераторы устроили Островскому «приятельский», «интимный» обед 2 марта у Донона. Организаторами обеда были Салтыков и Стасюлевич. На обеде присутствовали: Гончаров, Григорович, Пыпин, Крамской, Кавелин, Н. Михайловский, В. П. Гаевский, Бурдин и др. (см. XVI, 33; «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Под ред. М. К. Лемке, т. II. СПб., 1912, стр. 159 и т. III, стр. 517; «Неизданные письма», стр. 556; Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, стр. 265, 266; Н. А. Кропачев. Указ. соч., № 2, стр. 843—844, 857—858; письма 115—117).

³ Иван Иванович Левашев — чиновник Министерства государственных имуществ, секретарь М. Н. Островского.

⟨Петербург⟩ 20 января 1882 г.

Милая Маша, напиши мне, как тебя лечит Запольский¹, т. е. какие средства предписывает.

Вчера у меня был Сергей Петрович Губонин, дело мое идет как должно. Пьеса моя не только дает полные сборы, но на нее записываются вперед, второй раз шла она в понедельник на Александринском, в бенефис Стрельской², вчера в Мариинском, завтра опять пойдет на Александринском, на следующей неделе тоже назначена будет три раза.

И Надежда и Кондратьев чтоб не беспокоились, дело их будет сделано.

Письмо Садовского получил и отвечал на него³.

Целую тебя и детей.

А. Островский

¹ Николай Иосифович Васильев-Запольский (р. 1865) — московский врач, лечивший М. В. Островскую, театрал и актер-любитель. Благодаря хлопотам Островского был принят в труппу Малого театра (1885—1905).

² Варвара Васильевна Стрельская (в замужестве Стуколкина; 1838—1915) — актриса Александринского театра с 1857 г. Была замечательной исполнительницей ролей купчих, чиновниц, мещанок, свах в пьесах Островского.

«В январе 1882 г. произошло небывалое в летописях театра событие: новая пьеса А. Н. Островского «Таланты и поклонники», — писал П. Гнедич в «Хронике русских драматических спектаклей на императорской петербургской сцене 1881—1890 годов», — прошла первый раз 14 числа в бенефис Савиной, а четырьмя днями позднее, 18 января, в бенефис Стрельской, данный ей за 25-летнюю службу — второй раз. Роли в пьесе Островского распределены были так: Негина — Савина; Домна Пантелеевна — Стрельская ...» («Сборник историко-театральной секции», т. I. Пг., 1918, ст. 6, стр. 9).

* По-видимому, речь идет о письме М. П. Садовского 12 января 1882 г.; местонахождение ответного письма Островского неизвестно.

108

〈Петербург〉 22 января 1882 г.

Милая Маша, посылаю тебе это письмо с Иваном Ивановичем¹, прими его хорошенько. О каком ты меня исправнике спрашиваешь? Ты мне ни о каком исправнике не писала. Клеверу надо купить. Я не понимаю, чего ты конфузиться сказать Надежде². Ты можешь сказать так: «Вот петербургские опять собираются адрес поднести по случаю 35-тилетия; а наши и тогда ничего, да и теперь тоже, хоть бы обед сделали простой, недорогой; это бы лучше всего»³. О делах моих тебе расскажет Иван Иванович. Пьесу от Рассохина я получил только вчера и сейчас же послал ее к Кехрибарджи; деньги он привезет в воскресенье или в понедельник. Если тебе нужно, так пришлю, а то сам привезу.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ И. И. Левашев.

² Н. А. Никулина.

³ См. письмо 106.

109

〈Петербург〉 26 января 1882 г.

Милая Маша, вчера я получил от Кехрибарджи деньги и сегодня посылаю тебе 500 руб.

Машину-то бы погодить покупать, она нужна к осени; еще успеем; коли будут деньги, так купим и жатвенную; а впрочем, как знаешь. Ты пишешь, чтоб я отделявал пьесы для Корша¹, да у меня столько дела по Комиссии, что мне и думать ни о чем некогда. Ты об этом не беспокойся, я все устрою и ничего у меня даром не пропадет. Завтра у нас Комиссия, я узнаю, когда можно будет выехать в Москву, и послезавтра тебе напишу.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Федор Адамович Корш (1852—1923) — врач; театральный деятель, антрепренер, выступал также как драматург и переводчик. В 1882 г., после отмены монополии императорских театров, основал частный русский драматический театр в Москве.

110

Петербург. 28 января 1882 г.

Милая Маша, я не послал тебе телеграмму, потому что накануне твоего письма послал тебе письмо с деньгами, в котором писал, что машину ты можешь не покупать. Что же касается клеверу, так он необходим, об этом уж я тебе писал прежде. Директор думает выехать в Москву во вторник, а я в воскресенье и приеду в Москву в понедельник. В субботу

я тебе еще напишу письмо, ты получишь его накануне моего приезда. Если ты будешь не совсем здорова, так встречать меня не приезжай, а лучше пришли кого-нибудь. Наконец, после тяжких трудов, все мои письменные работы для Комиссии кончены, остается только переписать одну записку, последнюю¹; но уж я сам переписывать не стану. Я так устал и измучился, что пора мне и отдохнуть. Но труды мои не пропадут даром, я это знаю теперь наверное. О деньгах ты не беспокойся; деньги у нас будут и будет их много; дай только мне приехать в Москву.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ По-видимому, речь идет о записке «О причинах упадка драматического театра в Москве» (1881).

111

⟨Петербург⟩ 30 января 1882 г.

Милая Маша, когда ты получишь это письмо, я буду уже в дороге; я приеду в Москву в понедельник с почтовым поездом. Как тебе не стыдно? Зачем ты пишешь глупости, будто я твоих писем не читаю и не отвечаю на многое? Ты мне велишь перечитать твои письма хорошенько; да я каждый вечер, как только вздумаю о семье, их перечитываю. На все твои вопросы я всегда отвечаю; а об исправнике ты ничего мне не писала.

Вчера я был у гр. Игнатьева, он обещал содействовать моему театру и напишет о желании государя кн. Долгорукову¹.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Только 12 марта 1882 г. московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков известил Островского «О разрешении ему открыть в Москве частный театр с тем, чтобы место для постройки было определено по соглашению с городской думой, здание возведено по плану в установленном порядке, а репертуар представлялся на утверждение генерал-губернатору» («Летопись», стр. 301).

112

Петербург. 21 февраля 1882 г.

Милая Маша, вчера я целый день ждал от тебя письма, так и не получил; если сегодня не получу, так я с ума сойду.

В «Новом времени» напечатана гнусная статья о моем юбилее; скажи артистам, чтобы они не беспокоились, что мною доставлено в редакцию опровержение¹. Скажи Никулиной, что ее дело кончено и уже утверждено министром, два года ей зачтены². Прошения Медведевой³ и Акимовой⁴ вчера, по ходатайству директора, уважены министром. Записку Запольского я отдал директору, и он будет иметь ее в виду при составлении штата московских артистов⁵.

Комиссия наша скоро кончится, недели через две, много через три. Я завтра опять увижу директора, еще переговорю с ним о Запольском, в Комиссии, при Аверкиеве и Потехине, разговаривать неловко.

Сделай милость, пиши чаще.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Имеется в виду «Московский фельетон» за подписью «К» (А. Д. Курепин), напечатанный 20 февраля в № 2148 «Нового времени», где в заметке о тридцатипятилетнем юбилее Островского допущены ошибки в сведениях о начале его литературной деятельности. В ответ Островский написал открытое письмо «В редакцию газеты «Новое время», которое было опубликовано 23 февраля в № 2151 (XVI, 31—32).

² См. прим. 2 к письму 97.

³ Надежда Михайловна *Медведева* (в замужестве Гайдукова; 1832—1899) — актриса Малого театра с 1848 г.; ученица М. С. Щепкина, играла в пьесах Островского.

⁴ С. П. *Акимова*.

⁵ Речь идет о зачислении Запольского в штат Малого театра. См. еще письма 113—116, 118, 121.

113

⟨Петербург⟩ 25 февраля 1882 г.

Милая Маша, я очень рад, что ты перестала, наконец, беспокоиться и мучить себя думами; но все-таки тебе надо строго исполнять предписания докторов и беречь себя от расстройства.

О Запольском я хлопочу, о Правдине¹ завтра поговорю с директором. Деньги я здесь получу и тебе вышлю; а ноябрьские и декабрьские раньше 5-й или 6-й недели, пожалуй, не получишь: здесь в контроле идет какая-то суматоха. Чуйку для Николки хорошо, только не будет ли холодно. Семян кушать надо: овса и ржи, а конский зуб можно погодить. Да надо послать и цветочных семян; а каких, я не знаю.

Сделай милость, пиши, как можно, чаще; а то я могу захворать от беспокойства о тебе.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Осип Андреевич *Правдин* (Оскар Августович Трейлебен; 1849—1921) — артист Малого театра с 1878 г.; педагог.

114

Петербург. 28 февраля 1882 г.

Милая Маша, ты, пожалуйста, не беспокойся, работа наша не пропадет даром и дело не пойдет по-старому, а по-новому.

Запольского директор обещал принять. Вчера Музиль и Садовский у нас обедали; а вечером мы играли в карты; слава богу, мне есть хоть какое-нибудь развлечение. Сделай милость, береги себя и лечись правильно. Просить книг у Салтыкова и Гончарова я никогда не решусь. Будут деньги, так купим. Деньги с здешней конторы я получу не ранее среды; а за ноябрь и декабрь не ближе святой недели. Напиши мне, внесла ли ты деньги за квартиру. О поездке с братом по России, когда она будет, мы еще не знаем, это зависит от того, когда он будет свободен.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

115

⟨Петербург⟩ 2 марта 1882 г.

Милая Маша, писать нечего; Михаил Провович тебе все расскажет. Дня через два я напишу тебе об обеде, который будет сегодня. А завтра будет Комиссия и я опять буду говорить директору о Запольском, он будет принят наверное.

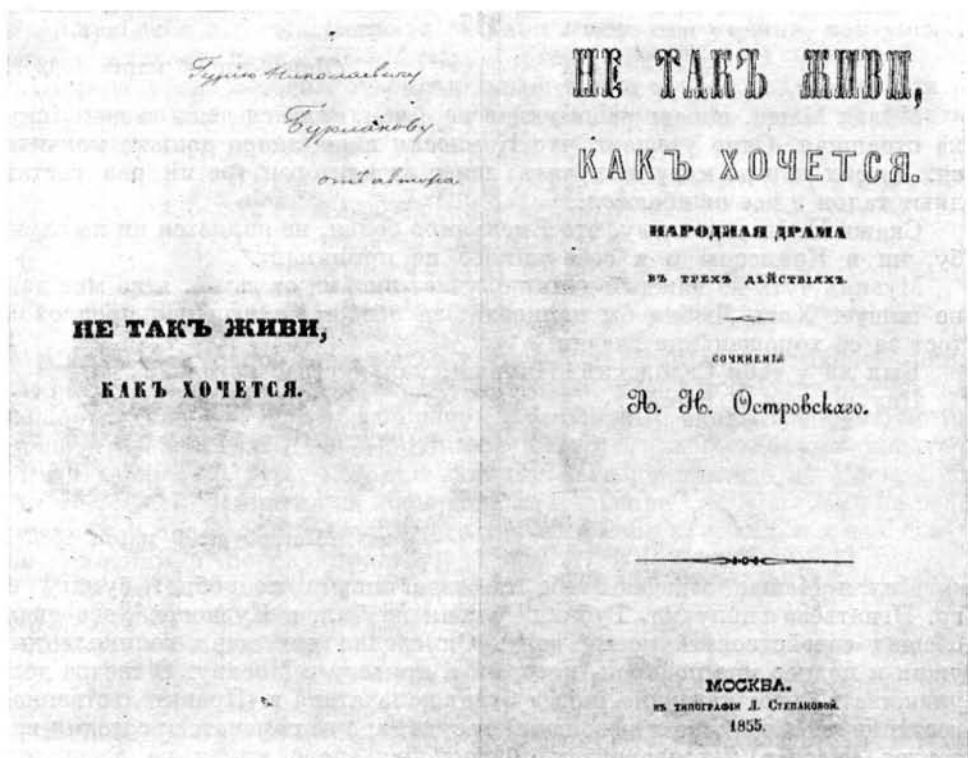
Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

116

Петербург. 4 марта 1882 г.

Милая Маша, обед 2 марта прошел очень весело. После тоста за мое здоровье Григорович предложил тост за твое здоровье. Обед был роскош-

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ» (1855)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Г. Н. БУРЛАКОВУ:

«Гурию Николаевичу Бурлакову от автора»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ный в гостинице у Донона. Из старших литераторов были: Гончаров, Кавелин¹, Григорович, Салтыков, Стасюлевич, Корш², Пыпин³, кроме того были сотрудники «Отечественных записок» и «Вестника Европы», даже кн. А. И. Урусов⁴, который был любезен до чрезвычайности. Не из литераторов были только живописец Крамской и Бурдин.

Вчера обедали с братом в Английском клубе, с нами обедал и московский генерал-губернатор кн. Долгоруков, я говорил с ним о моем театре и о записке, которую я подавал гр. Игнатьеву, он обещал свое содействие. С обеда я отправился в Комиссию и говорил с директором о Запольском. Он будет принят непременно. В управлении московскими театрами очень скоро произойдет перемена⁵.

Деньги с театра я получу завтра, их немного, с небольшим 300 р. Я пришлю тебе их с Музилом. Комиссия наша скоро кончится.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — историк, юрист и публицист.

² Валентин Федорович Корш (1828—1883) — публицист, редактор-издатель «С.-Петербургских ведомостей».

³ Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — академик, историк литературы, привлекался Островским к участию в жюри на ежегодных конкурсах лучших пьес при Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов.

⁴ Александр Иванович кн. Урусов (1843—1900) — адвокат, талантливый оратор, прогрессивный судебный деятель, автор статей о театре и литературе.

⁵ См. прим. к письму 121.

117

«Петербург» 6 марта 1882 г.

Милая Маша, писать решительно не о чем, тянется день за день, скука страшная. Одно утешает, что Комиссия наша скоро должна кончиться. До сих пор не могу получить денег из конторы, третий раз составляют талон и все ошибаются.

Скажи Н. И. Давыдову, что Емельянов болен, не является ни на службу, ни в Комиссию и к себе никого не принимает.

Музиль чуть не каждый день получает письма от детей, а ко мне дети не пишут. Хоть Любка бы написала; за обедом Стасюлевич предложил тост за ее хорошенькие глазки.

Был ли у тебя Садовский. Напиши, какая у вас погода.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

118

Петербург. 9 марта 1882 г.

Милая Маша, отвечаю тебе на твое письмо подробно: бумагу от гр. Игнатьева я получил, Губкин¹ у меня не был, а Кузнецов², его дядя, обещал содействовать моему делу. Он сделал для меня великолепный ужин и поднес мне подарок, который я привезу в Москву. О театре дело улаживать будет нетрудно, когда будет напечатана в «Правительственном вестнике» моя записка и резолюция государя; а ее напечатают сегодня или завтра. Насчет Запольского не беспокойся, дело никак не затянется; сегодня приедет в Петербург граф Сальяс³ и все будет кончено. Деньги 300 руб. только за декабрь месяц, а за январь и масленицу еще не сочли, а уж считают три недели, обещали кончить расчет к четвергу. О деньгах, пожалуйста, не беспокойся, сколько тебе нужно, столько и будет. Отложи попечение обо всем и занимайся только своим здоровьем.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Алексей Семенович Губкин (ум. 1883) — крупный кунгурский капиталист.

² Александр Кириллович Кузнецов — фабрикант, капиталист, приятель Ф. А. Бурдина.

³ Евгений Андреевич гр. Салиас де Турнемир (1841—1908) — писатель, чиновник московской конторы императорских театров до лета 1882 г.

119

«Петербург» 11 марта 1882 г.

Милая Маша, вероятно, сегодня я получу из конторы деньги, — Музиль едет в Москву в пятницу или субботу, с ним я и пришло. Сегодня же я зайду и в контроль театральный, чтобы поговорить о Н. И. Давыдове с Емельяновым, который в первый раз вышел вчера на службу после болезни и которого я не мог видеть с самого приезда. О разрешении мне театра напечатано в «Правительственном вестнике» и отсюда перепечатано во всех газетах, теперь разговор об этом идет по всей России. Внук Губкина писал Бурдину, что приедет в Петербург 15 марта, я познакомлюсь с ним и постараюсь заинтересовать его нашим делом. Теперь уж буду действовать энергично, чтобы обеспечить себя; пора и отдохнуть. До сих пор мне в жизни все удавалось, я уверен, что удастся и это, последнее мое дело.

Целую тебя и детей. Поцелуй за меня Любу, она умница, как умела, так и написала папе.

Погода у нас сегодня отвратительная, туман и дождик; а мне ездить целый день: поутру в контору, а вечером в Комиссию, будем разбирать дела московского театра.

Твой А. Островский

120

⟨Петербург⟩ 12 марта 1882 г.

Милая Маша, про мое житье расскажет тебе Николай Игнатьевич¹, который привезет тебе это письмо и деньги. Денег я получил вчера за декабрь около 300 руб. и за январь и масленицу около 700 руб., всего около тысячи рублей. Посылаю тебе 850 руб.; из остальных уплатил долг Бурдину 25 руб., которые занял у него по приезде из Москвы, и еще 16 р. 50 к. заплатил за абонемент на Сальвини², себе оставил на всякий случай около ста рублей, этого хватит с меня за глаза, и я еще больше половины в Москву привезу.

Если ты не получила с московского театра за ноябрь и декабрь, так получи, деньги 40 тысяч им высланы³.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Николай Игнатьевич едет не сегодня, а завтра, 13 марта. В понедельник у нас будет Комиссия, и я спрошу у директора, когда будет последнее заседание. Во вторник я тебе напишу, когда я выеду из Петербурга.

Сейчас получил твое письмо.

О приглашении артистов я слышал, оно, кажется, не состоится, в понедельник узнаю наверное⁴.

Ты только попроси в конторе, чтобы поскорее приготовили талон, а получу я сам по приезде в Москву.

Еще раз целую вас всех.

¹ Н. И. Музиль.

² Томмазо Сальвини (1829—1915) — итальянский трагический актер. Вершина его творчества — Отелло. В Россию Сальвини приезжал пять раз, впервые в 1880 г. в Одессу. В 1882 г. он приехал в Россию во второй раз со своей труппой на гастроли в Петербург и Москву. В его репертуар из шекспировских пьес вошли «Отелло», «Гамлет» и «Макбет». В Петербурге выступления состоялись во время поста в Мариинском театре. 16 марта Сальвини был дан бенефис, он выступил в «Макбете». В конце марта Сальвини уехал на гастроли в Москву, где выступал в Большом театре с 7 по 29 апреля. Гастроли Сальвини сыграли большую роль в истории русского театра. Они были отмечены высоким признанием и широко освещались прессой. Островский называл его «величайшим трагиком нашего времени», «непревзойденным Сальвини» (XII, 216 и XVI, 257).

³ Речь идет о поспектакльных деньгах, которые Островский получал с императорских театров за постановку своих пьес.

⁴ 10 марта 1882 г. М. П. Садовский писал Островскому: «Всеволожский кликнул клич к московским актерам, приглашая их на весну поиграть в Петербурге (...) я все продумал и решил, что ехать добровольно мне не следует, а если прикажут — поеду» («Дневники и письма», стр. 168). Островский ответил 13 марта: «Великий перелет московских артистов в Петербург целыми стаями, как кажется, останется в области предположений. Потянут отдельные экземпляры: Ленский, Ермолова и Ильинская (которую *ждут* и без которой, стало быть, в Петербурге обойтись уж никак нельзя). Об этой *тяге артистов* я буду завтра иметь сюжет с гр. Сальясом, а в понедельник с директором и что узнаю, сообщу Вам» (XVI, 34).

О разговоре Островского с директором по поводу приглашения московских артистов — см. письмо 121.

Петербург. 16 марта 1882 г.

Милая Маша, последнее заседание Комиссии будет у нас в пятницу, значит, в субботу я выеду и в вербное воскресенье буду в Москве. Тоска меня одолела, сплю тревожно и каждую ночь вижу во сне тебя и детей. Что Запольский будет принят, — это дело решенное, но нельзя этого сделать так скоро, еще штаты артистов не утверждены министром. Сегодня у нас обедает гр. Сальяс, я с ним условлюсь обо всем, что касается московского театра, и будем действовать вместе¹.

О деньгах, пожалуйста, не беспокойся; сколько нужно, столько и будет.

Михаил Николаевич на фоминной неделе приедет в Москву дня на три. Я съезжу с ним в Петровскую академию и познакомлюсь с садовником, это нам нужно для цветов.

Я вчера говорил с директором о приглашении московских артистов; он сказал, что это распоряжение сделано вообще и касается не одного только этого года, что оно означает, что московские артисты могут приезжать на гастроли, если им угодно; а он не неволит никого.

Сегодня у министра Двора совет, на котором рассматриваются все проекты и постановления нашей Комиссии и, вероятно, будут утверждены. Я тебе напишу еще в четверг.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Сальяс временно, до июля 1882 г., исполнял обязанности управляющего конторой московских императорских театров. 19 июля 1882 г. Всеволожский писал Островскому, «что Салиас убоился премудрости театрального управления и потребовал отставки» (XVI, 279). Предполагалось, что он будет назначен директором, но это назначение не состоялось (см. письмо 160).

Петербург. 18 марта 1882 г.

Милая Маша, мне Н. И. Давыдов говорил только о сорока тысячах; я хлопотал, и их выслали, что же мне ничего не сказали о других деньгах? Кабы я знал, что денег в кассе нет, так уж их давно бы получили¹. Я сегодня же переговорю с Емельяновым и попрошу, чтобы поскорее прислали. Вчера приехали в Петербург Садовский с Губониным и сегодня опять едут в Москву. О Надежде Алексеевне я похлопочу, уж все, что можно сделать для нее, я сделаю².

В Москву я приеду в воскресенье с почтовым поездом. Жду не дожидусь, чтоб вырваться отсюда.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о деньгах, причитавшихся Малому театру из кассы Министерства императорского двора.

² Островский содействовал Н. А. Никулиной в ее хлопотах о повышении оклада при заключении нового годовичного контракта с дирекцией императорских театров. Вопрос о повышении окладов Никулиной, чете Садовских и о принятии в Малый театр Васильева-Запольского был поставлен Островским еще на заседании Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства. Для заключения контрактов с артистами в Москву был командирован А. А. Потехин, который мало считался с вполне обоснованными требованиями артистов и Островского. После проволочек и долгих хлопот оклады были повышены и контракты заключены. См. письмо Садовского к Островскому <20—22 июля 1882 г.> — «Дневники и письма», стр. 172; письмо Островского к Потехину 23 июля 1882 г. (XVI, 38) и Никулиной 28 июля 1882 г. (XVI, 38—39); письмо Потехина к Островскому 3 августа 1882 г. («Неизданные письма», стр. 466—470).

〈Москва〉 24 августа 1882 г.

Милая Маша, по возвращении с железной дороги¹, я получил из деревни письмо. Дети² здоровы и веселы, погода отличная, только ночи очень холодные. В воскресенье явилось много баб и овес дожали, чему Сидор Михайлович³ очень рад, теперь руки развязаны. Дети разобрали книги, почти все нужное нашлось и покупать придется очень немного⁴.

25 августа. Весь день разбирался в столах, приводил в порядок бумаги, писал письма⁵, которых накопилось очень много, вечером писал пьесу⁶.

26-го. Сегодня сейчас еду хлопотать по своему театру, потом на выставку с Александром Васильевичем⁷, там и пообедаем, а вечером у нас Комитет у Родиславского⁸. Дети отправятся к бабушке⁹ и сегодня же вернутся.

Наслаждайся природой, запасайся здоровьем, будь умна и не скучай. Пиши чаще!

Все целуем тебя и Машу.

Твой А. Островский

У нас начали отделявать залу, чистят и красят окна.

¹ М. В. Островская в сопровождении дочери Марии уехала в Крым для поправления своего здоровья.

² В Щелыкове в это время находились младшие дети Островского — Любовь и Николай.

³ Сидор (Исидор) Михайлович Бандык — приказчик в Щелыкове с 1881 г.

⁴ В Москве готовились к занятиям старшие дети Островского — Александр, Михаил и Сергей.

⁵ Письма Островского от 25 августа 1882 г. неизвестны.

⁶ Речь идет о комедии «Красавец-мужчина», которую Островский начал писать в июле 1882 г., а окончил 10 декабря 1882 г.

⁷ Имеется в виду Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве, открытая с мая по октябрь 1882 г.

Александр Васильевич (Павлович) Бахметьев (ум. в 1918 или 1919) — инженер-технолог, брат М. В. Островской.

⁸ Очередное заседание комитета Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, председателем которого был Островский.

⁹ Наталья Александровна Бахметьева — мать М. В. Островской.

Москва. 1 сентября 1882 г.

Милая Маша, я получил твое письмо из Севастополя и телеграмму, из чего заключаю, что ты доехала благополучно. Я с нетерпением жду твоего письма, чтобы узнать, как ты устроилась. Именины мои¹ прошли хорошо и стоили недорого. Обедали только бабушка с Наташей² и Ф. А. Бурдин. Неловко только, что не было шампанского, мы напрасно поскупились. Поутру было очень много артистов и даже Люси³. Закуска стоила всего 7 руб., да две бутылки портвейну 3 руб., только и всего. Да еще закуски осталось дня на четыре детям на завтрак.

Черневский очень возмечтал о себе и начинает пакостить мне и артистам; но с приездом Потехина это должно кончиться⁴. Дела по моему театру подвигаются, много помогает Григорович, он привлекает к делу всех Боткиных⁵ и И. В. Шукина⁶. 4 сентября приедет С. М. Третьяков⁷, и тогда дело пойдет живее. На днях С. М. Минорский⁸ познакомит меня с биржевым маклером Алафузовым⁹, а Григорович с Алексеевым.

Надежда Алексевна совсем сбилась с ног, с квартиры гонят, дело чуть не дошло до мирового судьи, а дом еще без рам, теперь все перево-

зят и сваливают в кучу в флигеля, там и они будут жить пока. Она уж плачет.

Тебе кланяются: Никулина, Запольский, Федотова, Кашперов, Виктор Федорович¹⁰, наши и решительно все знакомые.

Дети здоровы и целуют тебя.

Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

От Коли, Любы и мадемуазель я получил поздравление.

¹ Именины Островского праздновались 30 августа.

² Н. А. Бахметьева и Наталья Васильевна *Бахметьева* — дочь В. В. Бахметьева, племянница М. В. Островской.

³ Фамилии установить не удалось.

⁴ По-видимому, имеется в виду назначение А. А. Потехина управляющим драматическими труппами Петербурга и Москвы. К исполнению обязанностей он приступил летом 1882 г.

⁵ Д. В. Григорович находился в это время в Москве на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Его давнишние дружеские связи с семьей Боткиных давали ему возможность просить у них денежной помощи для Островского при постройке задуманного им частного русского народного театра.

⁶ Иван Васильевич *Щукин* — глава мануфактурного торгового дома «Щукин И. В. с сыновьями».

⁷ Сергей Михайлович *Третьяков* (1834—1892) — коллекционер произведений живописи, московский городской голова, хороший знакомый Григоровича.

⁸ Сергей Михайлович *Минорский* — московский знакомый Островского, управляя в 1886 г. гостиницей «Дрезден», где Островский поселился в мае 1886 г. перед отъездом в Шельково.

⁹ Антон Николаевич *Алафузов* — биржевой гофмаклер.

¹⁰ Виктор Федорович *Подпальный* — студент-медик, домашний учитель детей Островского.

125

Москва. 3 сентября 1882 г.

Милая Маша, как долго идут письма из Крыма, я вчера только получил твое письмо из Ялты. Оно очень опечалило нас всех. Мы все думали, что чудная природа южного берега Крыма произведет на тебя отрадное впечатление и будет благодетельна своей красотой не только для тела, но и для души твоей; а оказывается, что, кроме страданий, ты ничего не испытываешь. Уже из Севастополя ты писала, что дорога тебя измучила; но все-таки в том письме было видно, что и природа Крыма доставляет тебе удовольствие; а в письме из Ялты, когда ты въехала в настоящий рай, ты пишешь только о своих мучениях. Значит, ты, бедная, очень больна и первые впечатления Крыма не могли даже утешить тебя. А меня утешил твой брат, вот истинно бесподобный человек. Он по переводу получил деньги и вчера привез мне 5000 р.¹ Я сейчас же отдам долг и буду вполне обеспечен и тебе пошлю, сколько тебе нужно будет. Сегодня я, вероятно, напишу еще письмо тебе². Виктор Федорович³ с 9-ти часов у Остроумова⁴ и еще не возвращался, он и вчера ходил с моей карточкой к нему и не мог добиться, чтоб его приняли.

Будь здорова и покойна, береги себя. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

Сейчас вернулся Виктор Федорович, Остроумов болен и никого не принимает.

¹ А. В. *Бахметьев* — см. письмо 127.

² Это письмо неизвестно.

³ В. Ф. *Подпальный*.

⁴ Алексей Александрович *Остроумов* (1844—1908) — профессор терапевтической госпитальной клиники Московского университета.

〈Москва〉 6 сентября 1882 г.

Милая Маша, наконец, Виктор Федорович¹ добился, что Остроумов его принял и говорил с ним целый час. Вот его советы: 1-е) Виноградом не лечиться, он в это лечение не верит, и никак не есть винограду натошак, а только после завтрака и обеда, сколько можешь, а никак не принуждать себя. 2-е) Непременно купаться в море; но только в теплое время и когда вода тепла, не ниже 15°; купаться только одну минуту, два раза окунуться и сейчас выходить. 3-е) Ни под каким видом не ездить верхом и не утомлять себя, ходя по горам, а гулять по ровному месту и не торопясь. Если будешь уставать, как ты делала в Щелькове, это принесет тебе вред, а не пользу. 4-е) Как можно беречься при переходе от тепла к холоду вечером. 5-е) Он говорит, что ты непременно немного захворашь, но чтоб ты этого не боялась и не считала за лихорадку, это пройдет, и чтобы ты после болезни опять купалась.

Напрасно ты расстраивалась и поверила газетам: Бурдин жив и здоров², пировал у меня на именинах и тебе кланяется.

Мы все здоровы и дети маленькие тоже. Береги себя и будь покойна. Остроумов говорит, что спокойствие для тебя самое лучшее лечение.

Целую тебя и Машу. Все знакомые тебе кланяются.

Твой А. Островский

¹ В. Ф. Подпалый.

² В августе 1882 г. в газетах появились ложные слухи о смерти Бурдина. Опровергая их, Бурдин 25 августа телеграфировал Островскому: «Не верь газетам, я жив и здоров» (XVI, 283). 23 сентября Островский писал Бурдину, что «Марья Васильевна много плакала при известии о твоей смерти и очень обрадовалась, когда я ей написал, что это вздор» (XVI, 41).

〈Москва〉 8 сентября 1882 г.

Милая Маша, напрасно ты думаешь, что я пишу редко, я пишу тебе постоянно через день. Остроумов очень меня успокоил, он сказал Виктору Федоровичу, что у тебя решительно нет никакой серьезной болезни, что у тебя только очень расстроены нервы; отчего происходит слабость желудка и кишок. Что причина расстройства нерв твоя раздражительность, от раздражительности никакой доктор вылечить не может, это вполне зависит от тебя самой; но нервы несколько поправить можно, для этого самое лучшее средство морской воздух и купанье. Только нельзя купаться меньше 15°, там все знают, когда вода холодна.

Дела мои по театру подвигаются; но теперь хлопотать не время. Генерал-губернатор очень занят, а купцы сбились с ног: в Москве постоянно кто-нибудь из царской фамилии, а сегодня приехал государь¹. В моем деле принял участие биржевой гофмаклер, он знаком со всеми купцами и открыл у себя подписку². Хозяйство идет у нас хорошо, живем мы очень умеренно, тратим только самое необходимое. Я работаю день и ночь и свету не вижу, мне хочется заработать побольше, чтобы не нуждаться. Это мне нож вострый, я могу с ума сойти. Деньги я от Александра Васильевича³ получил и долг заплатил раньше срока, поэтому выдал 40 рублей. Напиши, сколько тебе нужно будет денег. Пожалуйста, не трать много на подарки. В деревню я думаю ехать 15-го сентября, дай бог, только чтобы хватило сил и здоровья. Дети все здоровы и учатся хорошо. Ты, пожалуйста, ни о чем не беспокойся, старайся только поправить свое здоровье. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

¹ Царская семья в сопровождении министров прибыла в Москву 8 сентября 1882 г. и возвратилась из Москвы в Петербург 12 сентября. В Москве Александр III и сопровождающие его лица посетили Всероссийскую художественно-промышленную выставку; на Ходынском поле был устроен смотр войскам.

² А. Н. Алафузов.

³ А. В. Базматьев.

128

〈Москва〉 10 сентября 1882 г.

Милая Маша, у меня начинают расстраиваться нервы от жизни врозь с семейством; поминутное беспокойство, все ли благополучно у вас и в Щелькове; с дрожью распечатываешь письма, пугаешься при каждом звонке, не телеграмма ли какая неприятная. Все это немножко порасстроило у меня аппетит и сон; но я это поправлю, сегодня же начну принимать бромистый натр. О нашем житье писать нечего, живем изо дня в день, дети учатся, я работаю и нигде не бываю. О приезде царской фамилии ты знаешь из газет. Вчера приехал в Москву Андрей Николаевич¹ с семейством, Василий Васильевич² вернулся из ярмарки, у них переделяется квартира, и потому Наташа³ ходит к нам учиться каждый день, с утра и до вечера, ей дает уроки Василий Иванович⁴. Она хочет перейти в гимназию к Мещерской, там легче, и готовится в 5-й класс. Дела в Малом театре пошли было очень плохо: Потехин совершенно вверился Черневскому и уполномочил его управлять труппою и репертуаром; а тот повел себя свинья-свиньей, оскорбил артистов и стал составлять репертуар из пьес Потехина. Наконец приехал Потехин, был у меня, и 〈я〉 ему все высказал; он вертелся, оправдывался и, наконец, побожился, что мои пьесы пойдут больше всех в сезон⁵. Сегодня приедет директор, что-то он скажет, жалоб от артистов будет много.

Детские комнаты и столовую у нас отделали, теперь чисто и хорошо.

Теперь новое положение о вознаграждении авторов утверждено⁶; если мои пьесы пойдут часто, то мы совершенно обеспечены. А уж я этого добьюсь; мне все в жизни удавалось, когда я действовал энергически.

Ты обещала писать через день, и потому я ждал от тебя сегодня письма и не дождался, значит, ты не написала. Дети все здоровы. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

Неужели ты еще не была ни разу в Гурзуфе и не видала Аю-дага?

¹ А. Н. Островский.

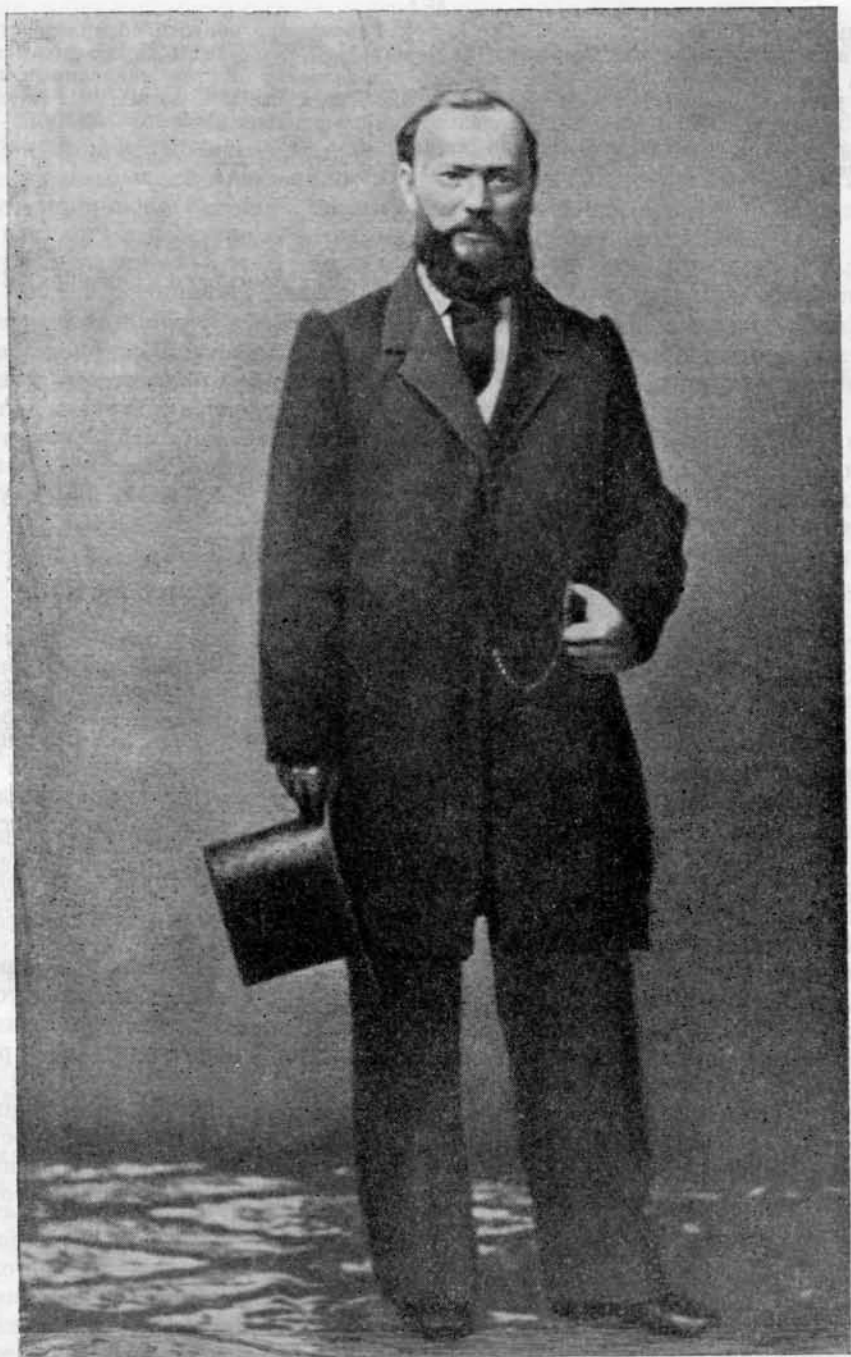
² В. В. Базматьев.

³ Н. В. Базматьева.

⁴ Василий Иванович — учитель. Фамилии установить не удалось.

⁵ Островский писал Бурдину 1 октября 1882 г.: «Потехин <...> был у меня <...> Я ему высказал все, что было на душе, и он от меня, что называется, насилиу выкатился. Весь разговор продолжался не более 1/4 часа» (XVI, 42). Результат разговора не замедлил сказаться, о чем Потехин извещал Островского 1 ноября: «Шесть пьес твоих я уже возобновил на петербургской сцене» («Неизданные письма», стр. 471).

⁶ Речь идет об издании 21 марта 1882 г. новом временном положении о вознаграждении драматических писателей, разработанном Комиссией для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства, при активном участии Островского. Пыталась оплата новых оригинальных и переводных пьес. Авторский гонорар за оригинальные пьесы был определен в 2% с валового сбора за каждый акт, за переводные платилось по 1% с акта. При оплате возобновляемых пьес дирекции предоставлялось право входить с авторами в особые соглашения. Основываясь на этом, Островский через московскую контору императорских театров просил дирекцию заключить с ним особое соглашение относительно оплаты за постановку старых его пьес (см. письмо его к И. А. Всеволожскому 21 октября 1882 г. — XVI, 46—49). Об этих хлопотах Островский извещал Бурдина 27 октября: «... мною подано заявление о желании моем вступить с дирекцией относительно вознаграждения за мои ста-

ОСТРОВСКИЙ

Фотография С. Л. Левицкого. Париж, 1862 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

рые пьесы в особое соглашение» (XVI, 50). Разрешение вопроса об оплате старых пьес, идущих на сцене Малого театра (34 постановки), было очень важно для Островского, так как все его материальное обеспечение зависело от пьес, написанных прежде. В результате хлопот, продолжавшихся около года (см. письма к П. М. Пчельникову 5 декабря 1882 г. и И. А. Всеволожскому 6 декабря 1882 г. — XVI, 55—59), Островский добился той же оплаты за старые пьесы, что и за новые, и без монополии императорских театров на возобновляемые пьесы.

129

Москва. 11 сентября 1882 г.

Милая Маша, сейчас получил от тебя письмо и удивился очень. Ты пишешь, что я тебе не пишу; да я тебе пишу чуть не каждый день, а уж через день аккуратно. Я пишу в «Ялту с оставлением на почте» — должно быть не доставляют тебе. Я пишу тебе через день, ты и получать должна через день (а не каждый день, как ты пишешь). Я писал тебе вчера (10 числа), пишу сегодня (11-го) и напишу в понедельник (13-го).

Мы все здоровы, писать не о чем; у нас один день идет, как другой. Целую тебя и Машу. Дети тоже.

Виктор Федорович и Музиль кланяются.

Твой А. Островский

130

Москва. 13 сентября 1882 г.

Милая Маша, в Москве началась опять обычная жизнь, все празднества по случаю приезда царской фамилии кончились; теперь бы самое время хлопотать о театре, но поездка в деревню отвлекает меня от этого дела. Не скрою от тебя, что путешествие меня несколько пугает: я в Москве, сидя дома, приобрел такой кашель и насморк, что дышать трудно, что же будет, как я пушусь за Волгу. У нас, при ясной, солнечной погоде, холода зимние, сегодня ночью было 4° морозу. Я велел достать себе бараний тулуп и теплую шапку, иначе ехать нельзя. Коли у нас 4°, так в Шелькове, пожалуй, 10°. До 10 числа было у нас тепло: и в деревне тоже, так что там и печи не топили. Дети там здоровы и молотилка уставлена; так что я приеду в самый раз. В Москве нового решительно ничего. Дети учатся; Виктор Федорович ищет квартиру. Теперь квартиры дороги.

Сейчас получил твое письмо от 8 сентября. Очень рад, что ты здорова и чувствуешь себя хорошо. Ты пишешь, чтобы из оставшихся 700 руб. я тебе выслал 300 руб., а 400 отложил. А где же я для деревни денег возьму? Все хоть сто рублей надо взять из них. Ведь не занимать же мне сейчас, это для меня мука. Лучше, когда ты приедешь, заложим или продадим табакерку¹. А, может быть, я успею кончить пьесу².

Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

Уезжаю послезавтра, я еще напишу тебе из Москвы.

¹ Речь идет о массивной золотой табакерке с бриллиантовым вензелем царя, пожалованной Островскому Александром III за участие в работе Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства. В письме к И. А. Всеволожскому 23 августа 1882 г. он, соблюдая необходимую формальность, благодарил за «всемиловитейший подарок», за «щедрую высочайшую милость» (XVI, 40). Островский считал, что табакерка представляет материальную ценность, и в трудную минуту за нее можно получить крупную сумму денег, но оценка табакерки, произведенная по его просьбе М. П. Садовским, убедила Островского, что ценность ее невелика (см. письмо Садовского <августа 1882 г.> — «Дневники и письма», стр. 175).

² «Красавец-мужчина».

131

Москва. 15 сентября 1882 г.

Милая Маша, письмо твое от 8 сентября, в котором ты просишь, чтобы я прислал тебе 300 руб., я получил третьего дня, 13-го числа, я тебя уж известил об этом; но деньги посылать было уже поздно. А вчера 14-го числа было воздвижение и почтамт закрыт. Посылаю деньги сегодня, тороплюсь страшно, потому что сегодня же уезжаю в Щельково. Денег я беру в деревню сколько нужно, по твоему расписанию. Обо всех денежных расчетах я тебе напишу из Щелькова, если придется посылать кого-нибудь в Кинешму, почта из Адищева уже не ходит с 1 сентября. Без меня будут писать тебе дети 17-го и 19-го числа. Сегодня переселяется к нам бабушка¹. Любе, вместо подарка, свезу конфет².

Дети все здоровы. Все знакомые тебе кланяются. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

¹ Н. А. Базмеева.

² Речь идет об именинах дочери Островского Любы (17 сентября).

132

Щельково. 16 сентября 1882 г.

Милая Маша, сегодня я приехал в Щельково и, благодаря отличной погоде, совершенно благополучно.

Дети, Люба и Коля, здоровы и целуют тебя, мадемуазель тебе кланяется. Как дети мне обрадовались, как они, бедные, скучали без папы и мамы.

В Щелькове все благополучно, молотилка уставлена своими средствами и очень хорошо. Сегодня при мне молотили русский ячмень, завтра сделаем примерный замолот ржи; сосчитаем снопы, чтобы узнать, сколько выйдет из тысячи. Пишу тебе вечером, письмо пойдет завтра, я совершенно здоров, но чувствую некоторое утомление. Напишу тебе еще в субботу или в воскресенье. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

133

<Москва> 20 сентября 1882 г.

Милая Маша, сейчас только с железной дороги. И в Щельково и обратно с детьми я прибыл совершенно благополучно¹. Погода стояла почти летняя, а дорога такая, какой и летом не было. Дождь пошел только, когда уж мы подъезжали к Волге; таким образом, мы успели воспользоваться самой благоприятной <погодой>. А не случись этого, моя поездка могла бы кончиться дурно для меня, да и не для одного меня. А теперь все хорошо: дети здоровы и я здоров. Ты должна очень бога благодарить за меня и маленьких детей. В Щелькове все благополучно. Подробнее напишу завтра; а теперь так устал, что едва держу перо в руках. Я уехал в среду, 15-го числа, и с тех пор ни одной ночи не спал спокойно или, лучше сказать, совсем не спал. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

Р. S. Теперь примусь за дело, а ты поправляй свое здоровье и решительно ни о чем не беспокойся: коли буду жив и здоров, все у нас будет.

¹ Островский получил из Щелькова известие о тяжелой болезни сына Николая и тотчас же выехал в деревню. Об этом он сообщал Бурдину 23 сентября 1882 г. (XVI, 41).

134

〈Москва〉 21 сентября 1882 г.

Милая Маша, ночь я спал хорошо и совершенно отдохнул от усталости и разных волнений. Сейчас приезжал Александр Васильевич¹ прощаться, он сегодня уезжает на Кавказ. Это такой прекрасный, умный и деликатный человек, каких я мало видывал.

Теперь я сообщу тебе мои денежные расчеты. Денег у меня оставалось 300 руб.; я их не трогал до отъезда в деревню, а жил на деньги, полученные с Малого театра, 187 руб. и к ним еще прибавил 60 руб., оставшихся от расчета с Авдотьей Алексеевной². Я ей заплатил 4240 руб. вместо 4280-ти; так что у меня осталось от 5000 — 760 руб. Этих денег, т. е. 187 руб. и 60 руб., мне надолго бы хватило при нашей скромной жизни, но были крупные расходы: за платье детям 63 руб., на книги и тетради и разные мелочи руб. 15 — всего рублей 80. В деревне, по твоей записке, я должен был заплатить всем жалованье за сентябрь 66 руб., хозяину 20 руб., за перевоз 5 руб., оставить Сидору Михайловичу³ 100 руб. и на стройку 150 руб., всего 341 руб.; но мне обошлось все это гораздо дешевле, потому что Сидор Михайлович распорядился хорошо и экономно. Он построил сарай для молотилки своими средствами очень дешево, стойла обошлись в 8 руб., сушилка будет стоить 35 руб., да за печку в ней ты уж обещала Ивану Осипову⁴ 16 руб. — вот и все. Мы сделали с Сидором Михайловичем подробный счет всему, и я ему оставил на все 225 руб. Он говорит, что этого довольно ему до декабря. Молотилка действует отлично, так что ни одного зерна не пропадет. Мы из 1000 снопов ржи намолотили почти 7 четвертей. Этого никогда не бывало. Ну, пока довольно с тебя. Целую тебя и Машу.

Твой А. Островский

¹ А. В. Базмезев.² Так в тексте. Евдокия Ларионовна Баранова — киевская купчиха.³ С. М. Бандык.⁴ Лицо неустановленное.

135

〈Москва〉 23 сентября 1882 г.

Милая Маша, мы все здоровы и все у нас благополучно. Отвечаю тебе на письмо, которое ты писала мне в деревню. Ты пишешь, чтобы я много не работал; но это невозможно, к работе я привык, и она меня не очень утомляет. Для меня и особенно в моих летах губительны всякие волнения и раздражения. Спроси у первого попавшегося доктора, всякий тебе скажет, что человеку в 60 лет, нервному и больному, сильное раздражение всегда грозит ударом или мгновенной смертью. Раз пройдет, два пройдет, а в третий, пожалуй, и не пройдет. Хорошо, как пришибет сразу, а как останешься живым трупом, без руки, ноги, без языка, себе и людям в тягость. На днях подобная история была с бедным Юрьевым¹, он тем только и кормился, что был редактором «Русской мысли»; случилась домашняя неприятность, и вот он без руки, ноги и языка и совсем нищий.

Через Одессу ехать я тебе никак не советую. Ты моря не знаешь. Переезд до Одессы может подействовать на тебя губительно. Да и что ты увидишь в Одессе проездом, чтобы узнать ее, надо прожить неделю. А жить в этом <...> городе одним женщинам очень неудобно, вас просто ограбят. То же и в Киеве; проездом быть не стоит, а остановиться дня на три и дорого и не безопасно. До Севастополя на пароходе ехать еще можно, но

только надо выбирать тихую погоду. Когда выедешь в открытое море и начнет пароход кидать, как мячик, тогда ты узнаешь, что такое море. Зачем ты хочешь рано уезжать? С октября-то в Крыму и начинается настоящий рай. И Михаил Николаевич и решительно все советуют тебе остаться подольше, а то вся поездка и беспокойства и затраты пропадут даром, без пользы для здоровья. Вина привози, какого хочешь, мне все равно. Зачем ты пишешь, что это твоя последняя поездка. Как немножко дела устроятся, я с тобой съезжу в Киев, в Одессу, а, может быть, и на Кавказ. Целую тебя.

Твой А. Островский

Поцелуй Машу.

¹ Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) — журналист и знаток театра, переводчик пьес Лопе де Вега. В 1871—1872 гг. редактировал славянофильский журнал «Беседа», в 1880 г. Юрьев основал журнал «Русская мысль» и стоял во главе редакции в течение пяти лет (1880—1885).

Островского и Юрьева связывали приятельские отношения. Юрьев высоко ценил драматургию Островского и его взгляды на театр для народа. Под влиянием этих взглядов он у себя в усадьбе, в Калезинском у. Тверской губ., устроил театр, где играли крестьяне-любители, а также профессиональные артисты, друзья Островского, — М. Н. Ермолова, В. Н. Давыдов, выступал и сам хозяин. Из пьес Островского ставились: «Гроза», «Не так живи, как хочется», «Снегурочка». В 1886 г. Островский привлек Юрьева к участию в художественном совете Малого театра.

136

⟨Москва⟩ 25 сентября 1882 г.

Милая Маша, ты напишешь мне письмо и сейчас же ждешь ответа, забывая, что от тебя письмо идет 6 дней, да ответ пройдет 6 дней и, значит, получится через 12 дней. Так и теперь в письме от 18 сентября, которое я получил 24-го числа, ты спрашиваешь, ехать ли тебе через Одессу или нет. Ответ я пишу 25-го сентября, и он может тебя не застать; но я все-таки пишу на всякий случай. Вот тебе мой ответ: я не только не советую тебе ехать морем, но положительно запрещаю. Черное море самое бурное, и в октябре никогда не бывает покойно, ты никак не вынесешь качки, а Маша и подавно. Ты будешь проклинать свою жизнь, потеряешь все, что приобрела в Крыму, расстроишь свое здоровье надолго и даже можешь умереть; потому что, кроме того, что ты слаба, ты еще труслива, а Маша трусливей тебя. Минорский проехал только от Ялты до Севастополя, а и то до сих пор не может поправиться. Да в Ялте при ветре вам и не высадиться на пароход: лодка близко к пароходу не подходит, чтобы ее не разбило о пароход, она то опускается под пароход, то подымается вровень с бортами, надо ловить эту минуту и прыгать на пароход, ну, решитесь ли на это вы с Машей, когда она боится у мельницы по доске пройти. Когда отъезжал Минорский, одна дама упала в море, и уже матросы ее подхватили. Всего лучше тебе ехать на Алушту прямо в Симферополь, так ездят все слабые и больные: дорога покойная, гор нет. Ты можешь ночевать в Алуште и утром отправиться в Симферополь. Таким образом, ты избежишь дороги от Севастополя до Симферополя, которая идет по туннелям. Из Симферополя телеграфируй и из Лозовой или Харькова, чтобы мы знали, когда тебя встретить. Это письмо последнее. Мы все здоровы и целуем вас.

Твой А. Островский

Щелыково. 21 августа 1883 г.

Милая Маша, мы все здоровы и у нас все идет своим обыкновенным порядком, как заведенные часы. Такой тоски, какую я теперь чувствую, я не испытывал никогда. В ожидании от тебя известий, я не могу ничего делать, ни читать, ни писать, и только хожу целый день по пустым комнатам и мучусь¹.

Погода с пятницы изменилась к лучшему, и работы все идут успешно. Живно кончили. В пятницу было 17 баб, в субботу 26 и сегодня 21 и кончили в полдень, за что я им дал по 15 к., и они остались очень довольны. Работники кончили городьбу, навозили лесу для свай в пруд и начали орать под яровое. Если будет стоять хорошая погода, так будут возить снопы. Мельник сегодня набил сваи в пруду. Вот и все.

Завтра буду ждать от тебя письма и, конечно, страдать; потому что на хорошие известия надеяться нельзя. Поклонись от меня всем, кого увидишь, и пиши мне обо всем подробнее.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет об учении в гимназии сына Александра, который не получил переходных отметок.

Щелыково. 22 августа 1883 г.

Милая Маша, исполняя твое желание, отвечаю тебе с нарочным.

Письмо твое очень меня успокоило, можно сказать, я совершенно ожил.

Если Поливанов соглашается оставить Сашу на третий год и обещает наблюдать за его ученьем и провести его дальше, то я скажу тебе прямо, что лучше этого и желать нельзя. На Сашу смотреть нечего. Он говорит, что ему будет стыдно, а не стыдно было ему лениться. Ты растолкуй ему, что лучше потерять один год жизни, чем испортить всю свою жизнь навсегда. Из твоего письма видно, что Александровское училище есть училище высшее и что туда поступают кончившие курс в классических и военных гимназиях, т. е. кадетских корпусах, да еще по экзамену. А так как желающих поступить туда много, то и экзамены бывают очень строгие; значит, Сашу не только через год, или два, но, пожалуй, и через пять лет туда не примут. А между тем ему минет 20 лет и надо будет служить солдатом без льготы. Если же отдать его в кадетский корпус, то там теперь главное внимание обращают на военную выправку, и он должен будет учиться маршировать и ружейным приемам с мальчишками 10—12 лет, которые будут над ним смеяться, да еще сечь его будут через день, что стыднее, чем оставаться в гимназии. Чтобы составить карьеру в военной службе, нужны ловкость и аккуратность, а он умыться и застегнуться порядочно не умеет. В военную службу ему можно идти только уж при последней крайности. Скажи ему, что если он останется у Поливанова и будет учиться хорошо, то я ему, в свободное время, буду доставлять удовольствия, а если не хочет, то отдадим его в кадетский корпус в 4-й или 5-й класс и пусть его там порят. И Щелыкова ему не видать, потому что летом будет стоять в лагерях. Отдавай его к Поливанову¹, меньше хлопот, и приезжай поскорее.

Мы все здоровы и целуем тебя.

Твой А. Островский

¹ Лев Иванович Поливанов (1838—1899) — педагог, критик, переводчик Расина, председатель московского Общества любителей российской словесности; либеральный общественный деятель; один из главных организаторов торжеств по случаю открытия в 1880 г. памятника Пушкину в Москве; учредитель и директор частной гимназии в Москве.

В поливановской гимназии учились два старших сына Островского — Александр и Михаил. О сыне Александре — см. И. А. Купчинский. Из воспоминаний об Александре Николаевиче Островском. — «Островский в воспоминаниях современников», стр. 233.

139

Щельково. 24 августа 1883 г.

Милая Маша, мы все здоровы, погода у нас теплая, совсем летняя; овес вывозили и обмолотили. Если хорошая погода постоит еще, то вывезут и ячмень. Вот и все наши известия. Я от скуки стал много ходить: раза два в день схожу на гумно и один раз был с Николаем¹ на овражках. Для нас интересны только почтовые дни, а в остальные мы бродим, молча, точно чего-нибудь ищем; вот завтра мы, в ожидании твоего письма, будем волноваться.

Это письмо последнее. Приезжай скорее! Дети поздравляют бабушку и Наташу, передай и мое поздравление!²

Я и дети тебя целуем.

Твой А. Островский

Передай письмо детей Наташе.

¹ Фамилии установить не удалось.

² 26 августа — день именин Н. А. и Н. В. Бахметьевых.

140

Харьков. 29 сентября (1883 г.)

Милая Маша, мы едем благополучно и очень покойно¹. Видел в Курске Бурдина², но не так, как мы воображали. Он бодр, одет щеголем, в цилиндре. Погода за Курском отличная, тепло. Под Белгородом природа очень красива, большие селения, белые хаты и меловые горы, — по полям мальчики пасут серых гусей. Я совершенно здоров. Целую тебя. Поцелуй детей. Скажи Коле и Любе, чтоб писали.

Твой А. Островский

Начал письмо на станции, а оканчиваю в Харькове. Дорога уж мне приносит пользу: сегодня утром в вагоне мне приходили в голову очень хорошие мысли для пьесы.

¹ 28 сентября 1883 г. Островский вместе с братом Михаилом Николаевичем выехал на Кавказ.

3 мая 1883 г. Островский писал Бурдину: «Перед отъездом в деревню Марья Васильевна захотела посоветоваться с Остроумовым о моей болезни и, не предупредив меня, пригласила его. Остроумов нашел, что положение мое *еще не так дурно*. В этом не много утешительного. Он велел пить мариевские воды и осенью непременно уехать на юг, иначе зима может на меня губительно подействовать» (XVI, 76). После посещения летом мариевских вод, Островский решил ехать осенью в Крым, но эта поездка не состоялась. Тогда он обратился к брату с просьбой взять его с собой на Кавказ, куда последний должен был выехать в служебную командировку (письмо начала августа 1883 г. — XVI, 84). О поездке на Кавказ — см. дневник Островского «Поездка на Кавказ 1883 г.» (XIII, 272—284), записи в котором во многих местах текстуально совпадают с публикуемыми письмами этого периода.

² 26 мая 1883 г. Бурдин, уже будучи в отставке (6 января 1883 г. ему был дан прощальный бенедикт за 40-летнюю службу), для поправления своего здоровья уехал с женой, дочерью и матерью на жительство в Курск. Предполагалось прожить там год (см. его письмо к Островскому 2 июня 1883 г. — «Островский и Бурдин», стр. 394—395). 31 августа Островский писал Бурдину, что «в Крым ехать раздумал, а по-

еду на Кавказ с братом Михаилом Николаевичем» (XVI, 85). Узнав об этом, Бурдин в письме 7 сентября просил Островского дать «знать телеграммой, я выйду тебя встретить на станцию, потому что в Курске поезд стоит около часа» («Островский и Бурдин», стр. 403). «Если брат поедет на Кавказ через Курск, — писал в ответ Островский 18 сентября, — то я извещу тебя о дне нашего выезда телеграммой» (XVI, 87). Извещение было послано письмом 25 сентября: «Хотя из Москвы на Кавказ и не одна дорога, а, напротив, через Рязань, Воронеж и Ростов даже несколько ближе, но мы поедем через Курск. Выезжаем мы в среду, 28-го числа, со скорым поездом в 12 ч. 30 м. дня. Я не просплю и выйду к тебе на станцию» (XVI, 87). В дневнике Островский записал: «29. 4 часа утра. Курск. Бурдин. Значительно поправился» (XIII, 272).

141

Ростов-на-Дону. 30 сентября 1883 г.

Милая Маша, вчера в Харькове встретили нас племянницы¹, губернатор Калачев², который был ярославским предводителем, и Александр Павлович Евреинов³, которому я очень обрадовался. Он просил тебе кланяться. В Харькове мы позавтракали, а обедали в Лозовой. В Харькове купили два арбуза по 12 коп. Ужинали в Славянске. А проснувшись сегодня в 6-ть часов, подъехали к Таганрогу. Город стоит на горе, а под ним море. В Таганроге напились кофею и поехали сначала по самому берегу моря, потом по разливам Дона, дорога идет местами между камышей и через огромные рыбацкие селения. Хаты глиняные, крыты камышом. Тут уж юг настоящий, все другое — и зелень, и строения, и птицы, и даже люди. В Славянске, за ужином, ел дикого гуся. Вкусно и не жирно. В Ростов приехали в 8 ч. 45 м. утра. Город прелестный. Здесь стоят четыре часа. Я погуляю по городу, и что увижу хорошего, напишу тебе из Владикавказа.

Я здоров и едем мы покойно.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о дочерях брата Островского — Сергея Николаевича — Любви, Марии и Юлии, которые жили в Харькове вместе с матерью (см. XIII, 284).

² Виктор Васильевич Калачев. В газ. «Неделя», 1882, № 35, 29 августа, извещалось: «Харьковским губернатором на место генерал-майора Грессера назначен ярославский предводитель дворянства Калачев, брат известного археолога». С 1884 по 1898 г. Калачев был костромским губернатором.

³ Александр Павлович Евреинов — член совета харьковского института благородных девиц.

142

Владикавказ. 1 октября 1883 г.

Милая Маша, наконец, я в Владикавказе. Как ни хорошо и удобно мы ехали, но пробыть безвыходно трое суток в вагоне — утомит хоть кого, и я рад, что могу отдохнуть и почевать в комнате на хорошей постели. Стану рассказывать по порядку.

В Ростове, по случаю сильного ветра и страшной пыли, мне осмотреть города не пришлось. В 12 часов дня выехали из Ростова, переехали Дон, на котором целый лес мачт, разных морских судов и всяких пароходов. Вид с той стороны на богатый и живописный Ростов превосходный. За Доном начинается степь, тут уж настоящая Азия. День и ночь мы ехали степью, а поутру сегодня увидали кавказские горы. Тепло, как у нас в начале августа, я сидел в вагоне в одной рубашке и то было жарко. На степных станциях кормят хорошо. Порция фазана, т. е. половина, стоит 60 к. Осетрина с томатом в Ростове превосходная. В 3 ч. 30 м. приехали во Владикавказ. На станции нас встретили с почетом. Квартирu нам отвели в доме начальника Терской области (все равно, что генерал-губер-

Гликерия Николаевна

Федотовой

от автора.

НЕ ОТЪ МИРА СЕГО.

Семейная сцена въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствіе I.

Лица:

Виталий Петровичъ Ночевъ, важный господинъ, срезанивъ зѣбу, слу-
жащій въ частномъ банкѣ.
Исениа Васильевна, его жена.
Микаша Давыдычъ Елоховъ, пожилой человѣкъ, проживавшій большое
время въ
Фирсѣ Лукичѣ Барбарисовѣ, молодой человѣкъ, по натурѣ очень
скромный.
Юлия Прокофьевна, экономка.
Мардарій, лакей.
Ардальонъ Мартынычъ Мурзоговъ, богатый баринъ, живущій очень широко.

Кибитка, козлы, необорванный, большой едокъ, шаловливый сумасбродъ, шаловливый
сдавать и проч. Дѣйствіе: право въ болоту, прилежную залу, направо (отъ ле-
вого) въ уборную Елохова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Елоховъ (входить изъ прихожей), Мардарій (входитъ изъ уборной съ
подносомъ, на которомъ пустая бутылка шампанскаго).

Елоховъ.

Что это? Шампанское пьютъ? Пилили и мы шампанское; пи-
вали, другъ, пилили. Кто тамъ у него?

ПЬЕСА «НЕ ОТЪ МИРА СЕГО» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Г. Н. ФЕДОТОВОЙ:

«Гликерия Николаевна Федотовой от автора»

Журнал «Русская мысль», 1885, № 2

Центральный театральный музей, Москва

натор), его теперь нет, и дом стоит пустой¹. До дому нас проводили вице-губернатор² и полицеймейстер³. Там уж был приготовлен в великолепной зале роскошный обед с форелями, вальдшнепами и фазанами и отличными фруктами. Дом стоит на горе, по которой тянется сад, окруженный пирамидальными тополями. Мы остановились в нижнем этаже, двери растворены в сад, светит луна, и над нами висят горы. Точно во сне. Но я утомился, лягу спать пораньше, а завтра в 10 часов утра на лошадях в горы. Там, на вершине, ночуем, в Тифлис приедем в понедельник, 3-го числа. Во вторник, 4-го, напишу тебе о нашей переправе через знаменитые кавказские горы. Целых сто верст мы издали любовались их снеговыми вершинами, они гораздо выше Альп.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островскій

¹ В 1883—1884 гг. должность начальника Терской области оставалась вакантной. Исправлял ее помощник начальника полковник Евгений Корнильевич Юрковский. О нем упоминает Островский в дневнике (XIII, 283).

² Густав Христианович Яковсон — вице-губернатор Терской области.

³ Николай Егорович Чхеидзе — исполняющий должность полицмейстера во Владикавказе.

Милая Маша, сейчас въехали в Тифлис. Александр Васильевич встретил нас за станцию до Тифлиса. Я прямо приехал к нему¹. Описывать подробно эту чудную дорогу не могу, для этого надо исписать целую кни-

гу, да я и очень утомлен и от дороги и от впечатлений. Сто верст подниматься в горы на высоту 9000 футов и потом сто верст не ехать, а сыпаться из-за облаков, это чего-нибудь да стоит. Через день, отдохнувши, напишу тебе большое письмо, а теперь едва держу перо в руках. Всё тебе кланяются. Поцелуй детей.

Целую тебя.

Твой А. Островский

¹ М. М. Ипполитов-Иванов вспоминал, как в Тифлисе у А. В. Бахметьева познакомился с Островским («Островский в воспоминаниях современников», стр. 426).

144

(Тифлис) 5 октября 1883 г.

Милая Маша, теперь я несколько отдохнул и успокоился. Жить мне у Александра Васильевича и покойно и удобно; за мной ухаживают даже больше, чем нужно. Жаль Юлию Васильевну¹, она, хотя поправилась, но еще ходить не может, ее возят в креслах.

Описывать тебе дорогу по горам невозможно, для этого нужно написать целую книгу. Такие реки как Терек и Арагва, которые не текут, а прыгают по камням и в которых часто не видишь воды, а одну белую, как жемчуг, пену, такие картины мрачные и величественные, как Дарьяльское ущелье и Казбек, такие улыбающиеся долины, как Душетская, — требуют не описания, а живописи. А если начать описывать впечатления, которые они производят, то и конца не будет. Все, что можно, у меня записано в книжке, и я прочту вам и расскажу по приезде в Москву. Вчера утром я был у Михаила Николаевича, туда приехал главноначальствующий на Кавказе, князь Дундуков-Корсаков². Он встретил меня очень ласково и сейчас же пригласил обедать. Я был так разбит и утомлен дорогой, что принужден был отказаться. Он просил меня, когда я отдохну, бывать у него, что я и обещал. Он живет в роскошнейшем дворце, который впоследствии я тебе опишу подробно. Он очень приветлив, много говорит и очень напоминает бывшего министра Игнатьева.

Обедал я дома, Александр Васильевич пригласил на обед чиновников Михаила Николаевича, и мы провели время очень весело. Вечером я опять был у Михаила Николаевича с Александром Васильевичем. Ночь провел хорошо и теперь чувствую себя гораздо свежее. Сейчас поедем с Александром Васильевичем осматривать музей³. Мы 7-го числа уезжаем на Каспийское море, в Баку и на Божий промысел, там пробуду недолго и опять возвращусь в Тифлис, где и останусь недели на две.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Юлия Васильевна Бахметьева (в 1-м браке Шателен) — первая жена А. В. Бахметьева.

² Александр Михайлович кн. Дундуков-Корсаков (1820—1893) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа с 1882 по 1890 г.

³ Кавказский краевой музей, которым заведовал Г. И. Радде (1831—1903) — зоолог, путешественник.

145

Тифлис. 7 октября 1883 г.

Милая Маша, в Тифлисе холодно, так что я постоянно выхожу в теплом пальто, хотя все здешние жители ходят в летнем платье. Должно быть здесь люди горячее нас. И, представь себе, ни в одном доме нет

Г. Н. ФЕДОТОВА В РОЛИ
ВАСИЛИСЫ МЕЛЕНТЬЕВОЙ
(«ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА»)

Малый театр, 1880-е гг.

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва

двойных рам. Вчера была хорошая погода, и я ездил осматривать город. Он расположен в котловине, окруженной горами, и лепится по отлогостям гор, по обеим сторонам Куры. Лучшая, европейская часть — южная; улицы идут террасами, одна над другой. Мы живем высоко. Юг загорожен, точно ширмами, Святой горой (Мтацминда), которая висит над Тифлисом почти отвесно, на половине ее лепится, как гнездо ласточки, церковь св. Давида (на высоте 700 фут), где похоронен Грибоедов. На севере тоже тянутся безлесные горы, над которыми в ясную погоду видны ледяные вершины главной цепи и Казбек. Я привезу с собой виды Тифлиса и Кавказа.

Сегодня мы едем на Каспийское море, сначала в Баку, а потом на Божий промысел, на устье Куры. Мы выезжаем в ночь и приедем в Баку завтра к вечеру. Доверенность Василия Васильевича¹ я получил и постараюсь сделать все, что возможно. Вчера я получил и от тебя первое письмо. Пиши чаще.

Я здоров, только одолевает насморк.

Александр Васильевич и Юлия Васильевна тебя кланяются. Из Баку я тебе напишу. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Вчера смотрел ковры, они здесь очень дороги: ковер гораздо меньше моего стоит 40 руб.

¹ В. В. Бахметьев — см. письма 146—148.

Баку. 9 октября 1883 г.

Милая Маша, вчера в 9 часов вечера приехали мы в Баку совершенно благополучно. Дорога от Тифлиса до Баку довольно скучна и однообразна. До самого Каспийского моря мы ехали возвышенной, голой степью, кой-где обработанной и искусственно орошенной, кой-где покрытой солончаками и лишенной растительности. Степь почти не заселена по причине свирепствующих тут лихорадок. По бокам дороги, то удаляясь, то приближаясь, тянется с левой стороны снеговая цепь кавказских гор; а с правой тоже снеговая цепь Карабахских гор, или малый Кавказ. Баку стоит на самом берегу моря. Как нас встретили и поместили я напишу тебе завтра, а теперь тороплюсь на почту. Сейчас отправимся хлопотать по делу Василия Васильевича. Погода здесь теплая. У нас на террасе стоят громадные олеандры все в цвету; под окнами, в саду оливы, винные ягоды, фисташки и проч. Я здоров, только немного устал и одолел насморк.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Баку. 11 октября 1883 г.

Милая Маша, вчера я получил твое второе письмо и очень обрадовался. Я заехал очень далеко, на самую границу Персии, потому и письма идут очень долго. Баку совсем азиатский город, на улицах русского слова не услышишь, да и русский костюм увидишь редко. Здесь главное население татарское.

Баку завоеван недавно, в начале нынешнего столетия и несколько обрусел с тех пор, как открылись нефтяные промыслы. Здесь только три русских церкви (в губернском-то городе), зато много мечетей. Место, где добывается нефть, — на горе, за городом, куда проложена особая железная дорога. Описывать нефтяные промыслы, керосиновые заводы в письме невозможно, — это такое богатство, о котором, пока его не видишь, нельзя составить и понятия. Постройка одного завода Нобеля¹ стоит несколько миллионов. Я опишу тебе только наш въезд в Баку и ночную поездку в море на морские огни. Мы приехали на станцию железной дороги в 8 часов вечера, нас встретили все власти. Так как Баку богат осветительным материалом, то весь эффект в освещении. Путь от станции до города освещен очень оригинальным образом: на близком расстоянии друг от друга воткнуты палки, на которых в жестяных коробках горит нефть; по этому пути несутся несколько колясок, окруженных казаками, у которых в руках такие же палки с горящей нефтью. Вчера мы обедали у губернатора²; после обеда, когда совершенно стемнело, мы поехали на небольшом паровом катере в море. Мы выехали на то место в море (как рулевой нашел его в потемках, неизвестно), где со дна из земли выходит газ и является на поверхности воды в виде пузырей; с катера кинули зажженную тряпку и море загорелось. В прозрачном светло-зеленом море от газовых пузырьков игра, как в зельтерской воде; когда газ загорится, то представляется, будто огонь выходит из воды. Мы входили в самую серединку огня, и наш катер был обят на несколько мгновений пламенем. Такого явления не увидишь нигде на всем земном шаре, кроме Баку. Возвращение тоже имеет свою прелесть: идешь по морю, среди глубоких потемок к ярко освещенному городу. Здесь теперь погода, как у нас в начале июня, мы пьем чай поутру на террасе, у самого моря,

нас разделяет только небольшой сад. В саду: оливы, гранаты, винные ягоды, фиашки и много других деревьев и кустов, некоторые еще в цвету.

Скажи Василию Васильевичу, что его должника еще нет в Баку, но что нами приняты все меры, чтобы получить с него все, что можно. Через день уезжает в Москву Башкиров, доверенный Кокорева³ и хозяин того дома, где мы живем. Он заедет к тебе и расскажет о нашем пребывании в Баку все подробно. Он, кажется, сошелся с Александром Васильевичем насчет производства соды, это дело может их обогатить. Не забудь только в разговоре с Башкировым, что Александра Васильевича зовут все на Кавказе Александром Павловичем. Башкирова зовут Вениамином Александровичем. Брат твой не покидает меня, бывает с нами везде, и Михаил Николаевич обращается с ним очень ласково.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Людвиг Эммануилович *Нобель* (1831—1888) — известный нефтепромышленник.

² Огюст Казимирович бар. *Гибш фон Гросталь* — генерал-майор, губернатор Баку.

³ Василий Александрович *Кокорев* (1817—1889) — откупщик, миллионер.

Тифлис. 14 октября 1883 г.

Милая Маша, сегодня мы с Александром Васильевичем вернулись из Баку в Тифлис. Я сделал великолепную поездку, очень полезную для моего здоровья. На берегу моря, у самой воды я провел несколько летних дней. Солнце здесь высоко и печет сильно, но жар умеряется прохладным морским ветерком. Баку покорен только <в> 1805 году, там чистая Азия и ничто не напоминает Европу. Я осматривал дворец шаха, который хорошо сохранился. Он строгой персидско-татарской архитектуры, бродишь по его галереям, переходам и плоским крышам, и перед тобой оживают сказки из «Тысяча и одной ночи».

Должника Василия Васильевича еще нет в Баку, вероятно, его не выпускают из Нижнего. Мы собрали о нем справки. Он уж третий год бросил торговлю красным товаром и занимается нефтяным промыслом. Он женился на вдове, имеющей деньги, ей и ее детям принадлежит дом и заводы нефтяной и бондарный, а у него ничего нет. Мы виделись с ней: она говорит, что с мужа взять нечего, — но что она за него заплатит понемногу. Она бойкая русская баба и за словом в карман не полезет. Спроси у Василия Васильевича, как поступить с этим делом.

Мне в Баку знакомы все чиновные лица, начиная с губернатора, и для меня сделают все, что можно.

В Тифлисе, кроме русского театра, два драматических общества: грузинское и армянское. Грузинские князья устраивают для меня 16-го числа спектакль, пойдет «Доходное место» на грузинском языке. Потом дадут мне обед¹.

Здоровье мое хорошо.

Целую тебя и детей!

Твой А. Островский

Александр Васильевич и Юлия Васильевна тебе кланяются. Жить у них мне хорошо и покойно.

¹ Чествование Островского грузинской драматической труппой состоялось 20 октября — см. письмо 151.

149

Тифлис. 18 октября 1883 г.

Милая Маша, передаст тебе это письмо Вениамин Александрович Башкиров, о котором я уже писал тебе. Если хочешь знать подробно нашу жизнь за Кавказом, так он тебе расскажет.

Нового у нас ничего нет, что будет — так напишу. Прекрасная погода, окна и галереи постоянно открыты, сегодня только свежий ветерок с с(еверо)-в(остока).

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

150

Тифлис. 20 октября 1883 г.

Милая Маша, вчера возвратясь из Мухрани, я получил твое письмо со вложением письма Потехина¹. Что-то оно уж очень сладко. Я ему отвечал сегодня², что «Воеводу» вышлю по приезде в Москву. Они успеют поставить пьесу к рождеству; а раньше и не нужно. После поездки в Баку я несколько дней отдохнул в Тифлисе и чувствую себя очень хорошо.

Теперь опишу тебе нашу вчерашнюю поездку в Мухрань (в Карталинии, Душетского уезда) к князю Багратиону Мухранскому³. Мы поехали в 8 ч. утра с экстренным поездом в большом обществе: кроме чиновников и разных лиц, окружающих брата, с нами были грузины и армяне. До станции Ксанки (3-я станция от Тифлиса) ехали по железной дороге; оттуда в колясках, окруженные конной милицией (чапарами). Картина живописная: уездный начальник и пристав, красивые грузины, верхом на отличных лошадях, чапары в черкесках с винтовками за плечами и впереди Александр Петрович Молчанов⁴ на буланом коне в бурке и башлыке, — и все это несется по горам. Сначала мы перевалили через горы, потом ехали по долине, густо населенной и покрытой виноградниками и садами. У крыльца своего еще недостроенного дома (в восточном вкусе) встретил нас хозяин князь Багратион Мухранский. Это старый николаевский генерал, седой грузин 74-х лет, совершенно бодрый и свежий, в генеральском мундире с георгиевским крестом на шее; он показал нам свое виноделие, винокуренный и бондарный заводы и свои громадные подвалы, в которых тысяч на двести рублей вина, потом угостил нас роскошным завтраком, и мы отправились в Тифлис в том же порядке, как приехали. Сегодня я обедаю у Михаила Николаевича, он пригласил и Александра Васильевича. Послезавтра Михаил Николаевич отправляется в Батум; а я с Александром Васильевичем завтра, чтобы приехать заранее и встретить брата.

Башкиров отправился в Москву через Батум и Одессу и явится к тебе, вероятно, вслед за этим письмом; пожалуйста, прими его хорошенько и не забудь, что Александра Васильевича все зовут на Кавказе Александром Павловичем.

Целую тебя и детей!

Твой А. Островский

Из Батума напишу.

Сегодня грузины дают в честь меня спектакль с разными оvationми. В следующем письме я тебе опишу подробно все, что произойдет.

¹ Речь идет о письме Потехина к Островскому 10 октября 1883 г., в котором тот просит скорее выслать переделанный текст «Воеводы» для постановки в Александринском театре в бенефис В. Н. Давыдова («Неизданные письма», стр. 476—477).

² Письмо Островского к Потехину 20 октября 1883 г. неизвестно.

³ Иван Константинович кн. *Багратион-Мухранский* — генерал-лейтенант, крупный грузинский землевладелец.

⁴ Александр Петрович *Молчанов* — чиновник особых поручений при министре государственных имуществ, сопровождал М. Н. Островского в поездке на Кавказ.

151

Батум. 22 октября 1883 г.

Милая Маша, вчера в 11½ часов вечера я приехал в Батум. Мы с Александром Васильевичем нарочно поехали одним днем раньше, чтобы приготовить все к приезду брата Михаила Николаевича. О живописной дороге от Тифлиса до Батума и о самом Батуме, который для меня настоящий рай, я напишу тебе в следующем письме; а теперь опишу тебе спектакль, который давали для меня грузины в Тифлисе, в театре в караван-сараях Арцруни. Вход и лестница в караван-сарай были иллюминированы; против входа, в самом караван-сараях, был поставлен убранный зеленью и цветами транспарант с моим вензелем. На лестнице я был встречен предводителем дворянства Магаловым¹. У входа на улице, на лестнице и по галереям караван-сарая, по которым надо было проходить до театра, стояла несметная толпа народа. Когда я вошел, галереи осветились бенгальскими огнями, и грузинские музыканты заиграли на дудках и барабанах что-то вроде марша. Для меня была приготовлена средняя ложа, она была убрана зеленью, которая гирляндами спускалась донизу. При моем входе в ложу поднялся занавес, грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене; режиссер труппы прочел, обратясь ко мне, приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, грузинский поэт Цагарели² прочитал свое стихотворение на грузинском языке; затем под аккомпанемент театрального оркестра труппа запела по-грузински многолетие; вся публика встала и обратилась к моей ложе; многолетие, по требованию, было повторено. Я, разумеется, раскланивался и благодарил публику и артистов. В ложе со мной сидели: Михаил Николаевич со своей свитой и предводитель Магалов, который служил нам переводчиком. Вначале шло «Доходное место» 2-й акт, на грузинском языке. Роли Фелисаты Герасимовны, Полины и Юсова были исполнены очень хорошо³. По окончании опять овации и рукоплескания, так что я устал раскланиваться. В антракте представители труппы принесли в ложу адрес, которым читался со сцены, и лавровый венок от грузинских артистов. Потом шли две небольшие пьесы, из которых одна чисто бытовая из грузинской крестьянской жизни: изображалось что-то вроде сговора или рукобитья с грузинской музыкой, песнями, плясками и всеми обрядами. Очень интересное представление. В заключение, вместо дивертисмента, грузин и грузинка танцевали лезгинку. При выходе моем из театра были также овации, что и при входе.

Сегодня я проснулся в Батуме здоровый и веселый; воздух так мягок и хорош для моей груди, что я дышу не надыхусь. Виды такие приятные, что никакая Италия с ними не сравнится. Теперь уж не пиши больше в Тифлис, я тебя извещу, куда надо писать. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Луарсаб Александрович *Магалов* — уездный предводитель дворянства в Тифлисе.

² Авксентий Антонович *Цагарели* (1857—1902) — грузинский драматург. Его первую драму «Иные нынче времена» (1878) видел Островский, будучи в Тифлисе.

³ В речи на вечере после спектакля Островский сказал артистам, что они «прекрасно разыграли пьесу», составленную не из их нравов, он «от души» благодарил «за честь и хорошую игру» (XII, 186).

152

Батум. 25 октября 1883 г.

Милая Маша, сегодня мы выезжаем из Батума в Тифлис. Маршрут наш изменился, брат не поедет в Кахетию, и мы уезжаем обратно раньше, чем предполагали. По новому расписанию мы предполагаем быть в Москве 4 ноября, т. е. в пятницу. Впрочем, все это может измениться; я напишу тебе наверное о дне нашего отъезда из Тифлиса и из Харькова пришло телеграмму, когда меня ждать и встретить. В Батуме никаких вееров, кроме самых дешевых, нет, теперь нет привозу, потому что на зиму они здесь не требуются. В Батуме я чувствую себя хорошо, я хожу много и так мне легко дышится, как будто десять лет свалилось с моих плеч. Это рай.

На это письмо ты мне отвечай в Харьков с оставлением на почте и отвечай сейчас же, а то письмо меня не застанет. Каково-то будет возвращение; а до сих пор поездка сделала мне огромную пользу. Между здешними жителями, мингрельцами, имеретинцами, гурийцами и аджарцами мы на каждом шагу встречаем таких красавцев, что просто загляденье, и костюм очень живописен. Следующее письмо пришло тебе из Тифлиса и уж больше писать не буду.

Целую тебя и детей. Скоро увидимся.

Твой А. Островский

Мы живем в гостинице у Александра Васильевича, все здешнее начальство: губернатор Смекалов¹, вице-губернатор — князь Еристов², начальник порта, адмирал Греев³ у нас с утра до ночи, завтракают и обедают вместе с нами и всюду нас сопровождают.

¹ Алексей Михайлович *Смекалов* — генерал-майор, военный губернатор Батумской области.

² Николай Бидзинович кн. *Еристов* — полковник, помощник военного губернатора Батумской области.

³ Александр Иванович *Греев* — контр-адмирал, командир Батумского порта.

153

Тифлис. 27 октября 1883 г.

Милая Маша, это письмо последнее; послезавтра, т. е. в субботу, 29 числа, мы выезжаем из Тифлиса.

Из Батума мы приехали благополучно. О батумской дороге и вчерашнем спектакле, который давал для меня тифлисский кружок¹, я расскажу по приезде.

Из Харькова я пришло телеграмму.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ В местном клубе в честь Островского любительским театрално-драматическим кружком на русском языке была исполнена пьеса «Не в свои сани не садись». За ужином Островский произнес небольшую речь (см. XII, 187).

154

Петербург. 17 декабря 1883 г.

Милая Маша, до Петербурга я доехал хорошо. Хотя вчера и чувствовал утомление, но это оттого, что не успел отдохнуть с дороги и сейчас поехал в дирекцию и цензуру. Директору я высказал все, что было на

душе, и сказал ему, что желаю иметь верное обеспечение. Он видимо сознает, что против меня поступали несправедливо, — это хоть тем хорошо, что он не будет мешать мне в моих хлопотах. А хлопотать я буду не через него, а гораздо прямее, и принимаюсь за это сегодня же. Весьма важно то, что брат мне сочувствует и обещает поддержку. Я не уеду из Петербурга, пока не устрою чего-нибудь прочного для себя¹.

Салтыкову пьесу я послал²; он сегодня приглашает меня к себе. Я сейчас еду к нему и к Суворину³.

У меня нет последних листов моей рукописи пьесы. Как они освободятся, так вышлю.

Я вчера после обеда был дома, отдыхал, ночь спал хорошо и теперь чувствую себя свежим.

Обо всем буду уведомлять тебя постоянно.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Скорее всего, речь идет о хлопотах Островского о назначении ему пенсии. См. прим. к письму 159.

² 16 декабря 1883 г., тотчас же по приезде в Петербург, Островский послал Салтыкову рукопись пьесы «Без вины виноватые» для «Отечественных записок». Салтыков уведомил о получении пьесы, о немедленной ее сдаче в набор и пригласил Островского приехать к себе («Неизданные письма», стр. 533). 17 декабря Островский посетил Салтыкова (см. письмо 155).

³ См. письма 155, 162, 167, 170, 175.

155

Петербург. 18 декабря 1883 г.

Милая Маша, вчера я уже послал тебе письмо, когда кондуктор принес мне экземпляр моей пьесы и мои последние листки¹. Вчера моя пьеса единогласно одобрена в Театрально-литературном комитете, а завтра выйдет из цензуры²; значит, это дело кончено. Вчера я был у Салтыкова, деньги за пьесу он пришлет в понедельник вечером, а я вышлю тебе во вторник. Был я и у Суворина, он обещал для переговоров об издании моих сочинений зайти ко мне³, потому что у него толковать было неудобно. Вчера у нас обедали: Филиппов, Феокистов, Архипов⁴ и Петров⁵, с которым я проговорил весь вечер. Будь покойна, положение мое улучшится и заслуги мои будут признаны. Петров человек в высшей степени честный, благородный и пользуется полным доверием министра. Он может поднять и устроить запущенное театральное управление. Дай-то бог! пора. Буду уведомлять тебя обо всех своих делах.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Пьеса «Без вины виноватые».

² 16 декабря 1883 г. Островский отправил второй экземпляр рукописи «Без вины виноватые» Потехину, который тотчас же отослал его в драматическую цензуру. 17 декабря пьеса «до просмотра цензурного» была прочитана в Театрально-литературном комитете и «единогласно одобрена» (см. письма Потехина 16—18 декабря 1883 г. — «Неизданные письма», стр. 477—479). 18 декабря пьеса была разрешена драматической цензурой к представлению.

³ См. письмо Островского к А. С. Суворину 20 декабря 1883 г. (XVI, 92), а также письмо 175.

⁴ Иван Павлович Архипов — камергер, член Совета министра государственных имуществ.

⁵ Николай Степанович Петров (1838—1913) — видный чиновник контроля Министерства императорского двора, с 1884 г. — главный контролер; имел большое влияние на дела дирекции императорских театров. Будучи в дружеских отношениях с М. Н. Островским, содействовал назначению Островского заведующим репертуарной частью московских императорских театров.

Петербург. 20 декабря 1883 г.

Милая Маша, сегодня я послал тебе деньги 700 руб., а письмо посылаю отдельно, чтобы ты его получила в среду, а если бы я послал его с деньгами, так ты получила бы его в четверг. Пьеса в цензуре одобрена безусловно. При чтении в комитете театральном, она произвела огромное впечатление и так ошарашила, что у некоторых даже отшибло память. Григорович прибежал в неистовом восторге, и теперь пьеса загрела по Петербургу¹. Я хлопочу по своим делам с утра и к обеду так умиаюсь, что весь вечер лежу. Дела идут хорошо, лучше чем я мог воображать. Я тебе говорил, что «коли бог не попустит, так свинья не съест». Милые дружки Потехин и Крылов пересолили, и все их ухищрения послужили мне в пользу. Они ликовали, не воображая того, что ноябрьский репертуар их погубит²; а мне доставит полное торжество. Потехина мне даже жаль, так он упал во мнении артистов и начальства. Сегодня я ожидаю очень важных известий и завтра напишу тебе. Завтра вечером я читаю пьесу дома, будет Гончаров, Петров и еще кой-кто³. Успокойся, дела наши на отличной дороге.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Пьеса «Без вины виноватые», прочитанная в Театрально-литературном комитете, председателем которого был Григорович.

² В ноябре в Александринском театре шли легковесные пьесы, среди которых были переводы и переделки В. Крылова (см. П. Гнедич. Хроника русских драматических спектаклей на императорской петербургской сцене 1881—1890 годов. — «Сборник историко-театральной секции», т. I, ст. 6, стр. 22).

Островский критиковал репертуар, насаждаемый в театрах начальником драматических трупп Потехиным.

³ Чтение пьесы «Без вины виноватые» состоялось 22 декабря 1883 г. на квартире М. Н. Островского.

Петербург. 21 декабря 1883 г.

Милая Маша, кажется, участь моя устроится именно так, как тебе хотелось¹; а может быть и лучше. И мы с тобой тогда благословим судьбу. Когда увидимся, так все тебе расскажу, и радости тебе будет много.

Я забыл тебе сказать, что Адамову² не заплачено за переписку переводной пьесы Сервантеса³; надо ему еще дать 1 р. 50 к.

Чтение у нас завтра, т. е. в четверг, выезжаю я в пятницу с почтовым поездом и в Москве буду в субботу. Приезжай встретить меня в карете или в больших санях, если погода будет хороша.

Не говори никому о том, что я пишу тебе; не нужно, чтоб в театре болтали.

Здесь пьеса пойдет в бенефис Давыдова⁴, он будет играть Шмагу и в совершеннейшем восторге.

Это письмо последнее.

Целую детей и тебя крепко, крепко.

Твой А. Островский

¹ Вероятно, речь идет о начальной стадии переговоров по вопросу привлечения Островского к управлению московскими императорскими театрами, что дало бы его семье верное материальное обеспечение.

² Михаил Андреевич Адамов (Адамович, р. 1847) — артист балета (1869—1882); с 1881 г. переписчик пьес и ролей в Малом театре и артист его (1888—1898).

³ Речь идет о переводе Островским интермедии Сервантеса «Судья по бракоразводным делам», опубликованной в журнале «Изящная литература», 1883, № 12.

ДОМ-МУЗЕЙ А. Н. ОСТРОВСКОГО В ЩЕЛЫКОВЕ

Фотография, 1970 г.

Дом-музей А. Н. Островского, Щельково

⁴ Владимир Николаевич *Давыдов* (Иван Николаевич Горелов, 1849—1925) — артист Александринского театра в 1880—1924 гг. (в 1886—1888 гг. играл в театре Корша в Москве), с 1924 г. — артист Малого театра. Большое место в творчестве Давыдова занимала драматургия Островского, в произведениях которого он сыграл свыше 80 ролей. Островский высоко ценил талант Давыдова и сам поручал ему роли в своих пьесах. Давыдов был выдающимся театральным педагогом, преподавал в Петербургском театральном училище.

Пьеса «Без вины виноватые» впервые шла в Александринском театре 20 января 1884 г. в бенефис Давыдова.

158

Петербург. 4 марта 1884 г.

Милая Маша, я доехал благополучно и совершенно покойно. В вагоне мы ехали только вдвоем: я, М. Садовский и Ольга Осиповна¹. Завтра буду писать подробно все, что узнаю. Целую всех.

Твой А. Островский

¹ Ольга Осиповна *Садовская* (рожд. Лазарева; 1849—1919) — актриса Малого театра (1881—1919), жена М. П. Садовского, исполнительница многих ролей в пьесах Островского. В 1911 г. ей было присвоено звание заслуженной артистки императорских театров.

Петербург. 5 марта 1884 г.
8 часов утра

Милая Маша, вчера брат посылал телеграмму Рихтеру¹ с вопросом, не могу ли я представиться сегодня, т. е. в понедельник: в понедельник же и брат ездит с докладом. Вечером пришла ответная телеграмма, что представление назначено сегодня, в понедельник, в 12 часов. Сейчас мы уезжаем в Гатчину².

Целую тебя, детей.

Твой А. Островский

Подробности завтра.

¹ Павел Карлович Рихтер (1835—1885) — чиновник, причисленный к «кабинету его императорского величества».

² Речь идет о представлении Александру III в связи с назначением Островскому пенсии.

С конца 1869 г. драматург безуспешно хлопотал о пенсии. В 1871 г., в связи с приближающимся 25-летием литературной деятельности Островского, директор императорских театров С. А. Геденов вошел с ходатайством к министру императорского двора А. В. Адлербергу о назначении ему материального обеспечения (6000 руб. в год; сумма, равная годовому содержанию второстепенного артиста императорского театра). Адлерберг выразил неудовольствие уже самим фактом представления к пенсии лица, законом не предусмотренного (драматург на государственной службе не состоял). В 1882 г., по окончании работы Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства, в которой Островский принимал самое деятельное участие, его очередная просьба о пенсии была отклонена. И только 28 января 1884 г., благодаря помощи М. Н. Островского и влиятельным придворным связям Н. С. Петрова, главного контролера Министерства императорского двора, Островскому была назначена пожизненная пенсия (3000 руб. в год) в половинном размере против ожидаемой. Островский был огорчен и даже оскорблен тем, что в получении пенсии основную роль играли не его заслуги перед русским театром, а заступничество брата и связи Петрова.

Уступая настойчивым просьбам брата, драматург вынужден был приехать в Петербург, чтобы лично благодарить императора и министра императорского двора за «оказанную милость».

Петербург. 6 марта 1884 г.

Милая Маша, мои дела в Петербурге пока идут необыкновенно удачно и счастливо; другие дожидаются аудиенции по неделе и больше; а я получил ее на другой день по приезде, и что было особенно удобно для меня: я ездил вместе с братом, он меня и провел и показал мне все. О подробностях тебе передаст Горбунов.

В воскресенье я весь день отдыхал дома, вчера ездил в Гатчину; а сегодня поеду в контроль Министерства двора, попрошу выдать мне поскорее деньги, увижу Николая Степановича Петрова и переговорю с ним о театре. От брата я узнал, что граф Сальяс действительно назначен в Москву, но не самостоятельным директором, а будет подчинен петербургской дирекции; об этом пока помолчи. О Кудрявцевой¹ буду говорить сегодня же и заранее могу тебе сказать, что просьба моя об ней будет уважена, — брат ручается. Завтра напишу обо всем, что узнаю нового. Целую вас всех.

Твой А. Островский

В воскресенье и понедельник погода была мокрая, сегодня тепло и ясно. Пишите, какая погода в Москве.

¹ Кудрявцева — воспитанница Московского театрального училища, затем актриса Малого театра (в течение 17 лет); была уволена без пенсии. Островский хлопотал о назначении ей пенсии (см. «Ученические спектакли в императорском театре в Москве». — XII, 268 и письмо 170).

161

Петербург. 7 марта 1884 г.

Милая Маша, вчера я собирался в контроль к Петрову, куда он приезжает в 3 часа; а между тем он сам приехал к нам завтракать. За завтраком обо всем говорить было нельзя, для этого я еду к нему сегодня. Мы успели переговорить только о главном и вот, что я тебе скажу: Н. С. Петров — человек умнейший и в высшей степени справедливый и беспристрастный, он никого обидеть не даст и всякую справедливую просьбу удовлетворит. Скажу тебе еще по секрету: Сальяс вовсе не будет директором в Москве, он получил другое назначение. Об этом молчи.

Вчера у меня были: Садовский с Ольгой Осиповной¹, Никулина и Ленский, а вечером мы были у А. И. Шуберт². Здоровье мое порядочно, только я очень устаю; поутру съездишь куда-нибудь, и вечером весь точно разбитый. Я работаю очень много, почти не разгибаясь сижу над запиской³; ложусь поздно, а встаю в 6 часов. Суворин в Петербурге, и я у него буду сегодня. Вейнберг⁴ прячется, но я его разыщу.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ О. О. Садовская.

² Об Александре Ивановне Шуберт — см. стр. 408 настоящ. кн.

³ Записка «По поводу проекта правил о премиях императорских театров за драматические произведения», которую Островский закончил 20 июля 1884 г. (XII, 198—245).

⁴ П. И. Вейнберг должен был Островскому 200 руб. за перевод интермедии Сервантеса «Бдительный страж», напечатанный в журнале «Изящная литература», 1884, № 4 (см. «Неизданные письма», стр. 53—55; XVI, 108—109; письма 163, 167, 169).

162

Петербург. 8 марта 1884 г.

Милая Маша, твои письма нисколько меня не успокаивают. Ты пишешь, что тебе «точно стало лучше», значит, ничего не лучше. Спроси у доктора о своем положении и напиши мне подробно.

Вчера я был у Суворина¹, он нездоров и еще сам не знает, поедет за границу или нет. Завтра он будет у меня, и я узнаю окончательно, покупает он у меня сочинения или нет и на каких условиях.

Был вчера и у Петрова, разговор был большой; передам тебе его в Москве; а пока скажу, что все хорошо и что надо благодарить бога. Сегодня Петров у нас обедает, и я еще с ним поговорю. Нынче у нас будет обедать Гурко². Вчера весь вечер и часть ночи сидел над запиской.

Поздравляю милую Любу с днем рождения. Скажи, чтобы она написала мне и Николю заставь.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Договор с Сувориным на издание 4-го собрания сочинений не был заключен.

² Иосиф Владимирович Гурко (1828—1901) — варшавский генерал-губернатор.

163

Петербург. 9 марта 1884 г.

Милая Маша, у меня вчера был Вейнберг, деньги он отдаст; вчера же я получил из конторы ассигновку, — денег приходится 1740 руб.

Вчера я проводил в Москву наших московских артистов¹; они тебе расскажут о моем житье и здоровье. Дела мои в этот приезд идут как-то особенно удачно и счастливо. Твое последнее письмо несколько успокоило

меня. Посылай скорей Музиля в Петербург. Бурдину я пишу просто «в Курск», без означения улицы и дома. Я работаю много и мне необходимо кончить записку, от этого много зависит. Подробнее буду писать завтра, теперь тороплюсь ехать в кассу.

Благодарю Любу и Николая за письма и целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ М. П. и О. О. Садовские, Н. А. Никулина, А. П. Ленский.

164

Петербург. 10 марта 1884 г.

Милая Маша, пишу тебе наскоро, работы по горло; писал почти всю ночь и вот теперь пишу не разгибаясь с 6-ти часов утра¹. Работу мне прислали, и мои труды не пропадут даром². Не беспокойся сама и не беспокой меня напоминаниями, чтобы я сделал что-нибудь прочное для себя; я делаю и сделаю все, что могу, я убиваю свою жизнь в хлопотах о семействе, для меня самого уж теперь ничего не нужно. Я все сделаю, что можно, а чего не сделаю, так значит никаким образом нельзя этого сделать. Я готов умереть здесь в работе и хлопотах, только бы вас обеспечить. Когда найду свободное время, напишу тебе подробно.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 3 к письму 161; также, по-видимому, речь идет о работе, связанной с реорганизацией императорских театров.

² Вероятнее всего, Островскому были присланы записки «О положении драматического искусства в России в настоящее время» и «О театральных школах», поданные им в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства в 1881—1882 гг.

165

Петербург. 11 марта 1884 г.

Милая Маша, из твоего последнего письма я вижу, что тебе действительно лучше, и я теперь на этот счет стал гораздо покойнее, только, пожалуйста, берегись. Настоящая моя поездка в Петербург необыкновенно счастлива¹, надо этим пользоваться; в другой раз такого случая не дождешься. Мне нужно побыть здесь еще с неделю; поэтому еще раз прошу тебя, берегись; а то мне нужно будет бросить все и ехать в Москву. Твое известие о садовнике² очень расстроило и меня. Надо, во что бы то ни стало, достать хоть огородника хорошего; без огорода для меня деревня ничего не стоит. Притом же в конце июня к нам в Щелыково непременно приедет брат Михаил Николаевич на возвратном пути с Урала. Он поедет через Нижний и оттуда заедет к нам на несколько дней. Виноват не исправник, а Сидор Михайлович, пусть он и поправляет дело, как знает, но чтоб садовник был непременно. Скажи Кашперову³, что с Всеволожским я переговорю об его опере.

Пожалуйста, берегись и будь покойна; у меня все дела хороши и радостны. Чего еще желать от бога! И роптать нам великий грех. Я достиг и всеобщего уважения, и почета, и довольства; мне бы жить да радоваться; только ты меня огорчаешь. Ты знаешь, как горячо я люблю тебя и детей, ты знаешь, что я совсем забываю о себе и живу и работаю только для вас, и за все это я прошу только покоя, только покоя.

Целую вас всех крепко.

Твой А. Островский

Брат тебе кланяется и целует детей.

¹ По-видимому, речь идет о привлечении Островского к управлению московскими императорскими театрами в качестве самостоятельного директора театрального училища (см. письма Островского к М. Н. Островскому 9—11 сентября 1884 г. и Ф. А. Бурдину 22 августа 1885 г. — XVI, 117—118, 180—191).

² Феофан *Сметанин* — садовник в Щелыкове; из-за недоразумения с С. М. Бандыком в 1884 г. покинул Щелыково.

³ О постановке на сцене Большого театра оперы В. Н. Кашперова «Тарас Бульба» — см. письмо 174.

166

Петербург. 12 марта 1884 г.

Милая Маша, твое письмо очень обрадовало меня; слава богу, садовник нашелся¹; а то я было уж очень испугался. Теперь необходимо, чтобы он поскорей написал, какие ему нужны огородные семена; список цветочным семенам я тебе пришлю немедленно.

А какая мне здесь тоска, кабы ты знала! Вчера брата не было дома, и я весь день сидел один; пустота и тишина страшная. Поработаешь, поработаешь, да примешься ходить из угла в угол. Выехать некуда, да и не тянет, погода отвратительная: туман, дождик и слякоть. Так бы и полетел в Москву, да нельзя бросить работу; надо ковать железо, пока горячо. Эту работу² уже не скроют, она попадет прямо в руки министру. Об этом мы поговорим в Москве. Я вчера поздно лег, а нынче рано встал и теперь сижу работаю.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ А. И. *Федоров* — садовник в Щелыкове с 1884 г.

² Имеется в виду «Записка по поводу проекта правил о награждении императорских театров за драматические произведения».

167

Петербург. 13 марта 1884 г.

Милая Маша, писать не о чем; сижу и работаю и жду Суворина, который все хвораёт. Погода скверная. Вчера приехали в Петербург Греков¹ и Живокини. Брат пригласил Митю² обедать сегодня; что-то он будет рассказывать в Москве! Дня через два придет Воронцов-Дашков; я непременно явлюсь к нему и буду говорить о многом. Вейнберг повертелся и опять скрылся.

Я пишу Любе и Коле: оторви следующую страницу и раздели им. Как идут ваши хлопоты о Саше³, напиши мне.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Иван Николаевич *Греков* (Ильин; 1849—1919) — артист Малого театра (1879—1891; 1901—1909), театра Корша (1895—1900), затем артист и антрепренер провинциальных театров.

² Д. В. *Живокини*.

³ Речь идет об определении А. А. Островского в 1-ю роту Екатеринбургского полка, в которую он и был зачислен с помощью В. Н. Кашперова в марте 1884 г.

168

Петербург. 14 марта 1884 г.

Милая Маша, писать решительно не о чем; один день идет, как другой: работаю и скучаю. Вчера только развлекся с Живокини; он у нас обедал, потом я его свозил в цирк Чинизелли. Он видел мою жизнь и расскажет тебе подробно.

Будь здорова. Целую вас всех.

Твой А. Островский

Петербург. 15 марта 1884 г.

Милая Маша, еще одна удача: Гончаров решился, наконец, подписать постановление судей о выдаче мне премии за пьесу «Красавец-мужчина»¹, — вот, значит 400 рублей наши. Это очень приятно. Теперь по-немножку все улаживается, и я тороплюсь кончить работу, чтобы поскорее ехать в Москву; ужасно соскучился. Как кажется, на этот раз я все дела свои обделаю очень успешно. Феоктистов сделал распоряжение, чтобы пропустили мой перевод «Мандрагоры»² — это отлично; я уж никак не надеялся и думать об этом перестал. Значит, труд не пропал, этот перевод принесет, по крайней мере, тысячу рублей. Вейнберг обещал принести деньги, да опять скрывается; но я его настигну.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Пьеса «Красавец-мужчина», впервые поставленная в Москве на сцене Малого театра 26 декабря 1882 г., а в Петербурге в Александринском театре 6 января 1883 г., была встречена резкими нападками критики. Драматурга обвиняли в безразличности, натурализме, неправдоподобности жизненных ситуаций. Когда встал вопрос о присуждении ежегодной Грибоедовской премии, учрежденной Обществом русских драматических писателей за лучшую пьесу года, члены жюри Григорович и Пыпин предложили перенести присуждение премии на 1884 г., так как не сочли возможным премировать пьесы 1883 г. Однако лучшей пьесой сезона ими была признана комедия «Красавец-мужчина». Островский как председатель Общества русских драматических писателей в письме к Григоровичу 29 января 1884 г. объяснил, что переносить присуждение премии нельзя, так как «это будет против утвержденных правительством правил» (XVI, 99). Этот вопрос Григоровичем и Пыпиным был пересмотрен и решен в пользу комедии «Красавец-мужчина» (см. об этом подробнее «Неизданные письма», стр. 86—88, 487—488). Но третий член жюри — Гончаров — долго отказывался от «лестной обязанности» быть судьей по присуждению Грибоедовских премий по болезни (там же, стр. 71—80).

² Пьеса Никколо *Макьяелли* (1469—1527), итальянского писателя, историка и политического деятеля эпохи Возрождения.

Петербург. 16 марта 1884 г.

Милая Маша, я вчера получил от тебя два письма, что сначала меня несколько испугало. Отвечаю на оба. Обильный пот хороший ли признак? Ты и так слаба, а пот еще ослабляет; надо об этом поговорить с доктором. Деньги Невежина отправлены в Москву давно, чуть ли не на масленице. Суворину теперь не до изданий, его Михельсон¹ вызвал на дуэль, и чем дело кончится неизвестно. Несколько повредила мне Кехрибарджи², которая объявила, что будет печатать 10 т(ысяч) моих сочинений, об этом есть публикация. Но ты будь покойна, это дело уладится. Бумаги для Саши³ я успею написать и в Москве. Список семян посылаю. Вместо георгиин посею на это лето новые георгины, — не махровые, но кустовые, очень декоративные. Твое желание будет исполнено. Брат вызывает к себе генерала Регеля⁴, начальника ботанического сада, лучшего садовода во всей России; он достанет для тебя все, что ты желаешь. Ты пишешь: «побалуй меня». Да разве я когда-нибудь отказывал тебе, я для тебя ничего не жалею, ты это знаешь. Вчера был у меня директор Всеволожский, — он обещал, что Кудрявцева непременно получит 300 руб. пенсии, что с Сильваном⁵ будет заключен контракт, Анета Живокини⁶ будет принята, об этом уж написано Пчельникову⁷. Директор мил и любезен до последней степени; ты этому не удивляйся — это так и должно быть. Пока прощай, тороплюсь.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

[Посылаю на твое имя письмо Кашперову⁸, перешли ему.

*Своему другу
Аполлону Николаевичу
Майкову
от автора*

СОЧИНЕНИЯ

А. ОСТРОВСКОГО.

СОЧИНЕНИЯ А. ОСТРОВСКОГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ИЗДАНО САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪМЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОММЕРЦІИ И РЕКЛАМЫ, НА ТИШОВОЙ, 12.

1859.

А. ОСТРОВСКИЙ. СОЧИНЕНИЯ, т. I (СПб., 1859) с ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
А. Н. МАЙКОВУ:

«Любезнейшему другу Аполлону Николаевичу Майкову от автора»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

¹ Мориц Ильич *Михельсон* (1825—1908) — педагог, собиратель и толкователь русской фразеологии, гласный С.-Петербургской городской думы; см. письмо 172.

² *Кехрибарджи* — вдова книгоиздателя П. Е. Кехрибарджи.

³ См. письма 167 и 173.

⁴ Эдуард Людвигович *Регель* (1815—1892) — ученый-садовод, доктор философии, директор Ботанического сада в Петербурге.

⁵ Сильвен *Бьенсено* — художник-парикмахер.

⁶ Анна Дмитриевна *Живокини* — актриса Малого театра, дочь Д. В. Живокини.

⁷ Павел Михайлович *Пчельников* (1851—1913) — управляющий конторой московских императорских театров (1882—1885).

⁸ Это письмо Островского неизвестно.

171

Петербург. 17 марта 1884 г.

Милая Маша, пребывание мое в Петербурге идет к концу; работу, которая мне поручена, я кончаю, а записка моя не к спеху¹, ее можно кончить и в Москве; остается только побывать у Воронцова-Дашкова, он уж приехал. Сегодня с утра буду разъезжать с визитами; петербургская жизнь мне становится тяжела; я очень устаю. Мне готовился обед² очень лестный для меня; но я себя устранил по нездоровью, он отложен до другого моего приезда в Петербург.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Имеется в виду работа над проектом «Правил о премиях». Проект был выработан Театрально-литературным комитетом и прислан на рассмотрение Островскому, как председателю Общества русских драматических писателей. Тщательно, статью за статьей разбирает драматург в этом проекте. Результатом его работы явилась записка «Проект «Правил о премиях» дирекции императорских театров за драматические произведения» (XII, 188—197), которую он и закончил до отъезда из Петербурга. 17 апреля 1884 г. он писал Н. С. Петрову: «Разбор «Правил о премиях» я, уезжая из Петербурга, оставил брату для передачи вам...» (XVI, 110). Записку же «По поводу проекта правил о премиях императорских театров за драматические произведения» Островский закончил позднее (20 июля 1884 г.).

² Петербургское отделение Общества драматических писателей хотело чествовать Островского обедом.

172

Петербург. 18 марта 1884 г.

Милая Маша, я теперь работаю усиленно, чтобы поскорей кончить дела и воротиться в Москву. Работа у меня не трудная, но голова очень устала; иногда целый вечер бьешься чуть не до слез над таким вздором, который в другой раз сообразил бы в полчаса. Да еще много мешают, особенно по утрам, разные лица, которые являются по делам Общества¹. Я думаю, что отделаюсь в половине этой недели; впрочем, не знаю, — меня могут и задержать дела, от которых мне уклоняться и бегать не следует. Министерство² убедилось, что все мои слова, сказанные в Комиссии³, подтвердились, и потому считает меня человеком нужным. Уж потружусь, зато после хорошо будет, да, может быть, и пользу принесу театру.

История с дуэлью Суворина оказалась вздором: какой-то шутник послал Суворину вызов от имени Михельсона; Суворин написал самый грубый ответ и послал его Михельсону. Тот, получив письмо от Суворина, так и опалел. Наконец, дело объяснилось; Михельсон и не думал вызывать Суворина. Теперь смех идет по всему Петербургу, что Суворину, разумеется, не очень приятно.

Нынче не велел никого принимать и весь день проработаю с утра до ночи.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Общество русских драматических писателей, председателем которого Островский был со дня его организации (21 октября 1874 г.).

² Министерство императорского двора.

³ См. прим. к письму 84.

173

Петербург. 19 марта 1884 г.

Милая Маша, писать решительно не о чем; на каком месте вчера сидел, писал тебе письмо, на том же сижу и теперь, только вставал с кресла пообедать да спать.

Вчера ты мне писала, что подождешь хлопотать о Саше¹ до моего приезда, а ночью прислала телеграмму, чтоб я скорее высылал бумаги, — значит дело у вас улаживается. При бумагах я посылаю марки, сами можете наклеить: а не наклеил потому, что если бумаги не так написаны, так зачем же маркам пропадать.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

Сейчас у меня был знаменитый Регель, он тебе вышлет земляники и клубники целые сотни кустов, 8 кустов крыжовника, 12 лучших георгинов, и все это даром, только за провоз заплатить.

¹ О делах А. А. Островского — см. прим. к письму 167.

174

Петербург. 20 марта 1884 г.

Милая Маша, вчера я получил письмо от Кашперова. Скажи ему, что просьба его о рассмотрении оперы в Москве, и я буду всеми силами хлопотать о том у Всеволожского. Вчера была у меня Стрепетова, она без слез не может говорить о тебе. Она говорит, что такого участия, какое она видела от тебя в Крыму, она всю жизнь не видала ни от кого. Работа подходит к концу, и к воскресенью надеюсь быть в Москве.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

175

Петербург. 21 марта 1884 г.

Милая Маша, работа подвигается к концу, но если б я чего и не успел доделать, я все-таки в субботу выеду в Москву. Что сделано, сдам Петрову, а чего не доделаю здесь, то вышлю из Москвы. С Сувориным я так или иначе кончу относительно издания сочинений и относительно печатания «Мандрагоры»¹. Теперь мне эти последние дни здесь, как в котле кипеть; зато уж отдохну в Москве. Вчера приехал Музиль с насморком, который подхватил на дороге. Он мне передал, что ты была больна лихорадкой, а ты от меня это скрыла. Вчера у меня был Писарев, его, кажется, обманывают. Каждое утро у меня толчется разный народ и очень мешают мне заниматься.

Я тебя утешу, я был в ванне и вымылся очень хорошо; голову и бороду мне мыл Дементий² по новой методе, какими-то спиртами и щетками и очень хорошо.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о переговорах Островского с Сувориным об отдельном издании перевода пьесы Н. Макиавелли «Мандрагора», которая в это время проходила цензуру. 23 марта 1884 г. Островский писал Суворину: «Мне обещают пропустить перевод «Мандрагоры», хочется напечатать ее поэтичнее, как того заслуживает имя автора» (XVI, 106). Издание это не состоялось.

² Дементий — слуга М. Н. Островского.

176

Петербург. 22 марта 1884 г.

Милая Маша, я дорабатываю и тороплюсь всеми силами, чтобы в субботу выехать; мне это необходимо, чтобы успеть в воскресенье в Комитет, иначе мы не успеем сделать общее собрание¹. Сделай милость, пошли сейчас же прилагаемую записку Кашперову². Будь здорова!

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Речь идет о заседании Комитета и об общем собрании членов Общества русских драматических писателей.

² Записка Островского к В. Н. Кашперову неизвестна.

177

Петербург. 23 марта 1884 г.

Милая Маша, я приеду в Москву в воскресенье с почтовым поездом, пришли кого-нибудь встретить меня. Если почему-нибудь я не выеду или выеду с другим поездом, пришлю телеграмму. Сейчас еду к Ворон-

цову-Дашкову откланяться. Был я у Канаева¹ насчет детских книг; он говорит, что не стоит их возить из Петербурга, что в Москве у Мамонтовой те же самые. Вчера я был у Петрова, а сегодня он у нас обедает.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Александр Николаевич Канаев (1844—1907) — драматург, педагог, кандидат естественных наук, основатель мастерской учебных пособий в Петербурге.

Щельково. 22 августа 1884 г.

Милая Маша, я и дети здоровы, но Юлия Александровна¹ поскользнулась и ушибла себе ногу: ушибла-то она не больно, но подле коленки, а это опасно. Сейчас заезжал почтмейстер; он был в Костроме и видел Сашу. Саша ему сказал, что желал бы приехать в Щельково, да боится проситься; тогда Василий Иванович² пошел к полковнику; но его не нашел, а встретил полкового адъютанта, тот обещал, что Сашу отпустят в среду до 27 числа. Я сегодня послал за ним телегу парой; но думаю, что он не приедет. Я получил на твое имя письмо от Прасковьи Николаевны³. Она пишет, что поссорилась с Людмилой Филатовной⁴ из-за полотна и уехала от нее. Она наняла где-то одну комнату. Она желает поступить в экономки в Москве и просит тебя рекомендовать ее кому-нибудь. Она просит тебя написать ей, долго ли мы пробудем в деревне и не нужно ли тебе, чтобы она приехала к нам помочь тебе по хозяйству. Это уж твое дело, ты поступай, как хочешь; я в это не вмешиваюсь. Отвечай ей из Москвы, а то долго будет ей ждать, и она, пожалуй, подумает, что ей отвечать не хотят. У нас дождливая погода мешает работать, только нынче обошлось без дождя. Я все работаю⁵.

Целую тебя.

Твой А. Островский

¹ Юлия Александровна — гувернантка детей Островского.

² Фамилию установить не удалось.

³ П. Н. Мейшен.

⁴ Фамилию установить не удалось.

⁵ Вероятнее всего, в это время Островский писал «Автобиографическую заметку», которую закончил 28 августа 1884 г.

Щельково. 24 августа 1884 г.

Милая Маша, что казначей¹ наврал, это сердце мое чувствовало. В четверг с почтой мы твоего письма не получили, от этого случилось со мной некоторое происшествие; но сегодня я, слава богу, здоров. Овес понемногу жнут, баб по шести. Рожь всю вывозили. Сидор Михайлович разрывается на части. У Юлии Александровны нога прошла. Я посылал подводу за Сашей, но он не приехал; и так как не получил от тебя вчера с почтой письма, то посылал нынче верхом работника, он и привез мне оба твои письма. Завтра опять посылаю верхового с этим письмом. Я сижу и работаю. Дети тебя целуют и я тоже. Все кланяются.

Твой А. Островский

Привези Люке башмаки.

¹ Иван Самойлович Горовой — казначей кассы Министерства императорского двора в Москве.

180

Петербург. 25 октября 1884 г.

Милая Маша, я доехал очень покойно и спал дорогой хорошо. Вчера посылал в Контору, чтобы приготовили талон; но выдадут не ранее понедельника, так как остается всего два дня, четверг и пятница, а в субботу касса закрыта. Не ездил никуда, отдыхал и приводил в порядок свои бумаги. Сегодня поеду к Стасюлевичу¹ после завтрака, у нас сегодня обедает Н. С. Петров. Оказывается, что он писал мне два письма, но они не дошли. Для Давыдовых² сделано все, что только желать можно. Завтра же напишу тебе обо всем, что сегодня узнаю от Петрова.

Михаил Николаевич тебе кланяется. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Я в Петербурге чувствую себя лучше, чем в Москве.

¹ Островский пользовался советами Стасюлевича относительно 4-го издания своих сочинений (см. письма 181, 183, 185, 187).

² Н. И. и Н. Н. Давыдовы — см. прим. к письму 20.

181

Петербург. 26 октября 1884 г.

Милая Маша, теперь и я покоен и ты можешь быть покойна; мои дела по театру так хороши, как я даже и не ожидал. И это не слова, а дело, к которому я скоро и приступлю¹.

Стасюлевича я вчера мог видеть только 10 минут, он торопился в думу. Сегодня он придет ко мне в 5 часов и сделает полный расчет, чего будет стоить издание моих сочинений и сколько я должен взять за них; он разочтет это копейка в копейку. Следующее письмо пришлю в понедельник.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ В этот приезд в Петербург Островскому было официально предложено взять на себя управление московскими императорскими театрами. С 1 января 1886 г. он вступил в должность начальника репертуара.

182

Петербург. 28 октября 1884 г.

Милая Маша, теперь для меня самая трудная пора; идут переговоры о продаже сочинений, и я постоянно нахожусь между страхом и надеждой. Ты сама знаешь, как это для нас важно и, в случае успеха, какое настанет для нас с тобой спокойствие и благополучие, поэтому мне нельзя не волноваться. Но я надежды не теряю и употребляю всю свою энергию.

Завтра дело более выяснится, и во вторник я тебе напишу подробнее о моих переговорах и моих надеждах.

От тебя получил письмо, и то короткое, только вчера; а я ждал в пятницу, и это меня расстроило немного. Скажи, чтоб Николая и Люба писали.

Я сижу безвыходно дома, у нас льет проливной дождь.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Петербург. 30 октября 1884 г.

Милая Маша, деньги из Конторы я получу сегодня; но послать сегодня не успею, пошлю завтра, 31-го числа. Ты получишь повестку 1 ноября в четверг, а деньги получишь 2-го в пятницу. Вчера были переговоры о продаже сочинений; дело подвигается вперед значительно. Мне непременно хочется продать так, как ты желала, т. е. получить сейчас же 5 т. рублей. Вот отчего я и бьюсь как рыба об лед, и ни минуты покоя не знаю. Теперь уж можно почти наверное сказать, что я этого достигну. Если у нас будет в руках такая сумма, так мы будем покойны; а будем покойны, так будем и здоровы. Продать в рассрочку можно сию минуту; но это наших дел не поправит; вот почему я бьюсь, чтобы иметь в руках деньги, и добьюсь, ты не беспокойся. Ты спрашиваешь, как быть с долгами; это будет зависеть от продажи сочинений: если я успею продать до срока, то расплатимся; если же не успею, то Майков¹ подождет, Минорский подождет, билеты надо перезаложить, а вещи надо выкупить, — для этого перехвати у кого-нибудь на месяц. Дело о продаже идет у меня порядком и хорошо, под руководством Стасюлевича, который принимает во мне большое участие; в таком деле медлить не надо, да и торопиться нехорошо, можно потерять тысячу или две; а это, при такой куче детей, непростительно. О театре я писать всего не могу; вот главное, но держи это в строгой тайне. Все новые правила и уставы, которые были введены после нашей Комиссии, — были только временные, на три года, для опыта. Теперь они признаны непригодными и будут пересматриваться вновь, — в этом приму главное участие я. Труды даром не пропадут, я поступаю на службу в Министерство двора, и скоро ты меня увидишь в мундире. Московские порядки признаны убыточными, а управление по телефону невозможным; все это существует только до конца сезона, т. е. до февраля. Московский театр *совсем* отделяется от петербургского².

Пока довольно с тебя.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Аполлон Александрович Майков (1826—1902) — ученый-славист, переводчик, видный деятель Общества русских драматических писателей. С 1877 по 1885 г. был чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, а с 1886 по 1889 г. — директором московских императорских театров.

² См. об этом подробнее: «Соображения по поводу устройства в Москве театра, не зависящего от петербургской дирекции и самостоятельного управления» (XII, 285—292).

Петербург. 31 октября 1884 г.

Милая Маша, я с Петербурга получил денег больше, чем ожидал, 1441 руб.; это только за весну и осень. А в прошлом году я получил до рождества от святой 700 р., — а прежде и за целый год получал не больше этого. Посылаю тебе 1200 р.; остальные 241 р. мне выданы мелкими бумажками и пересылать их неудобно. Если тебе нужно, я разменяю на крупные и пришлю. Купи Маше какой-нибудь подарок. Любе и Коле я привезу книжек. Следующее письмо ты получишь в субботу; тогда, вероятно, могу сообщить тебе что-нибудь более определенное. Кашель меня замучил, спать не дает, доводит до слез. Стал пить обер-зальц-брук с молоком, может быть легче будет.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

К. А. ВАРЛАМОВ В РОЛИ ЦАРЯ
БЕРЕНДЕЯ
(«СНЕГУРОЧКА»)
Александринский театр, 1900 г.
Фотография с автографом артиста
Центральный театральный музей
Москва

185

Петербург. 2 ноября 1884 г.

Милая Маша, дело о продаже моих сочинений идет к концу. Я имею много предложений; но покупателей затрудняла выдача сейчас же 5000 руб.; теперь и на это двое согласны. Сегодня поеду к Стасюлевичу за советом, какое предложение принять. Как дело будет решено, немедленно тебя уведомлю. Ты желаешь знать о театре¹ и о школе²; но, **милая** моя, нельзя же всего писать; я тебе могу только вот что: все настоящие порядки и *все управление* утверждены были министром на два года, в виде опыта. Опыт показал, что все порядки нехороши и убыточны (дефициту 2½ миллиона в год); поэтому надо их изменить, и всего лучше возвратиться к старому, причем поручить ведение дела в Москве людям опытным и знающим и любящим театр. Ты спрашиваешь, будет ли школа; будет все, что мы, т. е. я и высшее начальство, признаем нужным и полезным. Зачисление меня на службу состоится, когда приедет министр³. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Только, пожалуйста, никому и ни о чем ни слова.

Милые Люба и Коля,
благодарю вас за ваши письма.

Приеду я через недельку, а когда именно, уведомлю вас.

Целую вас.

Ваш папа А. Островский

¹ Имеется в виду отделение московских императорских театров от петербургских.

² Речь идет о драматическом отделении при Театральном училище императорских театров, закрытом в 1871 г. С начала 80-х годов Островский настойчиво добивался его восстановления. 24 января 1882 г. он подал в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства записку «О театральных школах» (XII, 162—174), к которой была приложена «Программа приготовительной школы» (см. «Дополнительная записка о театральных школах» — XII, 175—179).

В 1886 г., являясь начальником репертуара московских императорских театров, Островский вновь возвращается к вопросу о создании театральной школы в записке «О театральном училище» (там же, стр. 301—305), так как по-прежнему глубоко убежден, «что без школы нет артистов, а без артистов нет и театров» (XII, 249). Об этом см. статью А. И. Ревякина во второй кн. (стр. 51—70) и публикацию документов (стр. 71—99).

³ И. И. Воронцов-Дашков.

186

Петербург. 4 ноября 1884 г.

Милая Маша, тревожно и печально началась для меня в этом году осень; зато теперь так весело и радостно, как давно уж не бывало. Сочинения я продал, вчера я кончил с Мартыновым¹ и кончил именно так, как мне хотелось. Но я все-таки совершенно успокоюсь только тогда, когда деньги будут у меня в руках; хотя в этом сомневаться нечего; потому что Мартынов-то боится, чтоб я не передумал или не продал кому-нибудь другому, и вчера совал мне в руки задаток. Это одно, теперь другое.

Сколько я страданий перенес о театре. Я пять лет только о нем думаю и чуть с ума не сошел: писал записки о частном театре², писал проекты для императорского театра³, заседал в Комиссии⁴, исписал горы бумаги; и все-таки меня никто не слушал, искусство падало да падало, трагились даром миллионы, и театр уходил от меня все дальше и дальше. И вдруг у меня театр, мой театр, совсем мой, и я в нем полный хозяин, ни от кого не зависимый, кроме министра⁵, разумеется. И опять я совершенно успокоюсь только тогда, когда дело будет подписано и утверждено; но уж этого ждать недолго.

Так как дела мои приходят к концу, то я думаю выехать на другой день именин брата⁶, т. е. в пятницу. Впрочем, я тогда уведомлю.

Теперь ты видишь, что дела наши хороши; дай бог, чтоб все это совершилось хорошо, успешно и без всякой помехи. Будь здорова и покойна, а о театре помалчивай.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Михаил Николаевич намекал, что ты ему что-то обещала.

Прасковья Николаевна Вишнякова⁷ безнадежно больна, у нее рак. Маша⁸ все плачет.

¹ Николай Гаврилович Мартынов (1843—1916) — книгоиздатель. В 1885 г. выпустил 4-е издание сочинений Островского в восьми томах, а в 1886 г. — 2-е издание его «Драматических переводов» в двух томах (см. об этом письма 187, 188, 205—208, 210, 211).

² Имеется в виду «Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время» и «Проект устава товарищества по созданию «Русского театра в Москве»» (XII, 110—127, 183—185).

³ Проект «Правил о премиях императорских театров за драматические произведения» и записка по поводу проекта этих правил (XII, 188—245).

⁴ См. прим. к письму 84.

⁵ И. И. Воронцов-Дашков.

⁶ Именины М. Н. Островского были 8 ноября.

⁷ П. Н. Мейшен.

⁸ М. С. Островская.

187

Петербург. 6 ноября 1884 г.

Милая Маша, теперь мои дела приходят к концу; вчера условие отдано нотариусу для переписки на гербовой бумаге и для записки в книгу. Я боюсь только, что Мартынов задержит меня деньгами. Он и рад, что купил издание, и боится его упустить; а деньжонок-то, кажется, у него не хватает; вот он и вертится, как бес перед заутреней. Вчера он спрашивал, не могу ли я остаться в Петербурге еще недели на две; но я ему сказал, что далее субботы я не останусь, что без денег условия не подпишу, и что если он до субботы денег не доставит, то я продам издание другому. На это он ответил, что все жилы вытянет, но денег достанет.

Я не выхожу из кабинета и, кроме Стасюлевича, нигде решительно не был.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

188

Петербург. 8 ноября 1884 г.

Милая Маша, вчера я получил от тебя письмо, в котором ты пишешь о своем крайне болезненном состоянии. Это письмо поразило меня и встревожило очень. Уж коли ты сама пишешь, что очень больна, значит, тебе плохо; впрочем, спасибо за то, что хоть не скрываешь. Я сейчас же велел укладываться, чтобы собраться с вечера, а сегодня ехать в Москву. Но вдруг является Мартынов, приносит проект условия и 5000 р. денег. И радость и горе: радость та, что деньги, от которых зависит все наше спокойствие, теперь у нас в руках, наконец; а горе то, что я сейчас же не могу ехать в Москву и должен два дня страдать; потому что заключение контракта нотариальным порядком, т. е. переписка контракта и копии с него на гербовой бумаге и записка его в маклерскую книгу, не может ранее кончиться, как в пятницу к вечеру. Таким образом, я могу выехать только в субботу. А что я в эти дни перестрадаю и перечувствую и что буду чувствовать дорогой! А я, было, мечтал, что возвращусь с торжеством; будем пить шампанское и Николай будет «ура» кричать. Ты пишешь, что тогда будешь покойнее, когда я себя буду хорошо чувствовать. Да я себя хорошо чувствовал, пока не получил известия, что ты очень больна; я никогда во всю свою жизнь не был так счастлив, как теперь; ты это видела из моих писем. Нас больше всего тяготили долги, ты даже хотела занять где-нибудь в одних руках; я поехал в Петербург и, признаюсь тебе, не очень надеялся, что мне кто-нибудь даст не только 5, а даже 3 тысячи чистыми деньгами, — и вдруг нашелся человек, который сейчас дал 5 тысяч, да еще по условию заплатит около 8 тысяч. Я целые годы сидел, согнувшись над столом, писал сначала о частном театре, — он мне не удался, — потом три года писал об императорском театре — и там неудачи; и вдруг я делаюсь полным хозяином лучшего в России театра, могу не работать, отдыхать и покойно, в полном довольстве доживать свою труженическую жизнь!

Нет, милая Маша, я только тогда буду здоров и покоен, когда ты будешь здорова и покойна. А ты вот больна — это горе, да еще расстраиваешься по пустякам — это другое. Ну, что за беда, что Сидор Михайлович купил землю? Он давно об этом со мной советовался. У него было 800 руб. жениного приданого в банке, да своих рублей 200. Вот он и купил землю. Что он ворует лес, — это вздор; его не любят и на него давно уж доказали. Сегодня у нас обедает Петров, я с ним прощусь и

получу от него инструкции. Министра мне дожидаться незачем. Стрепетова было поправилась, а теперь опять больна. Я все-таки напишу ей пьесу в 2-х актах¹. Я выезжаю в субботу, в воскресенье пришли Мишу встретить меня. Завтра еще напишу тебе. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Выкупила ли ты вещи?

¹ Речь идет о пьесе «Не от мира сего», первое представление которой состоялось в бенефис Стрепетовой в Петербурге 9 января 1885 г.; в Москве — в бенефис Г. Н. Федотовой 16 января 1885 г.

189

Петербург. 9 ноября 1884 г.

Милая Маша, вчерашнее письмо твое меня очень обрадовало, и я был счастлив весь день. Я и ночь спал покойно и в Москву поеду весело и без тревоги. Судя по твоему письму, которое я получил третьего дня, я думал, что ты слегла в постель, и вдруг вчера получаю от тебя известие, что вы все здоровы. У нас вчера обедали все знакомые, Третий Иванович¹, Феокистов, Архипов², Григорович, был и Петров, который относился ко мне необыкновенно нежно. Горбунов разливал уху. Было очень весело, вечером мы играли в карты. Сегодня я оканчиваю все дела и завтра отправляюсь в Москву. В воскресенье пришли меня встретить в карете, сама не езди, если тебе нездоровится.

Все ли ты обделала по залогоу билетов и вещей? Теперь деньги у нас есть, и мы будем чисты.

Я уж писал Минорскому, что отсрочивать векселя не надо и что я привезу деньги. Я очень рад, что мы, наконец, разočтемся с Майковым; ему вместо процентов надо сделать хороший подарок.

У нас вот уж третий день зима и морозы до 7°, а снегу еще немного, но уж ездят на санях.

Я купил себе все, что нужно: фуфайки, шапку и галстуки.

До скорого свиданья! Целую крепко тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Т. И. Филиппов.

² И. П. Архипов.

190

Щелыково, 21 августа 1885 г.

Милая Маша, мы все здоровы. Овес сегодня дожали. Новостей у нас нет никаких. В доме тишина, дети ходят за грибами, а я сижу и работаю. Поклонись всем, кого увидишь. Все целуем тебя.

Твой А. Островский

191

Щелыково. 24 августа 1885 г.

Милая Маша, мы все здоровы по-прежнему, и писать больше нечего. У нас время идет так однообразно, что если б я не работал с утра до ночи, то можно бы умереть со скуки. Погода у нас была суровая, а <с> четверга с вечера началось ненастье с сильным северным ветром; в доме холодно; как мы ни топим, но сейчас же все выдувает ветром, рамы очень плохи, так ветер по комнатам и ходит.

У меня сегодня в 6 часов утра было удушье, хотя не очень тяжкое, но продолжалось целый час, измучило.

По случаю ненастья все работы остановились, решительно ничего делать нельзя. Сегодня с 6-ти часов вечера разгуливается. Дети сидят дома и скучают, только Саша иногда выходит побродить по грязи, неизвестно зачем. Мы все тебя целуем.

Твой А. Островский

192

Петербург. 4 ноября 1885 г.

Милая Маша, я доехал совершенно благополучно и покойно; ехал всю дорогу один.

По словам брата, дело наше в хорошем положении, ждут только приезда министра. Н. С. Петров так занят, что у него весь день разделен по часам; я поеду к нему сегодня, кроме того, он будет у нас обедать в четверг и пятницу. В среду я напишу тебе, о чем мы будем говорить сегодня, а в субботу напишу обо всем подробно, так как в четверг и пятницу мы успеем переговорить уж решительно обо всем. Маша вас всех целует, она у нас хозяйничает и ухаживает за мной отлично. Она живет в тех же комнатах, где жили вы. Она в декабре поедет в Харьков и заедет к нам. Боль в желудке у меня дорогой прошла совершенно, я теперь чувствую себя хорошо и ем все без отягощения. Напиши мне, как вы провели время в собрании врачей. Погода здесь сегодня хорошая, ясная с небольшим морозом, а вчера был дождь весь день.

Пиши мне постоянно о своем здоровье и здоровье детей. Брат и Маша благодарят тебя за карточки. Александр Петрович¹ тебе кланяется; он приезжал меня встречать.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ А. П. Молчанов.

193

Петербург. 6 ноября 1885 г.

Милая Маша, здоровье мое совершенно поправилось, я хорошо ем и сплю. Я был у Н. С. Петрова, но так как он мог уделить мне не более получаса, то я решился переговорить с ним о том, что не терпит отлагательства, т. е. о «Воеводе» и о Гельцере¹; об остальном поговорим в четверг и пятницу; он у нас в эти дни обедает, и тогда уж мы переговорим обо всем подробно. Разумеется, я спросил его и о главном деле; он отвечал, что ждет министра, который приедет 15-го числа. Сомнений нет никаких и ничто помешать не может; все уж готово. О декорациях для «Макбета» и о Гельцере Николай Степанович ничего не знал, все это его очень удивило. Гельцера перевести в Петербург он *не дозволит*. Обо всем об этом ты не говори никому; только пошли сказать Гельцеру, чтобы он немедленно приступал к работе и чтобы рисунки присылал ко мне в Петербург.

Теперь жди моего письма в воскресенье; я тебе подробно напишу все, о чем мы говорили с Николаем Степановичем и как и когда наше дело должно кончиться.

Я работаю так же, как и в Москве, т. е. с утра до ночи, только здесь спокойнее, никто не развлекает. Если увидишь Музиля, то скажи ему,

чтобы высылали скорее через контору в цензуру пьесу Садовского² и чтобы в бумаге упомянули и о «Воеводе»³.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Имеется в виду вторая редакция пьесы «Воевода», разрешенная цензурой к представлению 23 ноября 1885 г. и впервые поставленная на сцене Малого театра 19 января 1886 г. в бенефис К. Н. Рыбакова. Постановкой пьесы руководил сам автор.

Анатолий Федорович Гельцер (1852—1918)—художник московских императорских театров, должен был писать эскизы декораций этой постановки. <8 ноября 1885 г.> М. П. Садовский писал Островскому: «Погожев <...> сообщил, что Гельцер вызан в Петербург писать для «Воеводы» декорации» («Дневники и письма», стр. 188); на это драматург отвечал: «Гельцера в Петербург не выпишут, зимовать ему здесь нечего, потому что я «Воеводу» в Петербурге ставить и не помышлял. Скажите Рыбакову, чтобы он это передал Погожеву» (XVI, 209). См. еще письма 195, 197, 198, 200, 201.

² Речь идет о пьесе Садовского «Дума-потемки» — см. подробнее переписку Островского с Садовским («Дневники и письма», стр. 187—191).

³ Садовский <8 ноября 1885 г.> сообщал драматургу: «Московская контора не нашла возможным упомянуть о «Воеводе» в той бумаге, в которой писано о моих сценах» («Дневники и письма», стр. 188).

194

Петербург. 8 ноября 1885 г.

Милая Маша, от переменной погоды у меня в среду разболелись зубы, а вчера сделался небольшой флюс, но боль прошла; в остальном здоровье мое хорошо.

Вчера обедал у нас Н. С. Петров; мы говорили много о разных театральных петербургских <делах>; он очень сожалеет о болезни Майкова. После обеда я спросил его: «Когда же решится судьба московского театра?» На это он мне ответил: «Да уж дело назрело; но об этом нужно говорить много и серьезно. Я приеду к вам в субботу в 8 часов, и мы протолкуем весь вечер». Значит, милая Маша, в субботу судьба московского театра будет решена. В воскресенье утром я тебе обо всем напишу, а в понедельник ты уже будешь иметь точные известия. У нас сегодня ни парадного обеда, ни вечера не будет¹; брат поедет к великому князю Михаилу Николаевичу; а обед и вечер отлагаются до воскресенья. От Садовского я получил и письмо² и телеграмму, что пьеса его выслана, но здесь еще не получали.

Целую вас всех, Маша тоже.

Твой А. Островский

¹ Парадный обед и вечер по случаю именин М. Н. Островского.

² См. прим. к предыдущему письму.

195

Петербург. 10 ноября 1885 г.

Милая Маша, теперь ты можешь совершенно успокоиться. Вчера у меня был Николай Степанович¹ и мы с ним проговорили с 8 до 11 часов вечера. Дело кончено. Если А. А. Майков поправился и может немедленно приехать в Петербург, то не более, как в неделю все было бы решено и подписано. Министр приезжает в Петербург в среду. Николай Степанович просил меня написать Майкову, чтобы он сейчас же, если может, приехал в Петербург частным образом, т. е. как *будто по своим делам*. Здесь нам нужно будет некоторое время совещаться втроем, чтобы ознакомить Майкова со всеми подробностями; потом представим

Майкова министру, который уж сам снесется с кн. Долгоруковым. Таким образом, Майков будет освобожден от неприятного объяснения с начальством. Дело решено *в сущности* так, как я предполагал, есть небольшая разница в мелочах, очень неважных, например, в названии должностей: Майков будет называться не директором, а управляющим московскими императорскими театрами (ему будет поручена только хозяйственная часть); для меня название еще не придумано (мне будет поручена художественная часть, самостоятельно). Все это, милая Маша, держи в совершенной тайне. Если будут спрашивать, отвечай, что ничего не знаешь; но что поездкой своей я очень доволен. Майкову я сегодня написал². Все мои просьбы за Кондратьева³, Француза⁴, Александрова, за участие артистов в Собрании врачей и пр. разрешены; так что все будут довольны. И об этом помолчи, скажи только Музилу, чтобы от конторы поскорей представили о награждении Александрова за 25-тилетнюю службу не к бенефису, а к денежной награде, и это сейчас же будет исполнено.

Больше писать некогда. Сегодня опять увижу Николая Степановича, он обедает у нас, и завтра тебе еще напишу кой о чем. Целую вас всех.

Твой А. Островский

Чтобы Гельцер непременно писал декорации к «Воеводе», — *это угодно начальству*.

¹ Н. С. Петров.

² Письмо к А. А. Майкову 10 ноября 1885 г. (XVI, 209—210).

³ А. М. Кондратьев.

⁴ С. Бьензено — театральный парикмахер.

Милая Маша, как я тебе благодарен за телеграмму; она оживила меня, и у меня опять явилась надежда. Когда я получил твое письмо, которое все наполнено самыми печальными и мрачными известиями, — я не мог дочитать его до конца, со мной сделался сильный припадок удушья. Брат очень испугался. Как только я пришел в себя, я сообщил Н. С. Петрову, что, к несчастью, дело наше состояться не может, так как Майков находится в безнадежном положении. Я стал собираться в Москву и сегодня хотел выехать, я было предполагал вчера же уехать с вечерним поездом, но меня удержали, за что я очень благодарен; потому что если бы я выехал вчера, твоя телеграмма меня не застала бы. Хотя ты и просила, чтобы я не беспокоился, но мы сочли эти слова за простое утешение; сведения, сообщенные тобой, были так страшны, что не оставалось никакого сомнения в безнадежности Майкова. Ты пойми только, каково было мне! Накануне еще все было решено и кончено; если б Майков мог приехать, через неделю мы были бы утверждены и вступили в должность, и вдруг все рушится. Не с моими нервами выносить такие потрясения. Ты помнишь, что со мной бывало в Щелькове, когда я получал неприятные известия, а это известие хуже всех прежних. Притом же и беспокойство о тебе: ты пишешь, что лечишься, значит ты больна, и что ты не спишь ни одной ночи. А это грозит расстройством нерв. Поэтому я и решаюсь пока оставить дело и ехать в Москву и подожду только дальнейших известий о Майкове; да и брат советует мне ехать. Лучше пусть все происходит на моих глазах, чем заглазно мучиться беспокойством о тебе и об Майкове. Вечером у нас был Петров, я ему сообщил твою телеграмму, он очень обрадовался; но, так же, как и я, думает, что дело

придется отложить до января, а, пожалуй, и до конца сезона, если Майков не скоро поправится. Вот и о деньгах ты пишешь, что находишься в безвыходном положении. Да разве ты не могла взять денег авансом, вместо Майкова у Ивана Максимыча, или занять на короткий срок у Минорского, или, наконец, заложить билеты? Что же касается до 200 руб., которые ты непременно хочешь, чтобы я попросил у Михаила Николаевича, то изволь, но только, когда я найду удобный случай; а сейчас мне по многим причинам просить неловко. Сделай одолжение, милая Маша, на это короткое время обойдись как-нибудь, придумай что-нибудь сама; у меня и без того слишком много забот и горя на плечах моих. Приеду в Москву, так все устрою.

Когда выеду, извещу телеграммой.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

О Майкове узнавай и телеграфируй!

197

Петербург. 13 ноября 1885 г.

Милая Маша, твое письмо и телеграмма совершенно успокоили меня. Теперь все зависит от Майкова; если он скоро приедет, так и дело скоро кончится. Я сегодня еще не получил от него письма, мы получаем письма поздно. Если он решается приехать в Петербург, то я буду ждать; чтобы не ездить сюда два раза, — это и дорого и беспокоит. Я человек больной и старый, долго ли простудиться? А мне теперь надо беречь свое здоровье. Н. С. Петрова винить за медленность — грех; он вел, он шаг за шагом, незаметно освобождал московский театр из-под власти директора и подчинял его министерству¹. В то время, как я приехал, директор уж не управлял московским театром, и все бумаги из Москвы шли прямо к Н. С. Петрову; отделение уж совершилось, оставалось только назначить начальство. Яичко было уж облуплено и облуплено для нас с Майковым. Всего этого скоро сделать было нельзя. Честь и слава Николаю Степановичу! Ему много будет обязано русское драматическое искусство, он поднимает и поднимет императорские театры до той высоты, которая им прилична и которой требует достоинство всякого учреждения, носящего титул императорского. Ты очень умно сделала, милая Маша, что посылала телеграммы; я за это тебя хвалю и заочно целую. От твоих телеграмм я стал бодрее и здоровее; а то, было, уж совсем завял. Я постоянно совещаюсь с Николаем Степановичем и все его слова записываю; у нас уж почти все готово, особенно по хозяйственной части. Поскорей бы только приезжал Майков.

Маша вас всех целует. Брат очень рад за меня; он тебе кланяется и целует детей.

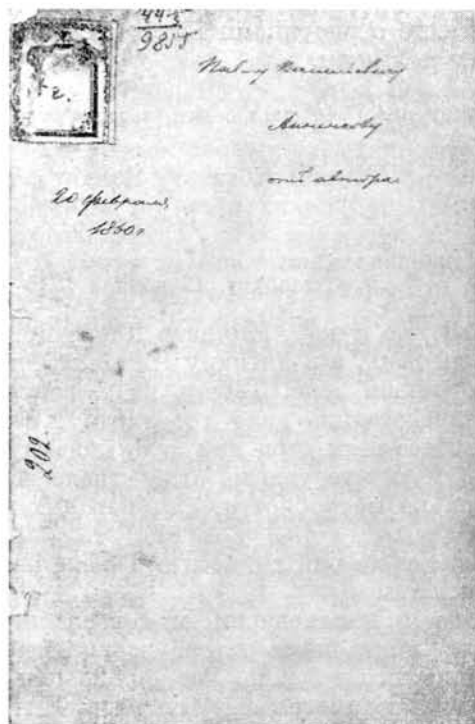
Вчера видел Вейнберга; он обещал принести деньги и 500 оттисков моих переводов Сервантеса². Должно быть надует. Гельцер рисунки пусть присылает ко мне.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Министерство императорского двора.

² Речь идет об оттисках из журнала «Изыскания литературы» переводов интермедий Сервантеса: «Судья по бракоразводным делам» (1883, № 12), «Бдительный страж» (1884, № 1), «Театр чудес» (1884, № 4), «Саламанская пещера» (1885, № 4). См. также прим. 4 к письму 161.

ГРОЗА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «ГРОЗА» (1860) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
П. В. АННЕНКОВУ:

«Павлу Васильевичу Анненкову от автора, 20 февраля 1860 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

198

Петербург. 15 ноября 1885 г.

Милая Маша, 13-го числа я получил письмо от Майкова, которое и прочитал вчера Николаю Степановичу. За болезнью Майкова остановки в деле не будет, утверждение нас в должности может состояться и без него. До совершенного окончания дела я в Москву не поеду. Майков писал мне, что И. М. Кондратьев привез ему 4000 руб.; вот и возьми у него, сколько тебе нужно. Этого и долгом считать нельзя, потому что будет уплачиваться понемногу. Ты бери деньги, благо есть возможность, и, пожалуйста, не беспокойся, как они будут уплачены, — это уж мое дело. А то ты заставляешь меня отделять пьесу Лукина¹ и везти ее Стасюлевичу. Ведь ты не знаешь, есть ли мне время на эту работу. Поверь, что я сложа руки не сижу. Я работаю и день и ночь и не выхожу из дому. Работа у меня спешная и необходимая.

Скажи Бурдину, что я говорил брату о Кузнецове², он очень рад принять его; но Кузнецов у меня не был.

Что ты не заставишь Николая приписывать хоть несколько строк к твоим письмам? Пусть пишет, что хочет. Это было бы для меня большим утешением. О ходе нашего дела я буду тебя извещать. Теперь министр здесь и, кажется, ждать окончания придется недолго; благодаря трудам Николая Степановича все уже подготовлено.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Не можешь ли ты прислать мне вместе с рисунками Гельцера почтовой моей бумаги и конвертов, у меня все вышли.

¹ Григорий Григорьевич *Лукин* — драматург. Речь идет о его пьесе «Чужая душа — дремучий лес».

² А. Р. *Кузнецов* — см. о нем прим. 2 к письму 118.

199

Петербург. 17 ноября 1885 г.

Милая Маша, я здоров, сижу — работаю и жду. Министр Двора приехал в среду, — в четверг был царский день, а в пятницу Николай Степанович уже докладывал министру о нашем деле. Теперь надо ждать, когда гр. Воронцову будет угодно представить дело государю. Хотя отсутствие Майкова и не помешает, но все-таки, при нем дело подвинулось бы гораздо скорее. Впрочем, я думаю, что уже на этой неделе все главное будет окончено, останутся только подробности, для которых и нужно будет присутствие Майкова.

Благодарю детей за приписку; только мало они написали. Ты заставь Любу и Николая большое письмо написать.

О русской опере я говорил с Николаем Степановичем, он совершенно со мной согласен и одобрил мою мысль приглашать петербургских певцов в Москву попеременно. А мне только того и нужно. Говорил я много и о драматической труппе, да и осталось обо многом еще говорить. Я на все, что думаю сделать, заранее испрошу согласие.

Ну, пока довольно; больше писать не о чем.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Брат и Маша тебе кланяются и детей целуют.

200

Петербург. 19 ноября 1885 г.

Милая Маша, писать решительно не о чем. Я совершенно здоров, сижу безвыходно дома и работаю. В субботу был не надолго у Горбунова; видел там Еракова¹, Максимова, Аверкиева и многих петербургских актеров. Как явился Потехин, я сейчас же уехал. Сегодня думаю съездить к Суворину; уж очень засиделся, — голове тяжело. От Гельцера я получил письмо, а рисунков еще не получал. Как получу, так ему отвечу; а ты напиши мне поскорее его адрес и как его зовут, — я забыл. Попроси артистов похлопотать, чтобы поскорее писали декорации к «Воеводе», на днях пьеса выйдет из цензуры. Получил письмо от Майкова²; едва ли он к концу этой недели поправится; а он все так нужен здесь. Хоть бы на один день, хоть бы только показаться приехал. Очень уж скучно здесь жить и дожидаться. Поклонись всем знакомым. Я здесь московского репертура не вижу; идут ли мои пьесы и повторяют ли «Мудреца»? ³ Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Александр Николаевич *Ераков* (1817—1886) — известный русский инженер, душеприказчик и исполнитель завещания Некрасова.

² Письмо А. А. Майкова к Островскому неизвестно.

³ Пьеса «На всякого мудреца довольно простоты».

Петербург. 20 ноября 1885 г.

Милая Маша, вчера я получил от тебя два письма. Гельцер поступил неосторожно, послав рисунки через Контору, теперь их нескоро оттуда выручишь; да еще, пожалуй, придется иметь неприятные разговоры с Погожевым¹. Скажи Гельцеру, чтобы он как можно скорее приступил к работе.

Бумагу ты мне вышли следующим образом: купи фунт табаку и приложи к нему бумагу; запакуй поаккуратнее, чтобы не измялась; бумаги положи малого размера, разной и конвертов тоже небольших. Посылку адресуй: Его высокоблагородию Александру Петровичу Молчанову в Петербург, в дом Министерства государственных имуществ.

О ванне не беспокойся; это уж исполнено.

Писарева я перетащу², я уж получил согласие от Николая Степановича³, только это дело надо вести очень тонко и секретно; а то помешают. Завтра увижу Николая Степановича и узнаю, насколько наше дело продвинулось. В пятницу тебе напишу.

Из письма Майкова видно, что он еще нескоро поправится.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Владимир Петрович Погожев — управляющий конторой С.-Петербургских императорских театров.

² См. письмо 175.

³ Н. С. Петров.

Петербург. 22 ноября 1885 г.

Милая Маша, вчера я видел Николая Степановича и говорил с ним долго. Дело несколько затянулось оттого, что не едет Майков; надо же министру хоть поглядеть на него или, по крайней мере, знать наверное, в каком положении его здоровье и может ли он вступить в должность; да и министр, к несчастью, захворал. У него ревматизм в ногах; впрочем, Николай Степанович говорит, что он скоро оправится. Уже решено, что мы должны вступить в должность с 1 января. Теперь Николай Степанович только ждет положительных известий о здоровье Майкова. Я сегодня написал Майкову¹, чтобы он известил, когда может приехать. По получении известий о Майкове, будет сделан Долгорукову запрос о нашей благонадежности (это уж такая форма, без этого нельзя). Я тогда попрошу И. Макс. Кондратьева, чтобы ответ не задержали. По получении этого ответа, министр доложит государю, и мы будем утверждены в должности. Все это может совершиться в неделю, если я скоро получу благоприятные известия о здоровье Майкова. Николай Степанович просил меня сегодня, если я получу письмо от тебя или от Майкова, сейчас же его уведомить. Я говорил Николаю Степановичу, что хочу принять на службу Бурдина и Кропачева², и он дал на это свое полное согласие. Что ты мне пишешь о Французе! Я и так делаю для него все, что возможно, и даже более; а также и для А. М. Кондратьева.

Если ты плакала о том, что надо заказывать новую челюсть, так, значит, у тебя, моя милая, слезы очень дешевы. Побереги их на что-нибудь поважнее. Стоит ли плакать из пустяков и расстраивать свои нервы, которые и без того очень расстроены? Пусть плачут о пустяках те, у которых глаза на мокром месте и которым слезы не мешают толстеть; а тебе не годится. Спроси у Гельцера, нужно ли высылать рисунки об-

ратно. Что следует исправить, я ему написал. Скажи Кропачеву, что когда придет время, я ему напишу, а больше ничего не говори.

Коле с Любой я пишу особое письмо. Целую вас всех, Маша тоже. Брат тебе кланяется, детей целует.

Твой А. Островский

¹ Письмо к А. А. Майкову 22 ноября 1885 г. (XVI, 211—212).

² Николай Антонович *Кропачев* (1841 — ум. после 1916) — чиновник, долгое время служащий в Петровской сельскохозяйственной академии, малоизвестный драматург, личный секретарь Островского в 1886 г. Написал о нем воспоминания («Островский в воспоминаниях современников», стр. 204—225, 436—488).

203

Петербург. 24 ноября 1885 г.

Милая Маша, я здоров, сижу дома, работаю и скучаю смертельно. Больше писать нечего. На улицах лужи, капель, грязь, туман; так что днем сидим с огнем. Вы все как-то сомневаетесь, делаете разные предположения, ни на чем не основанные, и пишете мне советы, ничего не зная. Я нахожусь здесь в самом центре дела, знаю его до последних подробностей и делаю то, что нужно. Я постараюсь объяснить тебе всю суть. Помнишь ты, была Комиссия для пересмотра всех законоположений по театру и всех театральных уставов; мы работали полгода; труды наши, переделанные и искаженные Потехиным и Погожевым, были представлены министру на утверждение. Министр поступил очень хорошо, он утвердил эти правила временно, только на три года. Теперь этот срок кончился; оказалось, что очень многое, если не все, надо изменить. Московский театр получает новую организацию, и, следовательно, должен будет руководствоваться новыми правилами и, кроме того, для него нужно создать новые штаты. Вот над этой-то работой Николай Степанович и трудился всю осень, и я ему помогал и помогаю, сколько могу. Переделано все: и устав о комитете, и режиссерский устав, и формы контрактов с артистами, и правила об авторском вознаграждении и много другого. При докладе государю об утверждении нас на службу, министр доложит и об утверждении этих новых правил и новых штатов. А для того, чтобы сделать такой доклад, ему надо самому со всем этим хорошенько ознакомиться, так как все делалось в его отсутствие. Вот теперь Николай Степанович постоянно и объясняет министру, как, что и почему изменено; а министр приехал только на прошлой неделе; оттого дело и задержалось несколько. Ты пишешь «разве министр не знал, что Николай Степанович хочет московский театр отделить и назначить новую дирекцию». Как тебе не стыдно! Тебе известно, что министр давно знал об этом и давно благодарил меня за рекомендацию Майкова. Теперь об Майкове. Как же можно докладывать об утверждении в должность больного человека. Ведь министр не знает, когда он выздоровеет и когда может вступить в должность; министр, не видав его, не может даже поручиться, выздоровеет ли он; да и Петров тоже. Вот отчего я и должен сидеть здесь и ждать Майкова. Ты пишешь, что «бояшься, что министр замедлит, что ему очень жаль расставаться с такими людьми». Да почему ты это знаешь? Напротив, они ему давно надоели, он слышать не может равнодушно про московские беспорядки и очень рад поскорее от них отделаться. Майков говорит, что поедет, когда познакомится в Москве с делом. Он прежде должен познакомиться с новыми правилами и вступить в должность; а для этого надо ехать в Петербург. Доктор боится резкого климата петербургского, да в Петербурге климат мягче, у нас теперь тепло и идет дождь. Он про-

сто привык к неподвижности, и я боюсь, что он заставит меня прождать его еще месяц и затянет дело.

Ты пишешь, что Пчельников ничего не подозревает; и прекрасно. Потому и не подозревает, что дело ведется в тайне. Не только Пчельников, и Всеволожский не знает ничего. Он недавно спрашивал у Николая Степановича, правда ли, что в Москву назначается Майков. Николай Степанович отвечал: «Я ничего не знаю, государь назначит того, кого ему будет угодно».

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Гельцеру написал¹.

¹ Письмо Островского Гельцеру неизвестно.

204

Петербург. 26 ноября 1885 г.

Милая Маша, я здоров, сижу работаю и от скуки не знаю, куда деваться. Если прошение жены Александра¹ дойдет до Петербурга, то пособие ей будет разрешено. Денег я тебе как-нибудь достану. «Воевода»² пропущен цензурой, и сегодня пьеса отправлена в контору. Благодарю детей за письма.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Александра — вдова артиста Малого театра Н. А. Александра. Речь идет о назначении ей пособия в связи со смертью мужа.

² См. письмо 193.

205

Петербург. 27 ноября 1885 г.

Милая Маша, в настоящее время просить у Михаила Николаевича денег никак нельзя, а почему, это я тебе объясню при свидании. Мартынов хочет купить у меня 2-е издание моих переводов, о чем идут у меня с ним переговоры¹; торопить его и взять у него задаток, не поторговавшись, значит, продешевить. Зачем же терять 200 или 300 руб.? Это будет очень нерасчетливо. Можно обойтись и без потерь: если хочешь, я получу в Петербургской конторе перспективные деньги и тебе вышлю; или перехвати у Минорского. В январе я получу премию за пьесу «Не от мира сего» 400 руб.² да за перевод Шекспира еще 400 руб.³, вот и разотчемся. Сделай милость, уведоь меня немедленно, как ты об этом думаешь и как мне поступить.

Я здоров. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 1 к письму 186.

² В январе 1886 г. Островский получил Грибоедовскую премию за пьесу «Не от мира сего».

³ Островский, вероятно, предполагал закончить перевод пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра», о напечатании которого он вел переговоры с издателем А. Ф. Дамичем еще в июле 1885 г.

206

Петербург. 29 ноября 1885 г.

Милая Маша, вчера Николай Степанович сообщил мне, что уже все готово, что министру очень приятно, что во главе театрального управления будут лица, близко связанные с театром. При императрице Екатерине

для управления театрами назначены были двое: управлять хозяйственной частью был назначен Аполлон Александрович Майков¹, а художественною — известный тогда драматический писатель князь Шаховской²; теперь для управления хозяйственной частью назначается родной внук того Майкова и тоже Аполлон Александрович, а художественной частью тоже известный драматический писатель, т. е. я. Запрос московскому генерал-губернатору³ посылается сегодня, или завтра; я уже написал Ивану Максимовичу⁴, чтобы не задержали ответ. Теперь дело стало только за Майковым; только бы он приехал; а то через два дня все готово. Я уж писал ему об этом⁵. Зачем тебе ездить к нему, такую даль? Еще, пожалуй, простудишься. Теперь уж он сам должен приехать поблагодарить тебя, что ты так о нем заботилась.

Сегодня вечером у меня будет Мартынов для окончательных переговоров о моих переводах; сегодня же мы и подпишем черновое условие. Если получу с него задаток, — сейчас же тебе вышлю. Я здоров, брат и Маша тебе кланяются; больше писать нечего да и некогда, — дела очень много.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Французу я дело обделал и Кондратьеву тоже; но ему придется подождать до января.

¹ Аполлон Александрович Майков (1761—1831) — стихотворец, автор нескольких од и комедий «Неудачный стовор, или Помодвил, да не женился». С 1802 по 1809 гг. был членом по экономической части императорских театров, с 1810 по 1820 г. — управляющим отделением московского театра, с 1821 по 1825 гг. — директором императорских театров.

² Александр Александрович кн. Шаховской (1777—1845) — драматург, член Российской академии. С 1802 по 1818 г. был членом по репертуарной части императорских театров.

³ Кн. В. А. Долгоруков — см. письмо 100.

⁴ И. М. Кондратьев.

⁵ См. письмо 22 ноября 1885 г. (XVI, 211—212).

207

Петербург. 30 ноября 1885 г.

Милая Маша, вчера я кончил с Мартыновым, я ему продал 2-е издание моих драматических переводов. Мне и во сне-то не снилось, что мои переводы кому-нибудь понадобятся, я об них и думать забыл; и вдруг нашелся покупатель. Продал я довольно выгодно, а вот что лучше всего: я выговорил у него, что при подписании условия я получаю в задаток 200 р. Он принесет деньги сегодня или завтра; я и пошлю их тебе. Эти деньги уж совсем неожиданные, это, что называется: «Бог на шапку послал».

Стасюлевич находит, что я сделал очень выгодную сделку. Вчера я получил письмо от А. А. Майкова¹; он пишет, что выезжает в Петербург в четверг. Я ему, по совету Михаила Николаевича, написал сегодня, чтобы он выезжал в среду. По четвергам у нас обедает Николай Степанович; если Майков придет к четвергу, то брат его пригласит обедать, и мы в тот же вечер перетолкуем с Николаем Степановичем о всех делах и все их порешим. Останется только представиться министру; таким образом, все дело кончится очень скоро. Не знаю, послушает ли меня Майков; а уж мне здесь становится невтерпеж, я весь истомился. Ну, да слава богу, теперь скоро конец. Главное, меня радует, что министр доволен очень нашим назначением и ожидает от него много пользы для театра; значит, он так доложит и государю.

Если будешь на бенефисе Садовской², то на другой день напиши мне, как он прошел.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Письмо А. А. Майкова к Островскому неизвестно; ответ Островского 30 ноября 1885 г. — XVI, 215.

² Бенефис О. О. Садовской состоялся 1 декабря 1885 г. Была поставлена пьеса М. П. Садовского «Душа-потемки».

208

(Петербург. 1 декабря 1885 г.)

Милая Маша, ты, кажется, думаешь, что за переводы можно много денег получить; потому что ты этими деньгами хочешь заплатить все долги? Ты ошибаешься. Переводов у меня только один том, и они ценятся в половину против оригинальных пьес. За оригинальные пьесы я беру с Мартынова 1200 р. за том, значит, за переводы можно взять только 600 руб., при том же за переводы вперед никогда не платят. Они идут туго; книгопродавец едва ли в два года вернет свои затраты на печать и бумагу; а если он еще вперед заплатит переводчику, то ему очень долго не придется получить не только барыша, но и своих издержек. Я продал очень выгодно; никому таких денег не дадут: Мартынов мне платит 200 р. сейчас и 500 руб. через год. Хорошо получать деньги вдруг, но хорошо тоже иметь верные и вперед. Не забудь, что это 2-е издание и что 1-е в 10 лет еще не все разошлось¹.

Долг Суворину покрылся. Мартынов с весны уже продал половину издания, т. е. 1500 экземпляров, и очень доволен.

Распределение ролей в «Воеводе»² я сделаю по приезду и ставить пьесу буду сам. Бумаги, я думаю, достанет, а табаку, пожалуй, не хватит. Пришли, если можно, с Майковым. Будь осторожна, береги свое здоровье; теперь уж ждать меня недолго, только бы не задержал Майков.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду издание: Драматические переводы. СПб., С. В. Звонарев, 1872.

² См. письмо 193.

209

Петербург. 3 декабря 1885 г.

Милая Маша, я здоров; писать решительно не о чем. Я сижу, работаю, считаю часы и минуты и жду Майкова.

Пьесу англичанина¹ пристроить очень мудрено: никто в журналах не печатает драматических вещей даже и оригинальных, а переводных и подавно. Я говорил Стасюлевичу, — он хотел дать ответ сегодня. Разрешение артистам участвовать в литературно-музыкальных вечерах, бесплатных и без печатных афиш, я выхлопотал. Теперь новые правила для артистов и новые бланки для контрактов печатаются. Как будут готовы, я пришлю или привезу с собой.

Николай сделал очень милую приписку на твоём письме. Если он 6-го числа именинник², то сделай ему какой-нибудь подарок и скажи, что это от меня.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Василий Фомич *Watson* (по сцене Дубровин; ум. 1896) — англичанин по национальности, инженер путей сообщения, переводчик; с 1886 г. — артист Малого театра. Ватсона и Островского связывали дружеские отношения. Он охотно помогал драматургу в переводе пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра»; Островский редактировал его переводы драматических произведений.

Речь идет о переводе комедии Байрона «Наши мальчишки».

² 6 декабря день именин Николая.

210

Петербург. 4 декабря 1885 г.

Милая Маша, Стасюлевича я вчера не видал, сегодня сам к нему съезжу за ответом о перевод<ной> пьесе Ватсона¹. Мартынов что-то пропал; к нему я пошлю курьера. Впрочем, у них к празднику очень много дела, они печатают разные объявления и публикации и бойко торгуют. Чем ближе дело к концу, тем сильнее нетерпение; я сегодня и ночь плохо спал, все представлялись мне Майков и Николай Степанович. Поздравь от меня Николая Игнатьевича². Николе³ я пришлю письмо. Теперь уж через день или два жди от меня важных и решительных известий. Как только состоится окончательное решение, извещу телеграммой. Поклонись всем знакомым.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 1 к письму 209.

² Вероятно, Островский просит поздравить Н. И. Музиля с днем именин (6 декабря).

³ Письмо Островского к Н. А. Островскому неизвестно.

211

⟨Петербург⟩ 5 декабря 1885 г.

Милая Маша, вчера вечером был у меня Мартынов; мы подписали условие, и он привез мне денег 200 р. Если я скоро поеду в Москву, то привезу их с собою, пересылать не стоит; если же что-нибудь меня задержит, то вышлю. Меня удивляет Майков: я ему писал еще в субботу, чтобы он непременно выезжал в среду и чтобы меня уведомил: брат меня вчера и сегодня спрашивал, приедет ли он к четвергу, — сегодня же присылал узнать о том и Николай Степанович. А от Майкова ни слуху, ни какого ответа. Если б он приехал в четверг, дело кончилось бы скоро; а если замедлит, то придется томиться еще неделю.

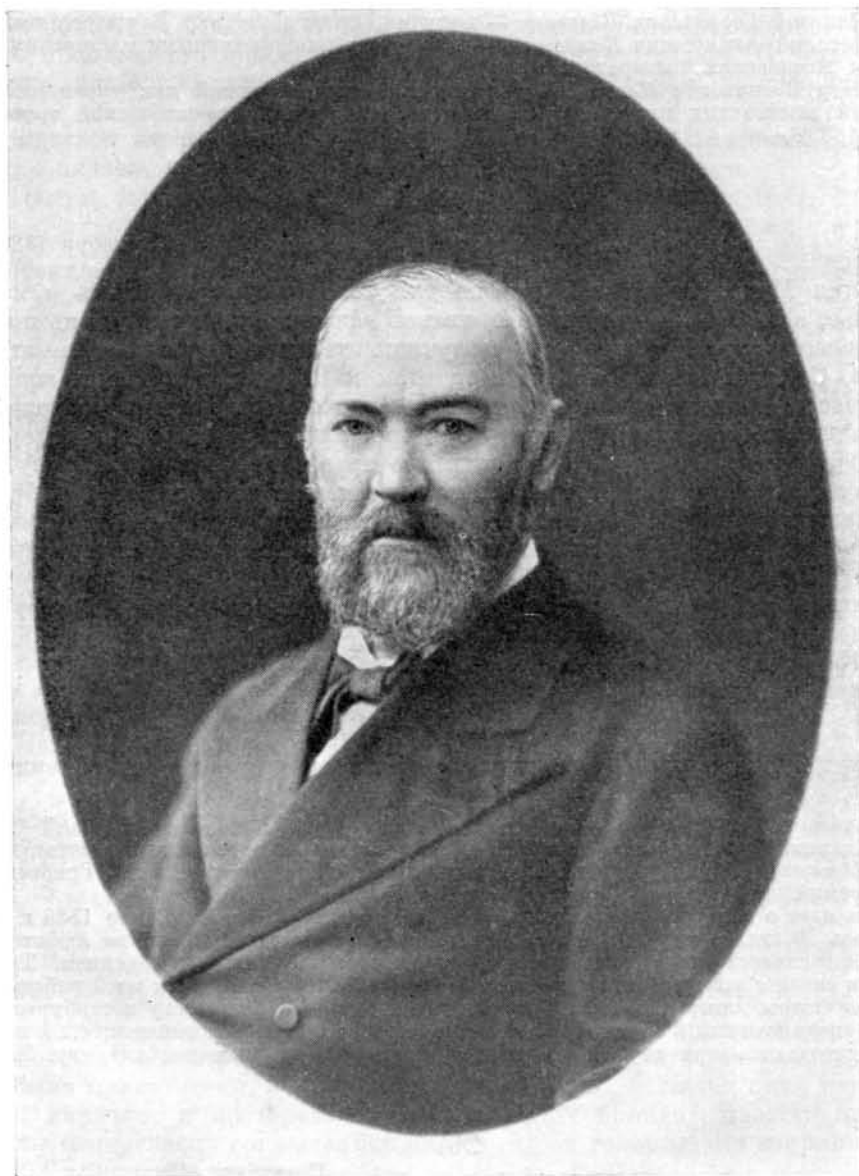
Брат и Маша тебе кланяются. Целую вас всех.

Твой А. Островский

212

Петербург, 6 декабря 1885 г.

Милая Маша, вчера приехал А. А. Майков и обедал у нас, был и Николай Степанович; мы протолковали весь вечер и все дела покончили. Сегодня готовый уже доклад о преобразовании московского театра Николай Степанович доставит министру; а министр завтра повезет его в Гатчину на высочайшее утверждение. В понедельник Николай Степанович представит Майкова министру; затем мы уже втроем, т. е. я, Майков и Николай Степанович съездим к министру для окончательных переговоров и чтоб откланяться. Потом и в Москву. А, впрочем, мы все это успеем покончить в понедельник же. Во всяком случае на этой неделе мы отде-

ОСТРОВСКИЙ

Фотография И. Г. Дягловченко. Москва, 1879 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

лаемся. На днях был здесь Пчельников и ему уж объявлено, что с 1 января мы вступаем в управление. Вельяшев¹ уволен, Кандауров² и Погожев³ тоже.

Бог с тобой! Что ты со мной сделала! Ты не прислала мне табаку с Майковым. У меня сильный насморк и кашель с мокротой, как было в прошлом году; от переменного табаку я буду кашлять беспрестанно.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

¹ Николай Георгиевич *Вельяшев* — поручик, полицеймейстер Большого театра.

² Василий Алексеевич *Кандауров* — заведующий декоративными мастерскими и складом московских императорских театров.

³ Петр Васильевич *Погожев* — чиновник особых поручений при управляющем конторой московских императорских театров, заведующий драматической труппой (1883—1885).

213

Петербург. 8 декабря 1885 г.

Милая Маша, пишу тебе только для того, чтобы уведомить о моем здоровье, а то больше писать не о чем; об важных делах ты будешь получать телеграммы. Может быть, получишь телеграмму и раньше этого письма. Сегодня Майков поедет с визитом к Петрову и привезет мне от него известия о вчерашнем докладе министра относительно преобразования московского театра. Погода у нас переменная: день или два мороз, а потом дождик; оттого у меня разломило правое плечо и левую руку, — просто покою не дает, и опять привязался насморк и прошлогодний бронхит. Кашель мучит особенно по ночам. Как приеду, так надо будет опять пить на ночь и по утрам какую-нибудь дрянь и налепить на грудь папье-фаляр.

Костюм Коле куплю, если не дорог; а то заплатишь дорого, а он будет не в пору. Лучше в Москве купим.

К 15-му числу приеду непременно.

Целую вас всех.

Твой А. Островский

Скажи Бурдину, что экземпляр «Ревизора» для Николая Саввича¹ ищем.

¹ Николай Саввич *Тихонравов* (1832—1893) — историк русской литературы, профессор Московского университета, академик, член жюри по присуждению Грибоедовских премий.

Речь идет о цензурном экземпляре комедии Гоголя «Ревизор». В мае 1886 г. исполнилось 50 лет со времени первого представления комедии. Общество любителей русской словесности решило отметить это событие публичным заседанием. Тихонравов в связи с этим работал над статьей о тексте «Ревизора». «Для моей работы, — писал он Островскому в 1885 г., — необходим цензурный экземпляр петербургских театров, подписанный 2 марта 1836 г. цензором Евстафием Ольдекопом, <...> коим руководствовались при первом представлении...» («Неизданные письма», стр. 565—566).

214

Петербург. 10 декабря 1885 г.

Милая Маша, дела наши идут к концу; мы с Майковым выезжаем в Москву в пятницу с почтовым поездом. В субботу, значит, вы можете нас встречать. Вчера Майков представлялся министру и имел с ним, в присутствии Петрова, продолжительный разговор; потом обедал у нас. А после обеда приехал Н. С. Петров и передал нам, что Майков произвел самое приятное впечатление на министра. Николай Степанович доставил мне все бумаги, касающиеся московских театров, т. е. сметы на будущий год, представленные из московской конторы, оклады и проч.

Майков уж простился с министром. В четверг я поеду к министру один, чтобы проститься и сообщить ему свой взгляд на управление труппами и школой и все предположения о переменах и улучшениях, которые я намерен сделать, и заранее испросить его согласия и разрешения. А Майков в четверг поедет с визитом к директору отрекомендоваться и познакомиться. «Так и так, мол, вы в Петербурге, а мы в Москве; будем

жить по-дружески и пр.» Потом в четверг у нас обед; брат желает поздравить и спрыснуть новое начальство московских театров. В четверг, по возвращении от министра, я пришлю тебе телеграмму. Высочайшее повеление об утверждении нас в должности последует в субботу; мы его дожидаться не станем; нас известят по телеграфу. Выезжаем мы, как я уже сказал, в пятницу, больше нам здесь делать нечего.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

Поклонись всем, кого увидишь, и извести артистов о моем приезде.

215

Петербург. 22 марта 1886 г.

Милая Маша, доехал я покойно и без утомления, но ночью спал мало, отчего, по приезде в Петербург, почувствовал утомление, так что едва влез наверх к завтраку. Выспавшись после завтрака, я почувствовал себя свежим и бодрым. Миша здоров и весел, положение его очень хорошо. В четверг государь уехал в Крым, с ним и министр. В Москве будут на обратном пути в конце апреля. Теперь управляет Министерством Н. С. Петров; он назначил мне явиться к нему сегодня в 3 часа. Завтра напишу тебе о нашем разговоре. Внизу комнаты, в которых вы жили, переделываются; их В. Ф. Бруевич¹ отделяет для Маши великолепным образом. Здесь погода очень хорошая, тепло и сухо, снегу и в помине нет. Больше писать не о чем. Пиши чаще.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Василий Федорович *Бруевич* — чиновник особых поручений при министре государственных имуществ.

216

Петербург. 23 марта 1886 г.

Милая Маша, вчера я видел Н. С. Петрова не надолго, у него было много просителей. Принял он меня очень радушно; серьезные переговоры назначены на завтра. Деньги едва ли успею получить: вчера, в субботу, не было присутствия, а во вторник благовещение, остается один понедельник; впрочем, я постараюсь. Вчера общее собрание¹ прошло отлично, члены единогласно соглашались на все, что я говорил. Во вторник напишу. Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ 22 марта 1886 г. Островский председательствовал на общем собрании членов Общества русских драматических писателей.

217

Петербург. 25 марта 1886 г.

Милая Маша, вчера я ровно два часа разговаривал в контроле с Николаем Степановичем по делам театра, и на все вопросы, порученные мне А. А. Майковым, получил ответы; но о школе¹ переговорить не успели. У Николая Степановича очень много дел, и все часы у него распределены, он назначил переговоры о школе на четверг после обеда у нас. Значит, я могу уехать в Москву только в пятницу; да и деньги мне из конторы

ранее четверга выдать не могут. Николай Степанович принял меня очень приветливо; он сказал мне, что он знает, что нам служить тяжело и неприятно; но что нечего делать, надо немного подождать. После этого приставать, чтобы сейчас же уволили того или другого, было бы и неучтиво и неблагодарно. Да и брат говорит, что нет службы, где бы таких неприятностей не было, что надо уметь терпеливо перенести их и побороть. В Крым ехать едва ли мне удастся. Во 1-х, уезжать и бросать театр перед приездом Двора, когда надо готовиться к приему государя, очень некрасиво, а, во 2-х, в первый год службы брать два отпуска в год (в Крым и в деревню) тоже не годится. Надо будет отложить до будущего года и заранее приготовить докторское свидетельство. О том, когда приеду, уведомлю письмом или телеграммой.

Савина насплетничала министру, что будто многие артисты хотят переходить в Москву ко мне. Об этом мне говорил Писарев, который был у меня.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ См. прим. 2 к письму 185.

218

Петербург. 27 марта 1886 г.

Милая Маша, если я сегодня покончу все разговоры с Николаем Степановичем, то выеду завтра, в пятницу, и буду в Москве в субботу. Перед выездом я пошлю тебе телеграмму, которую ты получишь, вероятно, вместе с этим письмом. Погода у нас вот уж третий день гнилая: ветер и дождь. Здоровье мое то же, что и в Москве. Михаил Николаевич тебе кланяется.

Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

219

Москва. 19 мая 1886 г.

Милая Маша, вчера проводили мы Любу¹ в Петербург. От нее я узнал, отчего нам не писали ни Михаил Николаевич, ни Молчанов. Брат был очень болен воспалением в легких; теперь он встал с постели, но еще слаб и кашляет. Не писали потому, что не хотели меня расстраивать. Вчера был у меня Кашперов; первое его слово было: «Как должна меня ненавидеть и бранить Марья Васильевна, но я не виноват. Я давно, еще зимой, раза два хотел предупредить вас, чтобы нам вместе принять какие-нибудь меры; но всякий раз меня не допускал Петя, который у нас в доме распоряжается и имеет влияние на Аделаиду Николаевну². Я ни за что не допущу поездки к Андрюше и вообще устрою все дело. Я был бы подлецом, чтобы позволить себе сделать что-нибудь против вас и брата вашего». Я с своей стороны поговорю с Мишей и обещаю тебе, что это дело кончится ничем³. Здоровье мое очень расстроилось, в субботу и вчера я не ел ничего и обе ночи не спал, так и не раздевался, начались боли рук и дурноты, вчера посылали за Добровым⁴, он прописал лекарство. Он нашел очень сильное расстройство всей нервной системы. В среду придет ко мне Остроумов. Ты обо мне не беспокойся, мне только поустроить дела и поуспокоиться, и я опять окрепну. Только бы ты была здорова и покойна. Твоя болезнь и истерики губительнее всего действуют на мое бедное, любящее, но уж разбитое сердце. Минорский за мной ухаживает,

А. В. БАХМЕТЬЕВ,

брат М. В. Островской

Фотография

Институт русской литературы

АН СССР, Ленинград

как нянька. Номера у них очень дороги: мой № стоит 5 руб., за маленький номер для Любы я заплатил 3 руб. 50 к.⁵ Прощай, будь здорова! Целую тебя и детей.

Твой А. Островский

¹ Л. С. Островская.

² Аделаида (Адель) Николаевна — жена В. Н. Кашперова.

³ Речь идет о семейной неприятности, связанной с предполагаемой женитьбой сына Островского, Михаила Александровича. По свидетельству И. А. Купчинского, Островскому были известны разговоры о том, что семейство Кашперовых «ловит его второго сына, Михаила Александровича <...> для одной из дочерей. Получались анонимные письма о том же, но Александр Николаевич все это считал интригой кого-то, желавшего поссорить его с другом Кашперовым, <...> не придавал <этому> ровно никакого значения и даже считал лишним вызвать сына по поводу слухов на объяснение» (И. А. Купчинский. Из воспоминаний об Александре Николаевиче Островском. — «Островский в воспоминаниях современников», стр. 245). Однако слухи подтвердились: при беседе сын сказал Островскому, что «обязан жениться на Кашперовой» (там же, стр. 246). Но женитьба не состоялась: в 1888 г. Михаил Александрович заболел дифтеритом и умер.

⁴ Сергей Васильевич Добров — врач, помощник инспектора Московского университета.

⁵ 17 мая 1886 г. после отъезда М. В. Островской с детьми (Александром, Марией, Николаем, Любовью) в Щельково, Островский переселился в гостиницу «Дрезден», так как казенная квартира, предназначенная ему в доме театра, была не готова.